В. Г. Кондратьев

Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. Г. КОНДРАТЬЕВ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ VIII—XI вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1981

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии исследуются фонетика, морфология и синтаксис языка памятников рунической, уйгурской и манихейской письменности УШ–XI вв.; рассматривается проблема отношения древнетюркского языка к современным тюркским языкам, развитие тюркских языков. На основе использования материала древнетюркского языка выявляются типологические особенности агглютинативных языков.

Книга рассчитана на специалистов-тюркологов и лингвистов, занимающихся проблемами общего языкознания, а также на студентов, обучающихся в вузах тюркоязычных республик СССР и на факультетах восточных языков.

Р е ц е н з е н т ы: акад. А.Н.Кононов,
проф. С.Н.Иванов

К 70104 – 056
076(02) – 81 129–81. 4602010000

© Издательство Ленинградского университета, 1981 г.

В В Е Д Е Н И Е

В этой работе мы попытаемся разрешить следующие задачи:

I. Дать описание основных особенностей грамматического строя языка памятников древнетюркской письменности УШ-XI вв. (ДТП) и определить основные тенденции в развитии тюркских языков, исследовать характер изменений, происходящих в их грамматических категориях, путем сопоставления языка ДТП с современными тюркскими языками.

2. Выявить общие черты в грамматическом строе языка ДТП и некоторых современных тюркских языков с целью установления возможных генетических связей языка ДТП.

При решении данных задач мы используем метод, который был успешно применен С.Н.Ивановым для исследования грамматического строя тюркских языков на материале староузбекского и современного турецкого языков.[1] Этот метод, основанный на положениях диалектической логики, исходит из следующих принципов:[2] а) системности (общее относится к единичному как система, в которую включено это единичное); б) относительности (каждое явление языка определяется лишь по отношению ко всем другим явлениям того же языка); в) субстанциональности (грамматическая форма является носителем всех свои значений как свойств, проявляющихся в ее отношениях - синтаксических функциях); г) противоречивости (сущность каждой грамматической формы противоречиво двойственна).

---

[1] И в а н о в С.Н. 1) Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана; Грамматический очерк. Ташкент, 1969; 2) Курс турецкой грамматики, ч.I. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975; 3) Курс турецкой грамматики, ч.2. Грамматические категории глагола. Л., 1977.

[2] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.26.

При исследовании грамматического строя языка ЦДТП, определении основных тенденций в развитии тюркских языков и установлении генетических связей языка ЦДТП с современными тюркскими языками мы исходим из следующих положений:

1. Грамматическая форма представляет собой противоречивую сущность. В грамматических категориях с двучленным противопоставлением форм, например в категории числа, двойственность значений каждой формы связана с ее двояким отношением: к своему корреляту-антиподу (внешнее противоречие) и ко всей категории в целом, т.е. к самой себе и к корреляту (внутреннее противоречие). В грамматических категориях с многочленным противопоставлением форм, например в категории склонения, двойственность грамматической формы проявляется в ее вхождении в два ряда грамматических оппозиций. Грамматическая категория образует большой ряд, который делится на два малых ряда. Грамматическая форма противостоит, с одной стороны, ближайшим коррелятам в "своем" малом ряду, а с другой - большому ряду в целом.

2. Каждый синхронный срез языка представляет собой совокупность данных, свидетельствующих не только о фиксируемой структуре языка, но также и о предшествовавших ей состояниях.[3]

3. Грамматические категории не являются неизменными. Оппозиции грамматических форм и характер раздвоенности их значений изменяются в процессе развития языка.

4. Часть значений грамматической формы связана с отражаемой действительностью, конкретна, мотивирована, часть же этих значений более абстрактна, немотивирована.

5. В основе развития языка лежат внутренние противоречия, противоречивые тенденции. Так, во всех языках действует тенденция к выражению различных значений и функций различными формальными средствами и противоположная ей тенденция - к выражению одинаковых или близких значений и функций одинаковыми средствами. Эти противоположные тенденции являются важным внутренним противоречием языка, обусловливающим его постоянное изменение.

6. При сопоставлении различных тюркских языков необходимо учитывать их наиболее существенные отличительные особенности в

---

[3] И в а н о в С.Н. О сохранении в строе языка его прежних состояний. - СТ, 1973, № 6, с.9-16.

совокупности. При установлении генетических связей между тюркскими языками следует принимать во внимание только те общие черты, которые сближают сопоставляемые языки и в то же время отличают их от других тюркских языков.

В зависимости от используемой письменности ПДТП можно разделить на рунические, уйгурские и манихейские.[4]

Рунические памятники представлены прежде всего шестью большими надписями на стелах: памятник Кюль-Тегину (732 г.), памятник Бильге-кагану (735 г.), памятник в честь Тоньикука (предположительно между 712 и 716 гг.), Онгинский памятник (предположительно 731 г.), памятник Кули-чуру (предположительно 721 г.), памятник Моюн-чуру (предположительно 759 г.). Эти надписи находятся в Северной Монголии и получили название орхонских по названию долины Орхон, где были обнаружены памятники Кюль-Тегину и Бильге-кагану. Рунические памятники были также найдены в верховьях Енисея и Тувинской АССР (енисейские памятники). В большинстве случаев они датируются IX-X вв. Отдельные рунические надписи встречаются на Алтае, в Киргизии и Фергане. В Дуньхуане и Миране (Северо-Западный Китай) были найдены рукописные фрагменты, представляющие собой собрание примет и предсказаний (Ырк битиг - Гадательная книга), и фрагменты религиозного содержания. Ориентировочно они датируются IX в. Ценность рунических памятников заключается в том, что это древнейшие оригинальные тексты. Однако они относительно ограничены по объему и содержанию, в них много шаблонных выражений. Эти памятники дают много ценных сведений о фонетике и значительно меньше для исследования грамматического строя, особенно значений грамматических форм.

Древнеуйгурские памятники - в основном переводы. Самый крупный из них - Сутра Золотого блеска (Алтун йарук), переведенная с китайского языка предположительно в X в., что подтверждается фонетическим обликом китайских заимствований. Количество древнеуйгурских памятников очень велико. Они обнаружены в Турфане и других районах Северо-Западного Китая, относятся к X-XIII вв.

[4] Тенишев Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. - СТ, 1976, № 1, с.27-33.

Манихейские памятники обнаружены в Северо-Западном Китае, в основном в Турфане. Наиболее значительный из них – Хуастуанифт (покаянная молитва манихейцев), предположительно относится к УП в. Остальные манихейские памятники представлены фрагментами.

Уйгурские и манихейские памятники являются главным образом переводами, датировать их довольно трудно, но они имеют большую ценность, потому что объем их значительно больше, чем объем рунических памятников, а содержание представляет собой философские рассуждения, которые дают богатый материал для исследования грамматических форм и синтаксиса.

Памятники древнетюркской письменности УШ–XI вв. имеют определенные различия. Ряд тюркологов пытался дать классификацию памятников. Так, В.Радлов выделял три группы:[5] северную (рунические надписи), южную (уйгурские тексты) и смешанную (манихейские тексты, включая и тексты манихейского содержания уйгурским письмом). Особенности северной группы он находил в следующем: в аллауте – только глухие согласные (кроме б), начальный б сохраняется в словах, оканчивающихся на н и ң (бэн 'я'), аффикс местно-исходного падежа -да, аффикс родительного падежа после согласного начинается с гласного (-ың), аффикс 2-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени -дыг. Особенности южной группы: б может переходить в м в основах, оканчивающихся на н и ң, аффикс родительного падежа после согласного начинается с н (-ның), аффикс 2-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени -дың. Смешанный диалект (к нему относится и Сутра Золотого блеска) включает особенности обеих групп. В.Радлов исходит из графики и из морфологических и фонетических особенностей памятников. Однако эта классификация не вполне удовлетворительна. В памятнике Кюль-Тегину б переходит в м в основах, оканчивающихся на н (мэн 'я'), в памятниках Тоньюкуку и Моинчуру используется аффикс исходного падежа -дан, аффикс 2-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени имеет форму -дың. Все эти памятники, по классификации В.Радлова, относятся к северной группе, между тем указанные особенности характерны для южной группы памятников.

[5] R a d l o f f W. Alttürkische Studien. IV, V. Известия АН, УІ сер. СПб, 1911, № 5, с.305-326; № 6, с.427-452.

А.Габен[6] делит древнетюркские памятники на три группы в зависимости от первого согласного в слове аньыг 'плохой'. В руни-ческих памятниках оно имеет форму аньыг (по терминологии А.Габен "нь-диалект"), в части манихейских памятников и руко-писях руническим письмом – аныг (по терминологии А.Габен "н-диалект"), в большинстве уйгурских и позднеманихейских памят-ников – айыг (по терминологии А.Габен "й-диалект"). А.Габен берет за основу язык третьей группы памятников, отмечая те особенности, которые отличают от него язык первой и второй групп. Особенности первой группы памятников: согласный в от-сутствует, ему соответствует б (суб 'вода'), начальный б со-храняется в словах, оканчивающихся на н и ң, аффикс родитель-ного падежа после согласного начинается с гласного (-ың), аф-фикс исходного падежа -дан отсутствует, аффикс мн.ч. -лар ис-пользуется редко, множественность может выражаться словами әл-ку, сайу, копан или аффиксом -гун, 2-е л.прошедшего категори-ческого времени образуется с помощью аффиксов -дыг (ед.ч.) и -дыгыз (мн.ч.), аффикс принадлежности 2-го л.ед.ч. иногда име-ет форму -ң, аффикс принадлежности 2-го л.мн.ч. – форму -гыз (в третьей группе памятников употребляются аффиксы прошедшего категорического времени и аффиксы принадлежности 2-го л. с со-гласным н), повелительное наклонение в 3-м л. имеет аффикс -сун (в третьей группе памятников -зун), долженствование выражается формой -сык (в третьей группе памятников -гулук), деепричастие -пан употребляется так же часто, как и деепричастие -п (в тре-тьей группе памятников преобладает деепричастие -п), встреча-ется глагольная форма -чы, предположение выражается словом эринч (в третьей группе памятников – словом эрки).

Классификация А.Габен, как и классификация В.Радлова, не вполне четко выделяет основные особенности языка различных групп памятников. А.Габен считает, что в рунических памятниках со-гласный б в конце слога еще не перешел в в. Однако вполне воз-можно, что уже в этих памятниках согласный б в конце слога про-износился не как смычный согласный, а как губно-губной щелевой

---

[6] G a b a i n A. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974, S.3-8.

согласный [w], будучи позиционным вариантом б. Согласный б в некоторых рунических текстах может переходить в м в основах, оканчивающихся на н и ң. Это явление наблюдается в памятниках Кюль-Тегину и Бильге-кагану. Слова алку, сайу, коп выражают множественность и в уйгурских текстах. Аффикс исходного падежа используется в памятнике Тоньюкуку. 2-е л. прошедшего категорического времени имеет аффикс, оканчивающийся на ң в ед. ч. в этом же памятнике, долженствование выражается формой -тудук, деепричастие -пан не встречается. Аналогичные особенности мы находим и в памятнике Моюн-чуру. Не одинаковы в языковом отношении и енисейские памятники.[7]

В связи с проблемой классификации различных групп памятников древнетюркской письменности необходимо остановиться на соотношении языка рунических и древнеуйгурских памятников (манихейские памятники сочетают особенности языка обеих групп). Как показывает изучение грамматического строя языка рунических и древнеуйгурских памятников, обе группы памятников имеют общие особенности, которые отличают их от большинства современных тюркских языков. Эти особенности следующие: винительный падеж образуется с помощью аффикса -г, отсутствующего в современных тюркских языках. Используются формы дательно-направительного падежа (аффикс -гэру) и инструментального падежа (аффикс -н). Аффикс -да может передавать аблативные значения. В двузначных числительных единицы предшествуют десяткам (бир отуз 'двадцать один'). Порядковые числительные, кроме числительных илик 'первый' и экинти 'второй', образуются с помощью аффикса -нч (без конечного узкого гласного). Аффиксы дательного и местного падежей присоединяются к форме родительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го л.мн.ч. (бизинэ, сизинтэ). Помимо аффиксов, образующих глаголы от имен, которые мы находим в современных тюркских языках, используются аффиксы -ад, -сыра (с привативным значением). Форма понудительного залога образуется посредством аффиксов -тыз и -уз (наряду с аффиксами -тур и -р). Формы возможности и невозможности образуются с помощью сочетания деепричастия -а ~ -у со вспомогательным глаголом у- 'мочь'

---

[7] Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с.118-119.

в положительном (аспект возможности) и отрицательном (аспект невозможности) аспектах. Личные формы времен (кроме прошедшего категорического времени -ды) образуются аналитически: основы временных форм сочетаются с личными местоимениями, сохраняющими свой звуковой состав неизменным независимо от состава гласных основы. Во 2-м л.ед.ч. повелительного наклонения к основе глагола может присоединяться аффикс -гыл, усиливающий значение повелительного наклонения. Аффикс 3-го л. повелительного наклонения (-сун ~ -зун) всегда имеет губной гласный. Используются формы -дачы и -гулук (выражают будущее время с оттенками долженствования и возможности), а также деепричастие -пан (имеет те же значения, что и деепричастие -п) и деепричастия -маты, -матын (соответствуют деепричастиям -п, -пан в отрицательном аспекте). Условие выражается формой, образуемой с помощью аффикса -сар. Различия в грамматическом строе между руническими и древнеуйгурскими памятниками очень незначительны. В древнеуйгурских памятниках аффикс родительного падежа имеет форму -ныӈ не только после основ на гласный, но и после основ на согласный. Встречается аффикс винительного падежа -ны, однако чаще используется аффикс -г. Наряду с аффиксом локатива-аблатива -да широко используется аффикс собственно исходного падежа -дан / -дын. Следует при этом отметить, что форма исходного падежа встречается и в рунических памятниках (памятник Тоньюкуку). Форма -мыш употребляется шире, чем в рунических памятниках. Она может выступать не только в функции развернутого определения, но и в функции других развернутых членов предложения, принимая падежные аффиксы. В рунических памятниках в этой функции используется форма -дук.

Таким образом, рунические и древнеуйгурские памятники имеют определенные различия, однако они незначительны. В то же время обе группы памятников имеют много общих особенностей, отличающих их от современных тюркских языков. Тесная связь между языком рунических памятников и языком древнеуйгурских памятников, традиционно называемым древнеуйгурским, не подлежит сомнению. В.М.Насилов пишет: "Этногенетическая общность и длительное историческое соседство связывает язык древних уйгуров

с языком орхонских тюрков".[8] Именно на основе тюркского рунического койне сложился древнеуйгурский язык.[9] Язык рунических текстов выступал как язык-эталон, который постепенно изменялся под действием уйгурских племенных диалектов.[10] В целом основные черты грамматического строя языка рунических памятников сохраняются в древнеуйгурском языке. На близость языка рунических и древнеуйгурских памятников указывал и А.Н.Самойлович. Он писал: "Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменностей не дают, по-моему, достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я поэтому не склонен резко разграничивать эти языки; хотя, конечно, не смогу отрицать за каждым из них некоторых особенностей".[11] Памятники манихейской письменности сочетают особенности языка рунических и древнеуйгурских памятников. Поэтому при исследовании грамматического строя всех трех групп памятников их следует рассматривать в совокупности, учитывая в то же время определенные различия, которые существуют между ними.

Исследованию грамматического строя языка ПДП посвящен ряд работ (подробный обзор этих работ дается в монографиях Т.Текина, Г.Айдарова, А.Н.Кононова и статьях А.Н.Кононова и Д.М.Насилова).[12] В основном они посвящены особенностям языка орхонских памятников. Особенности древнеуйгурских и манихейских па-

---

[8] Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с.12.

[9] Тенишев Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. – СТ, 1976, № 1, с.30-31.

[10] Тугушева Л.Ю. Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие. – В кн.: Тюркологический сборник, 1974. М., 1978, с.122.

[11] Самойлович А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. ИГ, 1922, с.7.

[12] Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968; Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности УШ в. Алма-Ата, 1971, с.7-11; Кононов А.Н. 1) Грамматика языка тюркских рунических памятников УП-IX вв. Л., 1980; 2) Развитие тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. – СТ, 1974, № 2, с.11; Насилов Д.М. Памятники древнетюркской письменности в отечественных тюркологических исследованиях последних лет. – СТ, 1976, № 1, с.82-95.

мятников рассматриваются в монографиях В.М.Насилова[13] и А.Габен.[14] Работа А.Габен, в отличие от остальных исследований по грамматике языка ЦДТП, представляет собой описание фонетики и грамматики языка ЦДТП в целом, т.е. языка рунических памятников и памятников уйгурской и манихейской письменности. Таким образом, тематика монографии А.Габен в известной мере совпадает с тематикой нашей работы. А.Габен подробно перечисляет формы словообразования и словоизменения, однако значения грамматических форм даны ею очень кратко, различие между морфологией и синтаксисом проводится недостаточно четко, часто одни и те же формы описаны в различных частях работы. В целом работа носит описательный характер.

О ТРАНСКРИПЦИИ И СОКРАЩЕНИЯХ

Примеры даются в русской транскрипции. В сочетании с гласными заднего ряда г обозначает заднеязычный г, к - заднеязычный к, л в сочетании с гласными переднего ряда обозначает мягкий л, сочетание нь - назализованный й. Аффиксы приводятся в вариантах с негубным гласным заднего ряда и с начальным звонким согласным, если аффикс начинается с согласного и имеет варианты с глухим и звонким согласным. Например, аффикс прошедшего категорического времени -ды имеет формы с начальным звонким согласным после гласных и звонких согласных и с глухим начальным согласным после глухих согласных, с негубным гласным заднего ряда после негубных гласных заднего ряда, с негубным гласным переднего ряда после негубных гласных переднего ряда, с губным гласным заднего ряда после губных гласных заднего ряда и с губным гласным переднего ряда после губных гласных переднего ряда. -ды / -ты /-ди /-ти/ -ду/ -ту /-дӱ /-тӱ. В работе дается вариант -ды. Аффиксы, состоящие из одного согласного или начинающиеся с двух согласных, непосредственно присоединяются к гласным основам. Если основа оканчивается на согласный,

---

[13] Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

[14] Gabain A. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974.

перед аффиксом появляется соединительный гласный, как правило, узкий и подчиняющийся палатальной и губной гармонии гласных. Указанные аффиксы приводятся в вариантах, употребляемых после гласных основ. Например, аффикс винительного падежа -ŋ после гласных имеет форму -ŋ, после согласных - форму с соединительным гласным, подчиняющимся действию палатальной и губной гармонии гласных. Таким образом, аффикс винительного падежа имеет формы -ŋ/ -иŋ/ -иŋ/ -уŋ/ -ӱŋ. В работе приводится вариант -ŋ.

В работе использованы следующие сокращения:

Издания памятников, монографии, статьи, словари

А. - А г а з а д е Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку, 1967.

БК - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.II-25 (памятник Бильге-кагану).

БК - надпись на лицевой стороне грани, БК Ха, БК Хb, БК Хс - надписи на боковых гранях памятника. - Цифры обозначают номера строк соответствующей части памятника.

Г. - Г а д ж и е в а Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

ДТС - Д р е в н е т ю р к с к и й словарь. Л., 1969.

Е - М а л о в С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.;Л., 1952.

Кб - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.21-33 (памятник в честь Кюль-Тегина, большая надпись). - Цифры обозначают номера строк.

Км - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.30,27,28 (памятник в честь Кюль-Тегина, малая надпись). - Цифры обозначают номера строк.

КП - P e l l i o t P. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyanamkara et Papamkara. T'oung Pao, v. XV. Leide, 1914, p.225-272. - Первая цифра обозначает номер страницы списка, вторая цифра - номер строки на странице списка.

Куан - R a d l o f f W. Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe

des Saddharmapundarika. St.-Peterburg, 1911. - Цифры обозначают номера строк.

КЧ - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.25-30 (памятник Кули-чуру). - Цифры обозначают номера строк.

Ман - L e C o q A. Türkische Manichaica aus Chotscho. - APAW., phil.-hist. Klasse. Berlin, 1911(I), 1919(II), 1922(III). - Первая арабская цифра обозначает номер страницы издания, вторая арабская цифра - номер строки на странице.

МЧ - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.30-43 (памятник Моюн-чуру). - Цифры обозначают номера строк.

О - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959, с.7-11 (Онгинский памятник). О - надпись на лицевой грани, Оа - надпись на боковой грани; цифры обозначают номера строк соответствующей части памятника.

Рах.I - R a c h m a t i G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW, 1930. - Арабские цифры обозначают номера строк.

Рах.II - R a c h m a t i G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. II. SPAW, 1932. - Первая арабская цифра обозначает номер фрагмента, вторая арабская цифра - номер строки фрагмента.

С - B a n g W. und G a b a i n A.von. Uigurische Studien. I. Das Sündenbekenntnis aus dem Suvarnaprabhasa. Uigurische Jahrbücher. Berlin - Leipzig. Bd X, Heft 3, 1930, S. 193-207. - Первая цифра обозначает номер страницы, вторая цифра - номер строки по всему памятнику.

СА - B a n g W. und G a b a i n A.von. Uigurische Studien. Anhang. Uigurische Jahrbücher. Bd X, Heft 3, 1930, S. 208-210. - Цифры обозначают номера строк.

СЗБ - S u v a r n a p r a b h a s a - (Сутра Золотого блеска). - Bibliotheca Buddhica, XVII, СПб.; Пр., 1913-1917, Л., 1930. - Первая цифра обозначает номер страницы издания, вторая цифра - номер строки на странице.

Су - М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.76-77 (Суджинская надпись). - Цифры обозначают номера строк.

Т – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.56-70 (Памятник в честь Тоньюкука). – Цифры обозначают номера строк.

ТБ – Thomsen V. Ein Blatt in türkischer "Runen"-schrift aus Turfan. SPAW, 1910, s.296-306. – Цифры обозначают номера строк.

ТС II – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с.80-92 (Гадательная книга).

ТТ – Bang W. und Gabain A.von. Türkische Turfan-Texte, I – SPAW, XV, Berlin, 1929; II – SPAW, XXII, 1929; III – SPAW, XIII, 1930; IV – SPAW, XXIV, 1930; V – SPAW, XIV, 1931; Bang W., Gabain A. von und Rachmati G.R. Türkische Turfan – Texte; VI – SPAW, X, Berlin, 1934; VII – Rachmati G.R. Türkische Turfan – Texte, APAW, N 12, Berlin, 1936; VIII – Gabain A. von. Türkische Turfan – Texte, ADAW, 1952, N 7; IX – Gabain A. von und Winter W. Türkische Turfan – Texte, ADAW, 1956, N2; X – Gabain A. von. Türkische Turfan – Texte, ADAW, 1958, N 1.
В изданиях I, III, VI, IX, X арабская цифра указывает на номер строки по всему изданию. В изданиях II, IV, V, VII третья буква указывает на фрагмент, арабская цифра – на номер строки по каждому фрагменту, в издании VII первая арабская цифра обозначает номер фрагмента, вторая арабская цифра – номер строки по каждому фрагменту.

У. – Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950.

Уйг. – Müller F.W.K. Uigurica, 1 – APAW, phil.-hist. Klasse, Abh. II, Berlin, 1908; II – APAW, Abh. III, 1910; III – APAW, N 2, 1922; IV – SPAW, XXIV, 1931. – В изданиях I, II, III первая арабская цифра обозначает номер страницы, вторая арабская цифра – номер строки на странице. В издании IV буквы А, В, С, Д указывают на соответствующие тексты по изданию, арабские цифры – номера строк по каждому тексту.

УСп – Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928. – Первая цифра обозначает номер памятника, вторая цифра – номер строки в памятнике.

Хуаст. - Дмитриева Л.В. Хуастуанифт. - В кн.: Тюркологические исследования. М.; Л., 1963, с.214-232. - Цифры обозначают номера строк по сводному тексту.

Хюэн - Gabain A. von. 1) Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. SPAW, 1935, S.151-180; 2) Briefe der uigurischen Hüen-tsang Biographie. SPAW, 1938, S. 371-415. - Цифры обозначают номера строк.

ЯРС - Якутско-русский словарь. М., 1972.

ЯС - Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. М., 1938.

Периодические издания и сборники

ВЯ - Вопросы языкознания.

ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб, б. г.

ИСТТЯ - Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., ч.I, 1955; ч.II, 1956; ч.III, 1961.

СТ - Советская тюркология. Баку.

ADAW - Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin.

APAW - Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.

JSFOu - Journal de la société Finno-Ougrienne. Helsingfors - Helsinki.

SPAW - Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.

Названия языков

азерб.	- азербайджанский	тур.	- турецкий
алт.	- алтайский	турк.	- туркменский
башк.	- башкирский	узб.	- узбекский
монг.	- монгольский	уйг.	- уйгурский
рус.	- русский	хак.	- хакасский
скр.	- санскрит	чув.	- чувашский
тат.	- татарский	якут.	- якутский
тув.	- тувинский		

Прочие сокращения

Адд	– автореферат докторской диссертации
Акд	– автореферат кандидатской диссертации
афф.	– аффикс
дат.-напр.	– дательно-направительный
инстр.	– инструментальный
исх.	– исходный
местно-исх.	– местно-исходный

Глава I

ФОНОЛОГИЯ

ГЛАСНЫЕ

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В рунической письменности графически различаются следующие группы гласных: а/э, ы/и, о/у, ӧ/ӱ. Рядность негубных гласных и различие между узкими и широкими губными гласными на письме не отражаются. На рядность негубных гласных указывают знаки для некоторых согласных: один согласный передается двумя различными знаками, в зависимости от того, с гласным какого ряда он сочетается. В уйгурской письменности и манихейской письменности графически различаются гласные а, э и группы гласных ы/и, о/у, ӧ/ӱ. Не передается рядность узких негубных гласных и различие между узкими и широкими губными гласными, а также иногда рядность широких негубных и всех губных гласных. На рядность гласных в уйгурской письменности и манихейской письменности указывают знаки для согласных к и г: согласные к и г употребляются только с гласными заднего ряда.

С учетом данных современных тюркских языков система гласных фонем языка ПДТП может быть реконструирована следующим образом:

Гласные заднего ряда		Гласные переднего ряда	
негубные	губные	негубные	губные
широкие а	о	э	ӧ
узкие ы	у	и	ӱ

Можно предположить, что в языке ПДТП существовали долгие гласные. В древнеуйгурских памятниках часто встречается удвоенное написание гласных, в отдельных случаях это наблюдается и в манихейских памятниках.[1]

Редукция гласных в языке ПДТП имеет случайный характер. Редукции подвергаются узкие гласные во втором и последующих слогах: огрынта < огурынта 'при случае', оглы < огулы 'его сын', иштил- < ишитил- 'быть услышанным'. Однако наряду с формами огрынта, оглынта, иштил- используются и формы огурынта, огулынта, ишитил-.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Палатальная гармония гласных в языке ПДТП действует регулярно; после гласных заднего или переднего ряда следуют гласные того же ряда: барып 'пойдя', ыдмаз 'не посылает', бэртимиз 'мы дали', иди 'господин', йазукумуята 'от наших грехов', болмак 'существование', кўчлўг 'сильный', эдгўлўк 'добро', этўзтэки 'находящийся в теле'.

При губной гармонии гласных узкие негубные гласные во втором и последующих слогах переходят в узкие губные гласные, если в предшествующем слоге есть губной гласный. В рунической письменности узкие гласные обозначаются только в первом слоге и в ауслауте. Поэтому очень часто трудно сказать, происходила лабиализация или нет. В древнеуйгурских памятниках узкие гласные обычно обозначаются во всех позициях, что дает возможность точно определить, какой характер имело действие губной гармонии гласных. Данные древнеуйгурских памятников показывают, что губная гармония гласных проявляется менее регулярно, чем палатальная. Близость языка древнеуйгурских и рунических памятников позволяет предположить, что действие губной гармонии гласных имело одинаковый характер в обеих группах памятников. Узкий негубной соединительный гласный лабиализуется перед словообразовательными аффиксами (-г, -м, -ш, -нч образуют имена от гла-

---

[1] Щ е р б а к А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с.53-54; Р я с я н е н М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с.43, 50.

голов; -рка - глаголы от имен, -гса, -л, -н, -к, -ш, -з - глаголы от глаголов), перед словоизменительными (-т - аффикс вин. пад., -ң - аффикс род.пад., -н - аффикс инструмент.пад., лабиализация этого аффикса имеет спорадический характер, -м - аффикс принадлежности 1-го л.ед.ч., -ң - аффикс принадлежности 2-го л.ед.ч., -мыз - аффикс принадлежности 1-го л.мн.ч., -ңыз аффикс принадлежности 2-го л.мн.ч., -нч - аффикс порядковых числительных, -ң - аффикс 2-го л.мн.ч. повелит.наклонения, -п, -пан - аффиксы деепричастий). Узкий гласный также лабиализуется в словообразовательных аффиксах (-лыг, -лыи, -сыз, -тын образуют имена от имен) и аффиксе -ды прошедшего категорического времени, в сочетании с личными показателями. Если после губного гласного основы следуют два согласных, то в отдельных случаях это препятствует лабиализации: бэлгүртип 'заставляя появиться' (ТТ У, А II6).[2]

При исследовании действия губной гармонии гласных выявляется следующая закономерность: лабиализация происходит обычно в закрытом слоге. Аналогичное явление наблюдается и в современном уйгурском языке. В открытом слоге, особенно конечном, лабиализации не происходит. С нашей точки зрения, это объясняется более четким произношением гласного в данной позиции, что и препятствует уподоблению гласного предшествующим гласным.

Отсутствие последовательной губной гармонии гласных в древнейших рунических памятниках, где узкий гласный в ауслауте никогда не лабиализуется (болты, ӧлти), свидетельствует о том, что уже в древнейший известный нам период существования тюркских языков губная гармония гласных представляла собой нерегулярное явление.

---

[2] G a b a i n A. von. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974, S.48.

СОГЛАСНЫЕ

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В рунической письменности различаются согласные п, б, м, т, д, н, с, н, нь, ч, ш, к, г, ң, р, л, й, ш. Для согласных б, т, д, с, н, р, л, й руническая письменность использует различные знаки в зависимости от того, с какими гласными – заднего или переднего ряда – они сочетаются. В манихейской письменности различаются согласные п, б, м, т, д, н, с, н, ч, ш, к, г, ң, р, л, й, ш, р, х, ж. В уйгурской письменности характер передачи согласных близок манихейской письменности, однако фонемы п, б и часто к, г не различаются по глухости – звонкости. В рунической письменности для в нет особого знака в словах, где в современных тюркских языках используется в, ему соответствует б. В манихейской письменности для в используется модификация знака, обозначающего б, в уйгурской письменности в обозначается тем же знаком, что губной гласный заднего ряда. Можно предположить, что графика памятников отражает превращение фонетического варианта фонемы б (видимо, уже в языке рунических памятников в конечной позиции б в ряде слов произносился как губно-губной согласный w, например в слове суб 'вода') в самостоятельную фонему в. Согласный ш передается в памятниках крайне непоследовательно. В памятниках Юль-Тегину и Бильге-кагану он обозначается особым знаком, в памятнике Тоньюкуку – знаком для согласного с, употребляемым в сочетании с гласными переднего ряда. В памятнике Моюн-чуру используется один знак для с и ш. В древнеуйгурских памятниках графическая разница между знаками для с и ш очень невелика, часто с и ш передаются одним знаком.[3] (Когда мы говорим о согласном ш, мы имеем в виду те слова, где в современных тюркских языках в той же позиции употребляется ш.)

На основании данных графики ПДТП и материала современных тюркских языков систему согласных фонем в языке ПДТП можно

---

[3] Ibid., S.55.

представить следующим образом: п, б, т, д, к, г, р, г, с, з, ш, й, ч, м, н, ң, л, р. Эти фонемы существовали во всех памятниках. В языке рунической письменности была фонема нь, которой в других группах памятников – уйгурских и манихейских – соответствует й или н. В языке манихейской и уйгурской письменности существовала особая фонема в. В рунических памятниках ей соответствовала фонема б. В манихейской и уйгурской письменности есть особые знаки для х и ж. Фонема ж встречается только в заимствованиях, х представляет собой вариант фонемы к;[4] вм. ж часто используется з, вм. х – к: ажун (ТТ УП. 52, 137) и азун (Уйг. II, 29, 10) 'земная жизнь', бурхан (СЗБ 121, 6) и буркан (ТТ УІ, 02) 'будда'.

О ГЛУХОСТИ И ЗВОНКОСТИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В рунических и манихейских памятниках глухие и звонкие смычные согласные графически различаются. В уйгурской письменности они часто не различаются. Специфической особенностью языка памятников рунической письменности является то, что согласные п, т, к и соответствующие им звонкие согласные б, д, г в ряде случаев встречаются в сочетаниях, необычных для современных тюркских языков. В рунических памятниках после сонантов, гласных и звонких согласных аффиксы начинаются с глухих согласных т и к, а после глухих согласных – со звонкого д: кылтым 'я сделал' (Км 10), кэлүртүм 'я привел' (Км 11), каганта 'от кагана' (Км 11), йэртэ 'на земле' (Км 13), бодунка 'народу' (Кб 7), бэдизтим 'я вырезал' (Км 11), капыгка 'к воротам' (Кб 8), тэнридкэ 'небу' (ТС II, 31), сүкэ 'войску' (ТС II, 50), бгүзкэ 'реке' (Т 18), йашда 'в возрасте' (Кб 30), сүңүшдүмүз 'мы сразились' (Т 16), ичикди 'подчинился' (Т 2).

Следует отметить, что и в памятниках рунической письменности часто наблюдается ассимиляция по глухости – звонкости: сабымда 'в моих словах' (Км 10), булунгдакы 'находящийся в углу' (Кб 2), нэң йэрдэки 'в какой-либо земле' (Т 56), бардымыз 'мы пошли' (Т 26), буздумуз 'мы разгромили' (Кб 31), огуздантан

---

[4] Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с.8.

'от огузов' (Т 8). Явление ассимиляции по глухости - звонкости особенно широко распространено в рунических памятниках из района Енисея:[5] адырылдым 'я отделился' (Е 6, 4), кылдым 'я сделал' (Е 6, 2), эрдим 'я был' (Е 6, 2).

С нашей точки зрения, написание глухих и звонких согласных в сочетаниях типа звонкий + глухой и глухой + звонкий отражало реальное произношение. Во-первых, нет никаких оснований для написания глухих смычных после сонорных вместо звонких или же звонких после глухих. Если бы эта особенность была лишь орфографическим приемом, то во всех случаях последовательно писали бы либо глухой (к, т), либо звонкий (г, д). Во-вторых, данные современных тюркских языков показывают, что сочетание глухих и звонких могло иметь место и в языке ЦДТП.

Смычные согласные в языке памятников рунической письменности исследованы Э.Р.Тенишевым.[6] Основываясь на том, что глухие п, т, к встречаются там, где они не должны быть по нормам современных тюркских языков (в интервокальной позиции, после сонантов, звонких смычных и звонкого щелевого), а глухие щелевые аффрикаты могут сочетаться со звонкими смычными б, д, г, он приходит к выводу, что в языке памятников существовала система смычных, аналогичная саларской и сарыг-югурской. В саларском и сарыг-югурском языках смычные согласные различаются как глухие слабые и глухие сильные (с аспирацией). По мнению ученого, эта система развилась в результате существования в древности тюрко-китайского двуязычия. Оно было сильнее развито там, где было значительно влияние китайского языка, - в Монголии. Поэтому в енисейских памятниках сочетаний сонантов со звонкими смычными согласными больше, чем в орхонских. В енисейских памятниках встречаются сочетания мг, нг, бд, не свойственные орхонским надписям. Э.Р.Тенишев полагает, что система фонем сарыг-югурского языка находит себе полную аналогию и в языке памятников уйгурской письменности. Эти языки имели сходную фонетическую

---

[5] Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с.40.

[6] Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. - СТ, 1973, № 2, с.40-45.

фонологическую структуру и подвергались сильному влиянию китайского языка.[7]

Следует согласиться с тем положением Э.Р.Тенишева, что в языке ЦДТП глухие смычные согласные противопоставлялись полузвонким. В то же время необходимо подчеркнуть, что существование системы полузвонких смычных согласных в языке памятников нельзя объяснить влиянием китайского языка. Полузвонкие согласные существуют в ряде современных тюркских языков. Так, в чувашском языке смычные согласные произносятся с незначительным напряжением голосовых связок.[8] В тувинском языке глухие согласные п и т произносятся в начале слова в одних словах с придыханием (сильные), в других – без придыхания (слабые) и с некоторой, еле заметной звонкостью, начинающейся лишь в конце смычки и далеко не доходящей до той нормы, которой она достигает в произношении обычных звонких согласных, употребляемых в тувинском языке в интервокальном положении.[9] В туркменском языке после глухих согласных могут следовать полузвонкие смычные согласные.[10] Таким образом, полузвонкий характер смычных согласных, противопоставление глухих смычных согласных полузвонким, а не полнозвонким согласным присущи ряду тюркских языков. Объяснить это влиянием китайского языка невозможно, например для чувашского языка. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что полузвонкие смычные согласные являлись специфической чертой значительной части тюркских языков в период создания рунической письменности и в последующий период, когда стала широко использоваться уйгурская письменность. Усиление звонкости смычных согласных постепенно привело в большинстве тюркских языков к четкому противопоставлению полнозвонких и глухих согласных. Однако в некоторых языках сохранились следы более древнего состояния тюркского консонантизма, например в чувашском, тувинском, сарыг-югурском.

---

[7] Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков, т.3. Баку, 1963, с.124-135.

[8] Дмитриев Н.К. Глухие и звонкие согласные в середине слова. – ИСТЯ, I, с.277.

[9] Пальмбах А.А., Исхаков Ф.Г. Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке. – ИСТЯ, I, с.254.

[10] Ряснянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с.192.

Глава II

МОРФОЛОГИЯ

ЧАСТИ РЕЧИ

С учетом семантических, морфологических и синтаксических признаков в языке ПДТП можно выделить те же части речи, что и в современных тюркских языках:[1] имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение (указанные части речи образуют группу имен), глагол, наречие, послелог, союз, частица. Одно и то же слово может в некоторых случаях входить в разные части речи. Слово входит одновременно в разные части речи в том случае, если оно, сохраняя целостность с лексико-семантической точки зрения, входит в разные функциональные ряды, характеризующие разные части речи. Так, слова типа öŋrä 'до', 'прежде' входят и в класс наречий, и в класс послелогов-частиц, основы послелогов-имен входят и в класс существительных.

---

[1] Подробнее о проблеме частей речи в тюркских языках см.: К о т в и ч В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962; К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с.69-70; Щ е р б а к А.М. О лингвистической природе частей речи. – В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968, с.229-233; Б а с к а к о в А.Н. Двойственная природа слова и проблема частей речи. – Там же, с.234-239; К о р м у ш и н И.В. О природе частей речи. Там же, с.250-253; Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977, с.22-26; Н и г м а т о в Х.Г. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI-XII вв. – Авд Баку, 1978, с.7-12; Г у з е в В.Г. Староосманский язык. М., 1979, с.39.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные в языке ПДТП образуются от имен с помощью аффиксов -чы, -лык~-лук, -гу, -даш, -как~-ак, -сук. Аффикс -гу, -даш, -как~-ак, -сук малопродуктивны и используются редко.

-чы образует имена существительные, обозначающие лиц, имеющих отношение к тому, что выражено исходной основой, деятельность которых связана со значением исходной основы: аңчы 'охотник', кәйикчи 'охотник на дичь', балыкчы 'рыбак', сабчы 'вестник', тамгачы 'хранитель печати', элчи 'правитель', йәрчи 'проводник', төңричи 'священнослужитель', эбчи 'жена' (тот, кто занимается домашним хозяйством), номчы 'религиозный наставник', сатыгчы 'купец', тарыгчы 'земледелец', тапыгчы 'слуга', бӯтчи 'убийца', бӯӯмчи 'смертник', (человек, обреченный на смерть), йоңакчы 'клеветник'.

-лык~-лук образует имена существительные со значением места, где находятся предметы, обозначаемые исходной основой, и имена существительные с абстрактным значением от имен прилагательных: агылык 'сокровищница', йәмишлик 'сад', чәчәклик 'цветник', кыйынлык 'место для истязаний', 'тюрьма', казлук 'место, где много гусей' (название озера), әдгӯлӯк 'добро'.

-гу образует имена существительные с абстрактным значением от имен прилагательных: инчкӯ 'покой', эсәңӯ 'здоровье' (< эсәң + -гӯ).

-даш образует имена существительные, обозначающие названия лиц со значением соучастия: кадаш 'родственник'.

-как ~ -ак (< -как)[2] образует имена существительные с уменьшительным значением: эркәк 'мужчина' (исторически это слово имело уменьшительное значение).

-сук образует имена существительные с конкретным значением от имен существительных: багарсук 'внутренности' (багыр 'печень').

---

[2] К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.128-129.

В языке ПДТП имя может часто передавать адъективные и субстантивные значения: алп 'трудный', 'трудность', ынч 'спокойный', 'покой', ач 'голодный', 'голод', йаш 'зеленый', 'зелень'. С нашей точки зрения, в данном случае нельзя говорить о субстантивации прилагательных. Г.Д.Санжеев отмечает, что в тюркских языках неправомерно подводить под понятие субстантивации все случаи неатрибутивного употребления имен прилагательных. Возможность использования в тюркских языках в субстантивной функции ряда имен, которым свойственно и атрибутивное и субстантивное употребление, не дает основания для того, чтобы говорить об их субстантивации. Подобное субстантивное употребление имен прилагательных качественных предотавляет собой основное свойство этой лексико-грамматической категории, а потому не может быть определено как субстантивация.[3] Под субстантивацией мы понимаем только "переход в существительные самих названий признаков",[4] когда имена со значением признака начинают употребляться "вместо имен существительных", при этом их значение суживается, и они обозначают уже не признак, а предмет, обладающий этим признаком. Следовательно, субстантивацией прилагательного следует считать только тот случай, когда прилагательное употребляется вместо своего возможного определяемого.

В современных тюркских языках адъективные и субстантивные значения обычно различаются формально, что связано с действием тенденции к выражению различных значений различными формами. Так, в большинстве современных тюркских языков имена существительные со значением названия качества образуются от имен прилагательных с помощью аффикса -лык в различных фонетических вариантах. Исключением является якутский язык, в котором формальная дифференциация имен с адъективным и субстантивным значением выражена слабее, чем в других тюркских языках. Многие имена в якутском языке могут передавать и адъективные и суб-

---

[3] Санжеев Г.Д. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка. – В кн.: Вопросы узбекского языкознания. Ташкент, 1954, с.51-52.

[4] Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с.455.

стантивные значения: эдэр 'молодой', 'молодость', ыраах 'далекий', 'отдаленность', үчүө 'хороший', 'добро'. Эта особенность якутского языка сближает его с языком ПДТП и в то же время отличает от остальных тюркских языков.

Таким образом, в языке ПДТП многие имена могут передавать субстантивные и адъективные значения, не изменяя своей формы. В то же время в языке ПДТП используется ряд аффиксов, образующих имена прилагательные от имен существительных, т.е. от имен с субстантивным значением. Имена прилагательные образуются от имен существительных с помощью аффиксов -дын, -дам, -да, -л, -лыг ~ -лаг ~ -лык, -сыз, -кы. Аффиксы -дын, -дам, -л и -да малопродуктивны и используются редко.

-дын: таштын 'наружный', оңтун 'правый', күнтин 'южный' (аффикс -дын омонимичен аффиксу исходного падежа и связан с ним генетически).

-дам: күндэм 'солнечный', тэңридэм 'божественный'.

-л: йашыл 'зеленый'.

-да: көркдэ 'красивый'.

Обычно к аффиксам, образующим прилагательные в тюркских языках, относят аффиксы -лыг ~ -лык, -сыз, -кы, использование которых имеет ряд особенностей, показывающих, что в формах, образованных с помощью этих аффиксов, наблюдается тесное переплетение словообразовательных и словоизменительных значений.[5]

Аффикс -лыг образует атрибутивные формы, обозначающие обладание тем, что выражено исходной основой. Если исходная основа представляет собой имя существительное, не обозначающее конкретный предмет, то аффикс -лыг образует качественные прилагательные: күчлүг 'сильный', атлыг 'славный', татлыг 'сладкий'. Формы, образованные с аффиксом -лыг, могут сочетаться с аффиксом -рак, выражающим избыточность признака: Ноцда татаглатрак тэңридэм билгэ билиг 'Божественное мудрое знание, более сладкое, чем напиток вечности' (Ман. I, 26, I8). В отличие от современных тюркских языков, где аффикс -лыг в различных фонетических вариантах образует преимущественно формы со значением

---

[5] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.II2.

обладания тем, что выражено исходной основой, в языке ПДТП аффикс -лыг часто выступает в функции показателя относительной связи и только указывает на синтаксическую функцию существительного, *с которым сочетается: ӧкӱнмэклиг ӧрт* 'огонь раскаяния' (Уйг. Ш, 5, 1).

Аффикс -сыз образует формы, обозначающие отсутствие того, что выражено исходной основой: Йазукоуз тынлыглар 'Безгрешные живые существа' (ТТ IУ, В прим. I4). Бу ӧгсӱэ атӱздэ 'В этом безумном теле' (Ман. I, 9, 2). Билигсиз тэрс кылынч 'Неразумные, ложные дела' (ТТ УI, I5).

-ку сочетается с именами и словосочетаниями, обозначающими отрезок времени или место: Бир айкы чахшапатыг 'Месячный обет воздержания' (Хуаст. I93). Кышкы ӱч айларта 'В трех зимних месяцах' (ТТ УП, 38, 7). Сув ичрэки тынлыг 'Существа, находящиеся в воде' (Хуаст. 95). Тӧрт булуңдаки эдгӱси уйары 'Лучшие и самые могущественные четырех частей света' (ТЈ II, 42).

Имена прилагательные образуются от имен прилагательных с помощью аффикса -рак, выражающего избыточность признака: бэкрэк 'высший' (букв. 'более крепкий'), татаглаграк 'более сладкий'. Формы интенсива образуются посредством частичной редупликации: кап кара 'совершенно черный'.

МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

	1-е л.		2-е л.		3-е л.	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
осн.п.	бэн/мэн	биз	сэн	сиз/сизлэр	ол	олар
род.п.	бэниң	бизиң	сэниң	сизиң	аның	оларның
	мэниң	бизниң		сизниң		
	миниң			сизлэрниң		
дат.п.	баңа	бизиңэ	саңа	сизиңэ	аңа	оларка
	маңа	бизкэ		сизэ		
				сизлэркэ		
				сизлэриңэ		

I-е л.		2-е л.		3-е л.	
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
дат. - баҷару	-	-	-	аҷару	-
напр.п.	-	-	-	-	-
вин.п. бичи мини мэни	бизни	сини	сизни сизлэрни	аны	оларны
местно- минтэ	бизиҷтэ	сэнтэ	сизиҷтэ	анта	оларта
исх.п. минтэдэ	бизнидэ	сэнтэдэ синтидэ	сизнидэ сизлэрдэ сиздэ	антада	
исх.п. -	-	-	-	антын	-
инстр.п. -	-	-	-	аныи	-

В памятниках ряд падежных форм личных местоимений отсутствует. Так, в них не встречаются формы дательно-направительного падежа большинства личных местоимений, отмечена только одна форма инструментального падежа аныи. Можно предположить, что в языке ЦДТП были все падежные формы, но они случайно не зафиксированы в памятниках. Форма личного местоимения 1-го л. ед.ч. с начальным б используется в памятниках Тоньюкуку, Моюнчуру и некоторых енисейских памятниках. Исходная форма - с начальным б, б > м в результате регрессивной ассимиляции под действием н. Формы бизкэ, сизэ, сизда употребляются в енисейских памятниках.

Аффиксы принадлежности

Аффиксы принадлежности восходят к личным местоимениям,[6] поэтому мы рассматриваем их в разделе "Местоимения".

I-е л.		2-е л.		3-е л.	
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
-м	-мыз	-ҷ -г	-ҷыз -гыз	-ы -сы	-лары

[6] Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с.71; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.76-82.

Формы -т, -тыз употребляются в памятнике Кюль-Тегину (-т < -н, -тыз < -низ). В некоторых манихейских памятниках в аффи сах принадлежности вместо узкого гласного используется широк каңамаз 'наш отец', сачымаз 'наши волосы', адашамыз 'наш друг форма аффикса 3-го л.ед.ч. -ы употребляется после согласны форма -сы - после гласных. Перед аффиксами падежей аффикс пр надлежности 3-го л. имеет форму -ын, -сын, -ларын. В рунич ских памятниках аффикс принадлежности 3-го л. -ы/ -сы мож обозначать принадлежность нескольким лицам: Үч көрүг киши ка ти сабы бир 'Пришли три лазутчика . Слова их одинаковы'(Т 33)

Аффиксы принадлежности восходят к личным местоимениям находятся после определяемого. Б.А.Серебренников объясняет по зицию аффиксов принадлежности тем, что они возникли еще в эпо ху именного строя предложения в сфере глагола и только поздне были перенесены в сферу имени.[7] С нашей точки зрения, аффикс принадлежности возникли в сфере имени.

При формировании системы аффиксов принадлежности в тюр ских языках большую роль играла необходимость выделить опреде ление, что достигалось путем инверсии - постановкой определе ния, выраженного формой родительного падежа личного местоим ния, после определяемого. В дальнейшем определение закрепило в этой позиции и превратилось в аффикс. При этом происходила просто инверсия, а инверсированный повтор личного местоимен в родительном падеже в целях его уточнения и выделения. Так процесс происходил в тунгусских языках.[8] Тунгусские языки т пологически близки к тюркским языкам.

Указательные местоимения

Указательные местоимения бу 'этот', ол 'тот'. Местоимен ол в языке ПДТП употребляется и в качестве личного местоимен 3-го л.

---

[7] С е р е б р е н н и к о в Б.А. Причины устойчивости глютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации яз ков. М.; Л., 1965, с.17.

[8] Ц и н ц и у с В.И. Соотношение аффиксов в агглютин тивных языках.- Там же.

	Единственное число	Множественное число
осн.п.	бу	булар
род.п.	мунуң	буларның
дат.п.	муңа муңар	буларға
вин.п.	буны муны	буларны
местно-исх.п.	бунда мунта мунтада мунтуда	буларда
исх.п.	–	булардын

Склонение указательного местоимения ол в ед. и мн.ч. см. с.28. Формы буны, бунда используются в руничесих памятниках. Исходная форма - с начальным б, б > м в результате регрессивной ассимиляции под действием н. В памятниках ряд падежных форм местоимения бу отсутствует, например форма инстр.падежа. Можно предположить, что отсутствующие падежные формы существовали в языке ПДТП, но случайно не были зафиксированы в памятниках.

Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения следующие: ким 'кто', нэ 'что', каныу 'какой', каны 'где', канта 'где', канча 'куда', кантын 'откуда', кантыран 'откуда', качан 'когда', нэчэ 'сколько', кач 'сколько', нэчўк 'как', нэгў 'как', нэгўлўк 'каким образом', нэтэгин 'как': Ким сэн 'Кто ты?' (Уйг. I, 41, 5). Канча барыр мэн 'Куда я пойду?' (ТС II, 63). Нэчўк тутар биз 'Как мы удержим?' (КП 9, 3). Бодисатв тэгин качан ок ölўк ол 'Когда жеумер принц-бодисатва?' (СЗБ 635, 18).

Выделительные местоимения

Существительное öз 'сущность', 'жизнь' и прилагательное кэнтў 'собственный' приобретают значение местоимений в результате ослабления первоначального лексического значения.[9] Кэнтў

[9] К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.179-180; Щ е р б а к А.М. Очерки по

и öз в функции местоимений могут сочетаться с аффиксами принадлежности или использоваться без них: Öзүмин öңрэ быңа башы ибе 'Он послал меня самого вперед начальником тысячи' (МЧ 6). Мән öзүм каган олуртукум үчүн 'Так как я сам сел каганом' (БК 36). Öзлэр ыча билиңлэр 'Вы сами знайте о следующем' (Уйг. I, 25, 6). Кэнтү йаңылтыг 'Ты сам совершил ошибку' (Кб 23). Слова öз и кэнтү могут сочетаться: Öз кэнтүңин бэк тутгыл 'Держи себя крепко' (ТТ I, 34). Кэнтү öзүм тэңри бурханка ташынгай мэн 'я сам буду поклоняться божественному будде' (ТТ X, 315). Слово öз в позиции определения перед существительным с аффиксом принадлежности подчеркивает принадлежность и имеет значение 'свой собственный': Öз тапыңча 'По твоей собственной воле' (ТТ I, 6).

Как показывают приведенные примеры, в языке ПДТП можно говорить не о наличии особых выделительных местоимений öз кэнтү, но только об их прономинализации.

Неопределенные местоимения

В качестве неопределенных местоимений в языке ПДТП используются слово нэң 'вещь', 'предмет' и различные вопросительные местоимения. Слово нэң и вопросительное местоимение ким 'кто' могут удваиваться: ким ким 'кто-либо', нэң нэң 'что-либо'. В сочетании с отрицательным аспектом глагола неопределенные местоимения выступают в функции отрицательных местоимений: Нэң өр маз 'Он ничего не находит' (ТТ УI, I4).

Определительные местоимения

Определительные местоимения следующие: *бары, барча, камуғ* ~ камаг 'все', 'всё', 'весь'. Биз барча аныг öгрүнчүлүгин эрүр биз 'Мы все чрезвычайно обрадованы' (Ман. Ш, 33, 4). Карлуг тиригы бары тургишкэ кэлти 'Карлуки, сколько их еще было в живых, пришли к торгешам' (МЧ 40). Камаг адатын озгай сэн 'Ты освободишься от всех опасностей' (ТТ I, I8I). Камуг ташларың кэмтү кэнтү эрдэми бэлгүси бар 'У всех камней есть свои особенные достоинства и признаки' (ТБ I2).

сравнительной морфологии тюркских языков, с.I33-I34; G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, Wiesbaden, 1974, S.101-103.

Количественные числительные

Бир – 1, эки – 2, үч – 3, төрт – 4, бэш – 5, алты – 6, йэ-ти – 7, сэкиз – 8, токуз – 9, он – 10, йэгирми – 20, отуз – 30, кырк – 40, элиг – 50, алтмыш – 60, йэтмиш – 70, сэкиз он – 80, токуз он – 90, йүз – 100, биң (в рунических текстах) и миң – 1000, түмэн – 10 000.

Сложные числительные образуются так: сначала ставятся десятки, затем единицы: он алты – 16. Между десятками и единицами может стоять слово артук 'излишек' с аффиксом принадлежности 3-го л.: отуз артукы бир – 31, кырк артукы йэти – 47. Наряду с этой системой используется другой способ: сначала ставятся единицы, а затем десятки следующего класса: эки йэгирми – 22, үч элиг – 43. Данная система употребляется преимущественно в более ранних памятниках – рунических надписях и манихейских текстах. Для выражения больших чисел используются заимствования из китайского языка (бан – 10 000) и санскрита (найут 'очень большое количество', 'мириады', колти – 10 000 000): Миң банча ирэк бармыш кишилэр 'Люди, удалившиеся за тысячи' (букв. 'тысячу и десять тысяч') [верст]) (ТТ VII, 30, 7). Сэкиз түмэн төрт миң колти найут саны 'Их число – восемьдесят тысяч, четыре тысячи по десять миллионов, мириады' (Уйг. II, 72, 5).

Порядковые числительные

Порядковые числительные, кроме 'первый' и 'второй', образуются от количественных числительных с помощью аффикса -нч: үчүнч, төртүнч, бэшинч, алтынч, йэтинч, сэкизинч, токузунч, онунч, бир йэгирминч. Числительное 'второй' образуется с помощью аффикса -нти: экинти. В значении 'первый' используются слова бастыкы ~ илик ~ илки. В большинстве современных тюркских языков порядковые числительные образуются с помощью аффикса -нчы в различных фонетических вариантах. Только в якутском и чувашском языках употребляются аффиксы без конечного гласного: якут. —нс, чув. -мĕш. Они представляют собой фонетические варианты аффикса -нч. Первичная форма – -нч, конечный гласный – аффикс при-

надлежности 3-го л.[10] В пользу данной гипотезы говорит использование аффикса -нч в древнейших памятниках.

Порядковые числительные в языке ПДТП могут иметь значение 'во-вторых', 'в-третьих': Ўчўнч эдгў номуг бэрти 'В-третьих, он дал хорошие законы' (Ман. I, I2, 3). Экинти кушлагакда эдиз бирлэ сўцўшдўмўз 'Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке' (Кб 45).

Разделительные числительные

Разделительные числительные образуются от количественных числительных с помощью аффиксов -ар (после согласных) и -ар (после гласных): бирэр, икирэр, алтырар. Бир сёгўт ўзэ бирэ чинартгу асың 'На каждое дерево повесьте по одному колокольчику' (КП 79, 7). Икирэр таш алып 'Взяв по два камня' (ТТ УШ, I3 Ўчэр ката 'По три раза' (Уйг. I, 29, I5).

Собирательные числительные

Собирательные числительные образуются от количественных числительных с помощью аффикса -(а)гу: икигў, ўчэгў, бэшэгў Икигў калтылар 'Они остались двое' (КП 36, 1). Йэти энўклэринтэ бэшэгў 'Пятеро из ее детенышей' (СЗБ 643, 1).

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

При рассмотрении категории числа мы используем традиционные термины "единственное число" для формы числа с нулевым показателем и "множественное число" для формы числа с аффиксом

---

[10] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.I46-I47.

-лар. Соотношение формы с нулевым показателем и формы с аффиксом -лар значительно сложнее, чем противопоставление единственного и множественного числа в индоевропейских языках. Так, в языке ПДТП имя существительное без аффикса -лар, т.е. с нулевым показателем (форма "единственного числа") может обозначать не только единичный предмет, но и множество предметов: Кызым уч эрти 'У меня было три дочери' (Су 6). С.Н.Иванов указывает, что "несоответствие употребления тюркской категории числа привычным нормам функционирования форм числа в европейских языках свидетельствует о своеобразии значений категории числа в тюркских языках и ставит перед исследователем задачу уяснения механизма противопоставления двух морфологически различающихся форм числа".[11]

Форма единственного числа обозначает: неопределенную единичность (а), определенную единичность (б), неопределенную собирательность, т.е. родовое название класса предметов (в), определенную собирательность (г). Сочетание формы единственного числа с количественными числительными представляет собой частный случай неопределенной единичности. В языке ПДТП неопределенная единичность обычно выражается только контекстом (если речь идет об одном предмете). Таким образом, в языке ПДТП, как в современном турецком языке, значения (а) и (в), (б) и (г) соотнесены попарно по линии единичность - собирательность, а значения (а) и (в) вместе противостоят значениям (б) и (г) по линии определенность - неопределенность.[12]

а) Анча йорийу йаңы эңүклэмиш бир тиши барсыг көртиләр 'Прогуливаясь так, они увидели недавно окотившуюся тигрицу' (СЗБ 609, I6). Бир кары өкүзүг бэлин бичэ комурсга йэмиш 'Одного старого вола объели кругом маленькие муравьи' (ТС II, 55). Үз табылку мин болты 'Из ста таволог стала тысяча' (ТС II, 48).

б) Бу ырк түз ол 'Это гадание истинно' (ТТ УП, 29, 3). Качан ыдук каңымыз калыктын коды энтиниз 'Когда же ты, наш сви-

---

[11] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, с.32.

[12] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.1. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975, с. [illegible].

той отец, спустился с неба?' (ТТ III, 35). Тәңри номын йадайы
'Да буду я распространять божественное учение'(Ман. I, 33, 6).

в) Киши эра эдгүлүг йолуң алы 'Твой путь добродетели сре
ди людей тяжек' (ТТ I, 160). Тоңуз өлүргүчи болтум эрсәр 'Ес
я стал убивать свиней' (Уйг. II, 84, 9). Кәйик йәйү табышга
йәйү 'Питаясь' оленями и питаясь зайцами' (Т 8). Кудуг сувынд
балык йок 'В колодезной воде рыбы не бывает' (ТТ VII, 42, 7). Эд
кылынч кылгыл 'Твори добрые дела' (ТТ I, 111).

г) Кызым үч эрти 'У меня было три дочери' (Су 6). Огу
кызы уругы тарыгы багыры бөшүки үкүш болур 'Сыновей, дочере
родственников и близких у него будет много' (ТТ VI, 105). Т
бәсиңәрү бармыш үрүң иңәни ботул мыш 'Он пошел к своим верб
дам. Его белая верблюдица родила верблюжонка' (ТС II, 8). Б
лыкта улушта туртучы кувраг катылмазун 'Живущие в городах и с
лениях не должны причисляться к общине' (УСп 88, 33).

Форма с аффиксом -дар обозначает: множественность, прот
востоящую обозначению единичного предмета формой единственно
числа (а), раздельность, расчлененность единиц, образующих мн
жество (б). В последнем случае имя существительное часто соч
тается с определением, выраженным количественным числительны
или словом с количественной семантикой, а также словом, обоз
чающим тотальное множество, т.е. обозначает всю совокупнос
однородных предметов, имеющих в то же время определенные ра
личия:

а) Аллыг чәвишлиг кишилэр алдайу турур үскүңдэ 'Лжив
люди обманывают [тебя] при тебе же' (ТТ I, 26). Улуш сайу с
лык сайу ким бәглэри азу карн башлары эрсәр ийинүр басынур
всех странах и во всех городах, в которых есть беки или стар
шины, [люди] преследуются и угнетаются' (ТТ VI, 9). Үзәликс
ном бошгунмыш өз бакшыларым 'Мои учителя, от которых я воспр
нял непревзойденное учение' (ТТ VII, 40, 145).

б) Өңи өңи күзи түтсүкләриг түтүзүп 'Сжигая различные с
говонные свечи и благовония' (Уйг. II, 47, 77). Бу илэндэчи и
синтэчи атлыг алты качыгларның иши көдүки 'Функции этих шест
органов чувств, называемых "управляющие"' (ТТ VI, прим. 189)
Иэти атлыг номлар 'Семь драгоценных учений' (ТТ III, 74). О
түрлүг эдгүлэр 'Десять разных благ' (ТТ V, B 13). Үкүш тэл

изваннлар 'Много страстей' (Ман. III, 47, 3). Камаг барча сэвүг
эүтлүг нигошакларка 'Всем любящим и преданным слушателям' (Ман.
, 28, 23). Ол тиши тагыклар камаган оңарлар эрмиш 'Все те ку-
ы выздоровели' (Ман. I, 36, 9).

Очень широко в языке ПДТП, значительно шире, чем в совре-
енных тюркских языках, используется выражение множественности
осредством сочетания синонимов ("экспрессивное выражение мно-
ественности"):[13] Йэккэ ичкэкка йүхүнтүмүз эрсэр 'Если мы поило-
лись демонам и вампирам' (Хуаст. I25). Адаң туданң кэтди 'Твои
еды исчезли' (ТТ I, I40). Бэш түрлүг нда ы ічда 'В пяти раз-
овидностях растений и деревьев' (Ман. I, 9, I). Эмин йүрүнтэ-
ин анутлыл 'Готовь их лекарства' (ТТ I, I09). Йавлак эш туш
аш кудаш савын алып 'Следуя словам дурных друзей и товарищей'
Хуаст. I5I).

При "экспрессивном" выражении множественности значение
ножества создается объединением различных, но в чем-то сход-
их предметов. Различие единиц при их сходстве и является од-
им из значений формы множественного числа: форма множествен-
ого числа обозначает множество предметов, сходных друг с дру-
ом, но в то же время имеющих определенные различия. Таким об-
азом, экспрессивное выражение множественности соответствует
ражению множественности с помощью аффикса -лар.

Значение множественности в языке ПДТП передается также
ффиксами -т и -ан.[14] Эти аффиксы используются параллельно с
ффиксом -лар и в памятниках обозначают тотальное множество.
ффиксы -т и -ан используются очень редко и сочетаются только
существительными, обозначающими лиц: Сабымын түкэти эшидгил
айу ини йэгүнүм огланым бирики огушум бодунум бэрийэ шадапит
глар йырайа таркат буйрук бэглэр 'Слушайте полностью мою речь,
ущие за мной мои младшие родственники, мои союзные племена и
роды, стоящие справа шадапит беки, стоящие слева тарханы и
йрук беки' (Км I). Таркат < таркан + -т, оглан < огул + -ан.
языке памятников значение аффиксов -т и -ан ощущалось слабо,

---

[13] И в а н о в С.Н. I) Родословное древо тюрок, с.43; 2) Курс
ецкой грамматики, ч.I, с.I5.

[14] К э н о н о в А.Н. Показатели собирательности-множе-
енности в тюркских языках. Л., I969, с.I5-I8.

о чем говорит возможность сочетания их с аффиксом -лар: тэгит-
лэр 'принцы' (Уйг. Ш, 42, 24), эрэңлэр 'мужчины' (СЗБ 355, I3)[15]
Аффикс -т продуктивен в монгольском языке, в якутском языке он
входит в состав сложного аффикса множественного числа -ттар:
тойоттор 'господа', хотуттар 'госпожи' (тойон, хотун). Вероятнее всего, что аффикс -т монгольского происхождения. Можно предположить, что первоначально этот аффикс употреблялся в тех тюркских диалектах, которые находились на границе ареалов тюркских и монгольских диалектов, и затем проник и в другие тюркские диалекты. В дальнейшем он был вытеснен аффиксом -лар.

Материалы языка ПДТП показывают, что в древнеуйгурских манихейских памятниках двойственность категории числа имела тот же характер, что и в современных тюркских языках.[16]

В рунических памятниках аффикс -лар употребляется редко только с существительными со значением лица (титулы, названия родства), образует форму, обозначающую совокупность лиц, хотя и сходных, но в то же время имеющих какие-то различия с оттенком тотальности: Түрк бэглэр түрк атын ны 'Все тюркские беки отказались от тюркских имен' (Кб 7). Ограниченность употребления аффикса -лар в рунических памятниках привела К.Грёнбека[17] и О.Прицака[18] к выводу о том, что аффикс -лар в языке рунических памятников выражал не число, а собирательность, и что различение единственного и множественного числа было чуждо его носителям. По мнению К.Грёнбека, то, что мы рассматриваем в настоящее время как множество, воспринималось тюрками в период создания памятников рунической письменности как род, совокупность. Позднее, в древнеуйгурском языке, множество воспринималось как совокупность отдельных индивидуумов. Действительно,

---

[15] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.87-89.

[16] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.1, с. 16, 91-96.

[17] G r ö n b e c h K. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936, S. 58, 61.

[18] P r i t s a k O. Das Alttürkische. - In: Handbuch d. Orientalistik. V. Altaistik, 1. Turkologie. Leiden - Köln, 19 S.38.

языке рунических памятников аффикс -лар используется редко. Однако формы с аффиксом -лар выражали не собирательность (это значение передавалось формой единственного числа), а совокупность сходных, но в то же время в чем-то различных индивидуумов. Таким образом, уже в языке древнейших памятников достаточно четко осознавалось различие между отдельными индивидуумами, составлявшими множество. Вместе с тем форма с аффиксом -лар еще не передавала более общее понятие обычной множественности. В языке рунических памятников отразилось древнее состояние тюркских языков, когда категория числа окончательно еще не сложилась.

В период создания древнейших рунических памятников при выражении множественности противопоставление формы без аффикса -лар и формы с аффиксом -лар происходило по линии противопоставления значения собирательной множественности значению раздельной множественности. Аффикс -лар сочетался только со словами, обозначающими лиц. Если было необходимо передать значение множества сходных, но в чем-то различных предметов нелиц, использовалось парное сочетание слов с близким значением типа аркыш тэркиш 'караваны'. Употребление аффикса -лар лишь с существительными, имевшими определенную семантику, и объясняет очень широкое употребление парных сочетаний в языке ПДТП. В дальнейшем в связи с универсализацией использования -лар необходимость в парных сочетаниях отпала. Парные сочетания слов с близким значением продолжают использоваться и в современных тюркских языках, однако они имеют чисто экспрессивный характер. Впоследствии аффикс -лар стал использоваться со всеми существительными. Одновременно расширился круг его значений, и он начал передавать и более обобщенное значение - обычную множественность. В результате раздвоенность значений форм единственного и множественного числа приобрела тот же характер, что и в современных тюркских языках. Такие значения категория числа имеет в древнеуйгурских и манихейских памятниках. Широкое употребление парных сочетаний для выражения множественности в этой группе памятников можно рассматривать как реликт более древнего состояния тюркских языков, когда сфера употребления аффикса -лар была ограничена. Расширение сферы употребления аффикса -лар связано с тенденцией к выражению разных значений разными формами.

Формы падежей

Категория склонения представляет собой категорию с много членным противопоставлением форм. Для падежей в языке ПДТП ха рактерно тесное взаимодействие семантических и синтаксическ значений.

Формы падежей следующие:

Основной падеж - нулевой аффикс.

Родительный падеж - -нң (после основ на согласный в руни ческих и части манихейских памятников), -ннң (после основ гласный в рунических и части манихейских памятников и после во основ в древнеуйгурских и большинстве манихейских памятников).

Дательный падеж - -ка, -а (после аффиксов принадлежност ед.ч.).

Дательно-направительный падеж - -гару, -ару (после аффи сов принадлежности ед.ч.).

Винительный падеж - -г, -н (после аффиксов принадлежнос -ны (после личных местоимений во всех памятниках и после вс имен в более поздних древнеуйгурских памятниках).

Местный падеж - -да.

Исходный падеж - -дан (в манихейских памятниках), -дын древнеуйгурских памятниках).

Инструментальный падеж - -(ы)н, -(а)н (в части манихей ских памятников). Узкий соединительный гласный ы иногда по чиняется губной гармонии гласных, и аффикс падежа может имет форму -ун / -ӱн.

Сравнительный падеж - -ча.

Формы аффиксов родительного и винительного падежей б начального н следует рассматривать как первичные. Формы дате ного падежа -а и дательно-направительного падежа -ару являют результатом ассимиляции начального согласного аффикса падеж В некоторых рунических (енисейских) памятниках начальный со гласный аффикса падежа сохраняется и после аффиксов принадле ности ед.ч. Аффикс исходного падежа -дан в рунических памятн ках употребляется редко, обычно в аблативном значении испол зуется аффикс -да. В аблативном значении форма с аффиксом -

употребляется и в некоторых манихейских и древнеуйгурских памятниках параллельно с формой исходного падежа -дан и -дын. В.Шотт,[19] Н.И.Ашмарин,[20] И.Бенцинг[21] и Н.Поппе[22] считают, что аффикс -дан ~ -дын относительно позднего происхождения и представляет собой сочетание аффикса местного падежа -да и дополнительного морфологического элемента -н. По нашему мнению, следует признать правильной гипотезу А.М.Щербака, который полагает, что использование формы с аффиксом -да в аблативном значении отражает древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, происшедшее в результате утраты конечного н.[23] Необходимо отметить, что форма исходного падежа уже существовала в период создания рунических памятников (она употребляется в памятнике Тоньюкуку: ташдынтан 'снаружи', огуздантан 'от огузов', өңдэн 'с востока'). В дальнейшем форму с аффиксом -да в аблативном значении мы будем называть местно-исходным падежом.

Формы -йа, -ра ~ -ру в языке ПДТП уже полностью утратили продуктивность и не входят в систему падежей.

Значения падежей

Основной падеж. Имя в основном падеже может выступать в функции любого члена предложения.

В функции подлежащего основной падеж может иметь конкретно-предметное (а) или отвлеченно-предметное (б) значение:

а) Ол элиг бэг бурканларыг шлок тагшутын өгэр күлэйүр эрти 'Правитель воздавал хвалу буддам в стихах' (СЗБ 346, 7). Эр сүкэ бармыш 'Муж отправился к войску' (ТС II, 52). Йалли суулы

---

[19] S c h o t t W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S.57.

[20] А ш м а р и н Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. II. Морфология. Казань, 1898, с.124.

[21] B e n z i n g J. Tschuwaschische Forschungen (IV). - ZDMG, 1942, S.463.

[22] P o p p e N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien - Islamica. Leipzig, 1925, I, 4, S.421.

[23] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.47.

тәбрәйү кудуг ичин бәкләти 'Ветер и вода пришли в движение и вамкнули внутренность колодца' (ТТ I, I04). Буркаилар бу ном битигиг батурлукын йарлыкадылар 'Будды самоотверженно проповедовали эту ис-ину' (УСп I06, 3I).

б) Киши оглы йорыйу азты 'Люди (букв. 'сыны человеческие') ходили и сбивались с пути' (ТС II, 2I). Анте өтрү огул кыз тогар 'Затем будут рождаться дети' (Ман. I, I6, 4).

В функции сказуемого основной падеж выражает родовое понятие: Тәңри унамадук абыичу катун болзун 'Пусть неугодная богу императрица станет госпожой' (ТС II, 57). Биз диндар биз 'Мы манихейцы' (ТТ II, А 3). Азмышларка йолчы йәрчи болтуңуз 'Ты стал проводником для заблудших' (ТТ III, 69). Кейик оглы мән 'Я юная газель' (ТС II, 69).

В функции определения основной падеж прежде всего обозначает родовое понятие: Бу огурта йылкы ажунынта тогдумуз эрти 'Мы на сей раз родились в мире животных' (СЗБ 6, I5). Бу өлүм күни кимни үзә кәлсәр 'И когда наступит для кого-либо этот день смерти' (Ман. III, 11, I2). Үстүн тәңри йәри алтын тәму йәри 'Вверху - страна богов, внизу - страна ада' (ТТ У, А 28). Браман көркин бәлгүртип 'Приняв вид брамина' (Уйг. III, 6, 2). Табгач атын тутупан - 'Приняв табгачские имена' (Кб 7).

Имя существительное в основном падеже может относиться к определяемому слову как его название: Буйанлыг сумир тәгыг тургуртуңуз 'Ты воздвиг благодатную гору Сумеру' (ТТ III, 54). Йәр-байырку йәриңә тәги 'До земли Йәр-Байырку' (Км 4).

Если имя существительное выступает в функции определения и обозначает родовое понятие или название определяемого, то определяемое может не принимать аффикса принадлежности 3-го л. Особенно часто это наблюдается в рунических текстах: Эки оглы-ма йабгу шад ат бәртим 'Моим двум сыновьям я дал титул ябгу и шад' (МЧ I9). Ала атлыг йол тәңри мән 'Я - бог судеб на пегом коне' (ТС II, I).

Имя существительное в основном падеже в функции определения может иметь конкретно-предметное значение. Определяемое в этом случае принимает аффикс принадлежности 3-го л.: Бу ирк башынта аз эмгәки бар 'В начале этого предзнаменования есть небольшая неприятность' (ТС II, 89). Өз кадыны йәриңә тәгди 'Сам

же он достиг страны своего тестя' (КП 64, 3). Өтрү лу каны эрдэнилиг балыгка ордука тэгтэй сиз 'Потом вы достигнете украшенного драгоценностями города и дворца царя драконов' (КП 39, 3). Хоруг бурхан ўния эшидтим 'Я услышал голос Хоругбурхана' (Ман. Ш, 23, I0). Тоңа тигин йогынта 'На похоронах Тонга-тигина' (Кб 47). Каңым каган сўси 'Войско моего отца-кагана' (Кб I2). Тай билгэ тутук йаблакын ўчўн 'Из-за низости Тай Бильге-тутука' (МЧ I7). Ол йаланчуклар каның эдгў ёгли йолчы йэрчи алыңып 'Взяв себе отличным, мудрым проводником хана тех людей' (СЗБ 432, I0).

Конкретно-предметное значение приименного определения передается с помощью формы основного падежа в якутском языке так же, как и в языке ПДТП: Киһи аата 'Имя человека'. В других современных тюркских языках конкретность приименного определения всегда выражается родительным падежом.

В функции прямого дополнения имя существительное в основном падеже обозначает весь класс данных предметов без соотнесения с конкретным предметом (а) или единичный предмет (б): а) Кэп йэрдэ аныг эмгэк көртүкин 'Так как всюду видели они тяжелые страдания' (Ман. I, 9). Кэнтў өзўң бэглиг эр таплагыл 'Ты сам почитай знатных людей' (Уйг. Ц, 2I, I4). Эдгў кылынч кылгыл 'Твори добрые дела' (ТТ I, 111). Бушы колты 'Он просил милостыню' (Ман I, 32,I2). б) Койунынтын бир кэгдэ битиг өнтўрўп маңа окыды 'Он вынул из-за пазухи бумагу-грамоту и прочел ее мне' (СЗБ 6, 8).

В современных тюркских языках прямое дополнение, не примыкающее к управляющему глаголу ("отстоящее прямое дополнение"), всегда оформляется винительным падежом.[24] В языке ПДТП прямое дополнение, не имеющее значения определенности, может иметь форму основного падежа и в том случае, если оно не примыкает к глагольной форме, к которой относится: Ɂай анта йайладым 'Я там провел лето' (МЧ 20). Биң йунт тўмэн конь бэн тутдум 'Я захватил тысячу коней и десять тысяч овец' (МЧ 49). Кичиг оглан йал тартсар 'Если маленького мальчика поразит нечистая сила' (ТТ УЦ

---

[24] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.1, с.27.

27, 8). Такыгу йумуртгасы убу бирлэ кайынтуруп 'Сварив куриное яйцо со свинцовыми белилами' (Рах. II, I, 89).

Форму основного падежа имеет предикативное дополнение. Эти дополнения используются в конструкциях с двумя прямыми дополнениями, первое из которых стоит в винительном падеже: Өзүмин өңрэ быңа башы ылты 'Он послал меня самого вперед начальником тысячи' (МЧ 6). Тай билгэ тутукуг йабгу атады 'Он дал Тай Бильге-тутуку титул ябгу' (МЧ 11).

В обстоятельственной функции имя в основном падеже обозначает обстоятельство с определительно-качественным значением (а), обстоятельство с количественным значением (б), обстоятельство времени (в), обстоятельство места (г):

а) Сү йорылым 'Пойдем в поход' (Т 29). б) Бир йылка бэш йолы сүңүшдүмүз 'В один год мы сразились пять раз' (Кб 44). Бу ном битигиг үч ката окызун 'Пусть эту книгу прочтут три раза' (УСп 58, 22). в) Кэчэ йарук батур эрикли сүңүшдүм 'Вечером, на закате солнца, я вступил в бой' (МЧ 13). Күн орту йүтүрүк түн орту канта 'В полдень он - изможденный, в полночь - в крови' (ТС II, 36). Лу бэчин йыл тогмыш киши 'Человек, родившийся в год дракона или обезьяны' (ТТ УП, 25, 28). г) Магы курган кышлап 'Перезимовав в укреплении Магы' (Кб 48).

Винительный падеж. В функции прямого дополнения имя существительное в винительном падеже обозначает предмет со значением определенности. В качестве таких дополнений выступают: местоимения (а), имена собственные (б), существительные, имеющие определение, выраженное указательным местоимением (в), существительные с аффиксами принадлежности (г), существительные с различными определениями, придающими им значение определенности (д), существительные, определенные контекстом (е), существительные во множественном числе в значении "тотальности"(ж):

а) Айыг кылынчка эринчүкэ кэнтү озүмүзни эмгэтир биз 'Мы мучаем нас самих скверными поступками и прегрешениями' (Хуаст. 200). Мэни сэнің йылдыг йыпарлыг йэмишликиңизкэ кигүрүң 'Введи меня в свой благоухающий сад' (Ман. Ш, 25, 11).

б) Ышбара билгэ күли чуры йоглаты 'Они справили тризну по Кюли-Чуру' (МЧ 24).

в) Ким кайу тынлыг бу ном битигиг битисэр 'Если кто-нибудь перепишет эту сутру' (ТТ УІ, 51).

г) Бир йылкы йазукумузны бошуйу колмак кэргэк эрти 'Нужно было просить об отпущении наших грехов за год' (Хуаст. 19). Борлукумын кўзэтсўн 'Пусть он наблюдает за моим виноградником' (КП 73, 3). Сизиң кызыңызны арчуны тоңа кунуп элтў барды 'Твою дочь захватил и увел Арджуна Тонга' (Уйг. II, 25, 22).

д) Сиз йарлыкамыш йарлыгыг шымтаксыз көңўлўн кўзэтди 'Отданный Тобой приказ они соблюдали ревностными сердцами' (ТТ Ш, 131). Куткаргу тынлыгларыг таптукта 'Найдя живых существ, которых надо спасти' (Ман. Ш, 47, 1). Ётрў эмгэктин озгулуг куртулгулук йолуг йыңакыг тапарлар 'Затем они найдут путь избавления от мучений' (СЗБ 388, 17).

е) Нэм эрдиниг тавраты бититгил 'Вели быстро переписать эту драгоценную книгу' (СЗБ 18, 19) (речь идет о конкретной книге - сутре "Золотой блеск"). Номуг учузладачылар ўчўн 'Из-за пренебрегающих учением' (Хюэи 101) (речь идет об определенном учении - буддизме).

ж) Камаг шастир битигляриг бўтўрў билмиш сэн 'Ты познал все трактаты' (СЗБ 585, 21). Йунт уд чокар кой лагзын улаты тынлыгларыг ёлўрўр 'Забивают лошадей и коров, убивают овец, свиней и всех других живых существ' (КП 3, 1).

В языке ПДТП можно отметить тенденцию к использованию формы винительного падежа в качестве формы прямого дополнения вне зависимости от понятия определенности: Бир кары ёкўзўг бэлин бичэ комурсга йэмиш 'Одного старого вола объели кругом маленькие муравьи' (ТС II, 55). Однако в языке ПДТП использование формы винительного падежа в качестве формы, указывающей только на синтаксическую функцию слова, не имело обязательного характера. Это была лишь тенденция, проявившаяся полностью в современных тюркских языках. Следует отметить, что в древнейших руническ их памятниках форма винительного падежа как средство обозначения прямого дополнения вне связи с понятием определенности не употребляется.

Родительный падеж является формой определения с конкретно-предметным значением: Эжўк сёгўтнўң бутыны 'Ветвь дерева Ашока' (Уйг. II, 31, 3). Бу лабзайның ўня 'Звук этого рожка' (ТТ

УШ, 28, 30). Үчүнчи эң кичиг оглының аты 'Имя третьего, самого младшего сына' (СЗБ 608, 4). Мәнің кызым 'Моя дочь' (Уйг. II, 2 21). Мәнің эвимтә 'В моем доме' (ТТ I, прим.160). Определяемое чаще всего принимает соответствующий аффикс принадлежности, однако аффикс принадлежности 3-го л. может отсутствовать, если определение выражено именем существительным. Особенно часто это наблюдается в руническях надписях: Каганың ичрәки бәдизчи 'Придворные мастера кагана' (Км I2). Йәгин силиг бәгиң кәдимлиг торыг ат 'Оседланный гнедой конь Йегин Силиг бека' (Кб 33). Байырқунуң ак адғыр 'Белый жеребец племени байырку' (Кб 36).

Имя в родительном падеже используется в функции сказуемого с указанием на принадлежность (а) и для оформления инвертированного определения (б):

а) Сизиң мән сизинтә булун болтум 'Я твой. Я стал для тебя пленником' (Ман Ш, 24, II). б) Нә огурка тәңри тәп аты болур оларның 'Почему имя у них "бог"?' (Уйг. I, 23, I7).

Дательный падеж обозначает пункт, которому направлено действие в пространстве (а), и объект: направленности действия с отвлеченным значением (б), а также с целевым значением (в) и адресатным значением при глаголе инан- верить (г), по отношению к которому проявляется действие (д), которому что-либо уподобляется (е), противодействия (ж), вызывающий какую-либо реакцию, эмоцию (з), ответного действия (и), со значением причины (к), вызывающий ответное возмещение (л):

а) Ырак балыкка барыр 'Пойдет в далекий город' (ТТ УП, 34, 5). Йайлыг тағыма агынан 'Поднимаясь на свое летнее пастбище в горы' (ТС, II, 96). Ол алтун тағқа тәгсәр сиз 'Когда вы придете к той золотой горе' (КП 38, 2). Өлүм капығыңа кирип 'Вступив во врата смерти' (СЗБ 60I, I0).

б) Бу ном битигкә тапынып удунуп 'Поклоняясь этому писанию' (ТТ УП, I4, I0). Коп маңа көрти 'Все мне подчинились' (Кб 30). Аныг муңлуг динтарқа бушы бәрәң ачынаң агынаң 'Подавайте милостыню наиболее несчастным членам общины, проявляйте к ним сострадание' (Ман. Ш, II, 2). Бәш түрлүг номларқа тайанып 'Опираясь на пять дарм' (СЗБ I8I, 7).

в) Эр авқа бармыш 'Мужчина отправился на охоту' (ТС II, I7). Бурхан қутлыг йорығларыг бүтүргүкә катығланмак 'Старание за-

вершить движение к достижению достоинства будды' (СЗБ 181, 7). Ном номламакка тавранур 'Он проявляет усердие в проповедовании учения' (Ман. Ш, 21, 4).

г) Бэгкэ ишикэ инангыл 'Беку и супруге бека доверяй' (ТТ I, 209).

д) Азмышларка йолчы йэрчи болтуңуз 'Ты (букв. 'Вы') стал проводником для заблудших' (ТТ Ш, 69). Камаг йэкляркэ багы болзун 'Да будет оковами для всех демонов' (Ман. I, 15, 20).

е) Коп ödүн ном эрдини вачырлыг йаракка мэңиэтгүлүк 'Во все времена драгоценность учения может быть уподоблена оружию с алмазом' (Уйг. Ш, 29, 33).

ж) Бир отуз йашыңа чача сэңүнкэ сүңүшдүмүз 'Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-сенгуном' (Кб 32). Табгач каганка йагы болмыш 'Он стал врагом табгачскому (китайскому) кагану' (Кб 9). Тэңрикэ йазынып 'Погрешив против бога' (Хуаст. 128).

з) Элкэ канка бэгкэ ишикэ йэринүр өвкилэйүр 'Он выражает недовольство государством, ханом, беком, женой бека' (ТТ УІ, 18). Өгмишкэ йэмэ сэвинмэдин 'Не радуясь и похвале' (Уйг. Ш, 73, 21). Аның сэзиндим инимкэ 'Поэтому я подозревал своего младшего брата' (СЗБ 619, 4). Сансарка коркдачы үрктэчи 'Боящийся бытия' (СЗБ 291, 4).

и) Тэңрикэ йагыш айнк бэрмэйүккэ башын көзин агрытур 'Когда (букв. за то, что) кто-нибудь не приносит божеству жертвы и не блюдет обетов, это причиняет ему боль в голове и глазах' (ТТ УЦ, 25, 1).

к) Бу үрмэн карт иг үкүши бүтрү илки ажунтакы йавлак кылычка төрүйүр 'Большинство этих язв появляется из-за дурных поступков в прежнем существовании' (Рах. Ц, 3, 12). Эл улуш ыракыңа эдгү савын эшидгэли болмаз биз 'Из-за отдаленности страны не можем слышать хороших вестей' (Хюэн 1870).

л) Йэник йазукка эртиңү агыр кыйынка тэгүрүр 'За легкий проступок [им] назначают чрезвычайно тяжелые наказания' (ТТ УІ, 11).

В языке ЦДТП дательный падеж иногда употребляется в значении местного падежа и обозначает место, где происходит действие (а), время, когда оно происходит (б), срок, в течение которого оно происходит (в):

а) Көңэки нэлүк тонгай ол күнэшкэ олурур ол 'Как мог замерзнуть его сосуд, ведь он находится на солнце' (ТС II, 86 б) Анчын барс йылка чик тапа йорыдым 'После этого-в год тиг я пошел против чиков' (МЧ I9). Үч йэгирмикэ иңиртэ көзүнүр 'к кажется в тринадцатый день на расовете' (ТТ УП, I, 22). в) Б йылка төрт йолы сүңүшдүм 'За один год я сразился четыре ра (БК 30).

Дательный падеж также выступает в значении местного в с маркандско-бухарской группе говоров узбекского языка, в яку ском языке и в отдельных случаях в тувинском и современном у гурском языках.[25] Данное явление можно объяснить контаминаци близких пространственных значений направления и места.

Дательно-направительный падеж обозначает объект, к кото рому направлено действие в пространстве: 'Бэг эр йунтыңару б мыш 'Бек пошел к своим лошадям' (ТС II, 7). Уясыңару бгирэ с бинү калир 'Радуясь, он возвращается в свое логово' (ТС II, 4 Тэңри йарукын йавлак йэргэрү цдтымыз эрсэр 'Если мы направля божественный свет к дурной земле' (Хуаст. I72). Бэш тэңри йа кын бизиңэрү кэлүрди эрсэр биз 'Если мы направляли на себя с пяти богов' (Хуаст. I66). Биз уйгургару кэлтүк 'Мы пришли уйгурам' (Ман. Ш, 40, 3). Тэңрилигингэрү барды 'Он пошел направлению к храму' (Ман. I, 33, I5). Тэңри йэриңэрү капат ачты 'Он открыл врата в земли божества' (Ман. I, 33, 6). бдүн тэңри элиг бөгү хан кэнтү динтарлар эригли кувраггару к ти 'И тогда сам божественный правитель Бёгю-хан пришел на с брание, где находились избранные (манихейцы)' (ТТ II, 34).

В современных тюркских языках форма дательно-направител ного падежа -гару не используется. В якутском языке форма да тельного падежа после аффиксов принадлежности образуется с по мощью аффикса -гар, аффикс сравнительного падежа имеет форм -даагар.[26] Аффикс дательного падежа -гар и элемент -гар в с

---

[25] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфолог тюркских языков, с.67.

[26] Х а р а т о н о в Л.Н. Современный якутский язык. Фо нетика и морфология. Якутск, I947, с.II6.

тавe аффикса -даагар представляют собой фонетический вариант ффикса дательно-направительного падежа -гару.[27]

Местный падеж *выражает местно-временны́е значения. В мест*ных, пространственных значениях местный падеж имеет статическое значение местонахождения и является формой обстоятельства еота.[28] Талуйда йатыпан тапладукумын тутар мэн 'Находясь на оре, я ловлю то, что мне нравится' (ТС II, 4). Балыкда эрсэр орайур 'Если он будет в городе, он понесет убыток' (ТТ I, 67). иртинчӱдэки тыныглар йинтэм нирванта тогсунлар 'Пусть находящиеся в мире существа постоянно возрождаются в нирване' (ТТ , I67). Азу бу сабымда игид бар гу 'Разве есть ложь в этих оих словах?' (Юм IO).

Во временны́х значениях местный падеж показывает временные координаты какого-либо события.[29] Местным падежом оформляются как слова, обозначающие время, так и слова, не имеющие собственно временно́го значения, к которым приурочивается по времени какое-либо событие. Во временно́м значении местный падеж является формой обстоятельства времени ("когда?"): Ол кӱнтэ тэгти тӱрк бодун тэмир капыгка 'В те дни тюркский народ достиг Темир капыга' (*Т 46*). *Кӱн ортуда асурсэр 'Если он чихнет в полдень'* (ТТ УП, 35, 4). Ол сӱӱшдэ отуз йашайур эрти 'В том сражении (во время того сражения) ему было тридцать лет' (Кб 42). Бодисатвиң тӱлинтэ кормиш алтун кӧврӱктин 'Из золотого барабана, который бодисатва видел во сне' (СЗБ 345, I6).

В языке ПДТП местный падеж иногда употребляется в значении объекта направленности действия: Өзӱти антаг куртулур тэңри йэринтэ барыр 'Их души будут спасены и отправятся в божественную страну' (ТТ УI, 125). Йэкниң прйанинта коркынчсыз кӧрӱлин кирип кэлти 'Он бесстрашно вошел в жилище демона' (ТТ X, 253). Ол эвтэ йашын тӱшмэз 'В тот дом не попадет молния' (СЗБ 466, 24). Использование местного падежа в значении объекта направленности действия следует рассматривать как результат кон-

---

[27] Там же, с.II7.

[28] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.I, с.52.

[29] И в а н о в *С.Н. Родословное древо тюрок*, с.89.

таминации со значением места. Аналогичное явление наблюдается например, в староосманском и староузбекском языках.[30] На отн сительно поздний характер контаминации указывает то, что в р нических памятниках местный падеж в значении объекта напра ленности действия не используется. Это явление встречается более поздних памятниках.

Аблативные значения в языке ПДТП передаются собствен исходным падежом (аффикс -дын ~ -дан) и формой с аффиксом (местно-исходный падеж). Форма местно-исходного падежа являе ся результатом утраты аффиксом исходного падежа конечного гласного н.[31] Таким образом, одна форма падежа имеет два вар анта - с конечным согласным и без него. Поэтому ниже расс триваются значения, выражаемые как формой с аффиксом -да, т и формой с аффиксом -дын ~ -дан. Форма с аффиксом -да в абл тивном значении используется преимущественно в руническ нихейских памятниках.

Исходный и местно-исходный падежи обозначают: исходн пункт действия (а), объект с отделительно-привативным значен ем (б), объект со значением источника получения и выделен частного из общей группы (в), объект с причинным значением (объект, являющийся источником возникновения отрицательных эм ций (д), объект сравнения (е):

а) Кӧздэ йаш кэлсэр 'В то время как из глаз лились сле (Кб 51). Кыркыда йантымыз 'Мы вернулись от кыргызов' (Т 29 Идишимта айакымта ӧни канча барыр мэн 'Куда же я пойду еще другое место от моего сосуда и моей чаши?' (ТС II, 63). Ӧдл каганғару сӱ йорылым 'Пойдем в поход на кагана с востока' (Т Тоган куш тэңридэн коды табышган тэпэн капмыш 'Сокол с крик "заяц" устремился вниз с неба и схватил [его]' (ТС II, 66). балыктын ӧнтум 'Я вышел из того города' (СЗБ I6, I4).

б) Йагыда бошана бошанылдым 'От врагов я был свободен освобожден' (МЧ I9). Эмти бу он тӱрдӱг йазукда бошуну ӧтӱ биз 'Теперь мы обращаемся с мольбой, чтобы избавиться от дес

---

30 И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.92; Г з е в В.Г. Староосманский язык, с.45.

31 Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфолог тюркских языков, с.47.

ти разных прегрешений' (Хуаст. I4). Ол антаг йазукта агыр эмтэктэ куртулур 'Они будут освобождаться от таких грехов, прегрешений и тяжких мучений' (ТТ УI, 46). Бу бэш түрлүг адалартын коркынчлартын озар куртулур 'Избавится от этих пяти видов бедствий и страхов' (СЗБ 326, 2).

в) Сизлэрдэ алмыш агу хормузта тэнрикэ атгай мэн 'Ядом, полученным от вас, я опрысну бога Ормузда' (Ман. I, I9, I5). Тэнрим биз камаган ашнукы бурканларта эдгү нэм бошгут күчлүг дарни бултумуз 'О боже, от прежних будд мы получили хорошее учение - магическую формулу, обладающую силой' (ТТ УI, 365). Бу он түрлүг йөрүгдэ ашнукы сэкизи чын кэртү номка тайаклыг йөрүг ол 'Из этих десяти разных толкований первые восемь опираются на истинное учение' (ТТ У Б, I27).

г) Булар ичин карышмактын үкүш иглэр төрчийүр 'Из-за их столкновения возникают многочисленные болезни' (СЗБ 366, 7).

д) Уйатмагулук савта уйатурлар 'Они стыдятся слов, которых не следует стыдиться' (ТТ УШ, Е 49).

е) Бизинтэ эки учы сынарча артук эрти 'Их два крыла были наполовину многочисленнее нас' (Т 40). Нэнда татаглаграк тэнридэм билгэ билиг 'Более сладкое, чем нектар, божественное знание' (Ман. I, 26, I8).

В якутском языке используется частный падеж, образуемый с помощью аффикса -да / -та. Он является формой прямого дополнения при сказуемом, выраженном повелительным наклонением, и передает частичный охват объекта действием: Уутà бас 'Начерпай воды'.[32] Партитивное значение связано с аблативным - одним из значений, передаваемых в языке ПДТП формой -да.

Инструментальный падеж выражает совместность (а), способ совершения действия (б), промежуток времени, к которому приурочено действие (в), место, где совершается действие (г), объект, посредством которого совершается действие (д), объект, являющийся причиной совершения действия (е). Для инструментального падежа характерны устойчивые адвербиальные значения. Уже в языке ПДТП многие имена в форме инструментального падежа очень близки к наречиям.

---

[32] Харитонов Л.Н. Современный якутский язык, с.I08.

а) Улуг иркин өз кинъа эрин тәзип барды 'Великий иркин б жал только с немногими воинами' (Кб 34). Түрк бодун канын бол майын 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом' (Т 2). Утр эки айлыг киши оглын сокушыш 'Он встретил двухмесячного сын человеческого' (ТС II, 2).

б) Бурканлар бу ном битигиг батурлукын йарлыкадылар 'Бу ды мужественно проповедовали эту книгу' (УСп 106, 31). Тоңу тушти 'Он пал ниц' (Ман. I, 20, 3). Биз барча аныг өгрүнчүлү гин эрүр биз 'Мы все чрезвычайно обрадованы' (Ман. Ш, 33, 4). Игисизин адасызын туралым 'Да пребудем мы без болезней и опас ностей' (Ман. I, 28, 27). Анта коркынчлыкын бушушлукын инча тә тәди 'Тогда она испуганно и тревожно сказала так' (СЗБ 621, 2).

в) Йайын сүлэдим 'Летом я выступил с войском' (БК 39). Ан чып ол йыл күзүн кілгәрү йорыдым 'Затем осенью того же года двинулся на восток' (МЧ 20). Тәңрили йәкли йарукы каралы өдүн катыды 'Боги и демоны, свет и тьма в то самое время пер мешались' (Хуаст. 6).

г) Бу йолын йорысар 'Если идти этим путем' (Т 23). Ан бармыш 'Он пошел по реке Аны' (Т 24).

д) Кан элигин тутмыш 'Хан ловил их своей рукой' (ТС II, 97 Алтун кургасакымын кылычын кәсипэн 'Разрезав мое золотое чре мечом' (ТС II, 13). Сакынчын сөзин кылынчын он түрлүг суй йазу кылтымыз эрсэр 'Если мы совершили десять различных прегрешени мыслью, словом и делом' (Хуаст. 102). Йарукын йалтрыкын йару тур сиз 'Ты озаряешь сиянием и блеском' (СЗБ 652, 1). Тәрки тавраты йүгрүк атларын кошугдуг канлыта олуруп 'Поспешно сел экипаж, запряженный быстрыми конями' (СЗБ 625, 5).

е) Өз иси өзүмкә коркынчын муна сэни өлүрүр мэн 'Из-за страха за свою собственную жизнь я тебя убью' (Уйг. Ш, 64, 6).

Сравнительный падеж обозначает: объект, с которым что-ли бо сравнивается, которому что-либо уподобляется (а), соответ ствие чему-либо (б), место, где совершается действие (в), пре дел в пространстве (г), приблизительный подсчет (д). Сравни тельный падеж имеет только обстоятельственные значения. Ря форм сравнительного падежа уже в ячыке ПДТП представляет собо наречия: бунча 'столько', анча 'так', 'столько', инча 'так'.

а) Бер йылка элиг күн арыг диңтарча бусанти олурсук 'тор бар эрти 'Был обычай совершать, подобно чистым священнослуж

телям „в год пятьдесят дней поста' (Хуаст. I75). Ол ӧдӱн хормузта тәңри от тәңриг балтуча кылып 'Тогда бог Хормузд, превратив божество огня в топор' (букв. 'сделав подобно топору') (Ман. I, 20, I3).

б) Тәңри аймыш ӧтчэ билигчэ йорымадымыз эрсэр 'Если мы не поступали согласно наставлению и учению, данному богом' (Хуаст. 2I4). Ӱлгӱсӱз йашлыг йиртинчӱтэ ӱстӱн тужитта ӧз бэ кӱсэмиш тапларынча тогмаклары болзун 'Пусть они возродятся согласно своим собственным желаниям в мире бесконечной жизни, на верхнем небе блаженства' (ТТ УII, 40, I47).

в) Кӧк калык йолынча ӧнэйӱ учун барырлар 'Они улетают, взмывая к небесам' (букв. 'по небу') (Уйг. Ш. 79, 6).

г) Йэти кӱн бэлчэ богузча сувда йорып 'Семь дней, идя по пояс и шею в воде' (КП 36, 4).

д) Элигчэ эр тутдумуз 'Около пятидесяти человек мы захватили' (Т 42).

Система падежей в языке ЦДТП

В современных тюркских языках для каждой падежной формы характерна противоречивая двойственность значений, что связано с двояким противопоставлением падежей в пределах "своего", малого ряда падежных форм и в рамках всей падежной системы в *целом, т.е. в пределах большого ряда. В малом ряду падежных* форм выявляется внешняя противопоставленность одного падежа другим - ближайшим его коррелятам, в большом ряду область противопоставления шире и грамматичнее, а собственные значения падежа проявляют большое разнообразие, "доходящее в крайних своих звеньях до полной противоположности значений у каждого падежа - противоположности не внешней, а внутренней".[33] В языке ЦДТП система значений падежей имеет много общего с системой их значений в современных тюркских языках.[34] В то же время можно отметить определенные особенности в оппозициях падежных форм и в характере раздвоенности их значений. Эти особенности отражают более древнее состояние тюркских языков.

---

[33] И в а н о в С.Н. К истолкованию многозначности грамматических форм. - ВЯ, I973, № 6, с.I07.

[34] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.I, с.I6-56, 80-87, 89-9I.

Зак. 66 IУ

Исследование категории склонения в языке ПДТП позволя
выделить несколько групп падежей. Первая группа состоит из о
новного, винительного и родительного падежей, вторая – из д
тельного, местного и исходного падежей (местно-исходный пад
мы рассматриваем как фонетический вариант исходного падежа). П
дежные формы этих двух групп характеризуются вхождением в д
ряда грамматических оппозиций. Дательно-направительный, инст
ментальный и сравнительный падежи занимают обособленное поло
жение в системе падежей и имеют ярко выраженные, устойчивые а
вербиальные значения.

Падежи первой группы соотнесены друг с другом посредств
противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предмет
ных значений, падежи второй группы соотнесенн друг с друго
своими пространственными значениями.

Основной падеж противостоит винительному и родительно
как форма отвлеченно-предметного дополнения и отвлеченно-пре
метного определения формам конкретно-предметного дополнени
(винительный падеж) и конкретно-предметного определения (роди
тельный падеж). В позиции подлежащего основной падеж може
иметь как конкретно-предметное, так и отвлеченно-предметно
значение и в этой функции противостоит всем другим падежам
Указанный характер двойственности значений основного падежа
равной мере наблюдается как в языке ПДТП, так и в староузбек
ском[35] и современном турецком[36] языках. Вместе с тем в язык
ПДТП можно отметить особенности употребления основного падежа
которые отражают более древнее его значение. В обороте тип
Өзүм казгантукум үчүн 'Так как я сам совершал завоевания' (Т 55
слово өзүм в основном падеже является субъектом действия по от
ношению к глагольной форме казгантукум и в то же время ее опр
делением. Общеопределительное значение основного падежа прояв
ляется и в оформлении им обстоятельств времени и места: Күн ор
ту йүтүрүк 'В полдень он изможден' (ТС II, 36). Магы курган кы
лап 'Перезимовав в укреплении Магы' (Кб 48). Необходимо отме
тить, что оформление основным падежом обстоятельств времени

---

[35] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.63-66, 70-
73, 193.

[36] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.I, с.83.

еста наблюдается чаще в более древних памятниках. В Гадательной книге (руническый памятник IX в.) обстоятельство времени кӱн орту 'в полдень' оформляется основным падежом, однако в более позднем памятнике из Турфана то же значение передается местным падежом: Кӱн ортуда асурсар 'Если чихнет в полдень' (TT VII, 35, 4). Таким образом, общеопределительная функция основного падежа[37] является более древней и носит в известной мере черты реликтового употребления. Косвенным указанием на общеопределительную функцию основного падежа может служить и сохранение в языке ПДТП следов посессивного строя предложения: Эбкэ тэгдӱкӱм 'Я направился домой' (Oa 2). Тӱрк бодун ӧлсӱкӱн 'Тюркский народ, ты погибнешь' (Km 6).[38] Аналогичного типа предложения отмечены А.М.Щербаком в Кутадгу билик. Можно предположить, что на более ранних этапах развития тюркских языков субъект действия при посессивном строе предложения выражался формой основного падежа. Об этом говорят и следующие примеры из Кутадгу билик: Муна мэн ма дәвләт сэнә кәлдүгүм 'Смотри, я, счастье, пришло к тебе'. Бу күрси овәлә өз олтурдуты 'Он сам сел на это кресло'.[39] Имена в форме основного падежа (мэн, өз) выступают в качестве определения к глагольной форме. Э.В.Севортян указывает, что исторически предикативные отношения развивались на основе атрибутивных отношений на почве их грамматического переосмысления.[40] Противопоставление основного падежа всем остальным падежам как формы подлежащего развилось в процессе установления в тюркских языках номинативного строя предложения.

Винительный падеж противостоит основному падежу как форма прямого дополнения с конкретно-предметным значением форме пря-

---

[37] Иванов С.Н. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний - СТ, 1973, № 6, с.14-15.

[38] Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p.190-191.

[39] Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Туркестана. М.;Л., 1961, с.134.

[40] Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. - ИСТЯ, III, с.8.

мого дополнения с отвлеченно-предметным значением. В современ
ных тюркских языках в отстоящей от глагола позиции винительн
падеж представляет собой единственную форму прямого дополнен
противостоящую основному падежу не как падежу дополнения, а к
падежу подлежащего. В отстоящей позиции винительный падеж м
жет иметь и конкретно-предметное и отвлеченно-предметное зн
чение.[41] В языке ПДТП наблюдается тенденция к использованию ф
мы винительного падежа в отстоящей от глагола позиции как ср
ства указания на его синтаксическую функцию вне зависимости
определенности. Однако в памятниках прямое дополнение, не им
ющее значения определенности, часто оформляется основным пад
жом в отстоящей от глагола позиции. Таким образом, в язы
ПДТП преобладало "артиклевое" значение винительного падежа
(винительный падеж имел то же значение, что и определенный а
тикль в индоевропейских языках), а синтаксическое значение, х
тя и может быть отмечено, но еще не развилось полностью. Вин
тельный падеж в языке ПДТП входит в первый ряд грамматическ
оппозиций (малый ряд), но его вхождение во второй ряд грамм
тических оппозиций (большой ряд) не завершилось окончательно
Именно это и объясняет факультативный характер употреблени
винительного падежа в качестве формы отстоящего прямого допол
нения. Особенности использования винительного падежа в язы
ПДТП отражают более древнее состояние языка, когда винительны
падеж был только средством выражения определенности.[43] Следуе
указать, что в древнейших рунических памятниках нет примеро
употребления винительного падежа как средства обозначения син
таксической функции вне связи со значением определенности. По
добные примеры могут быть отмечены в более поздних памятниках
Способность винительного падежа выступать в качестве формы пр
мого дополнения вне связи со значением определенности являет

---

[41] И в а н о в С.Н. К истолкованию многозначности грам
матических форм, с.108.

[42] И в а н о в С.Н. О сохранении в строе языка его прежн
них состояний, с.14.

[43] R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der
Mongolei von Dr. W.Radloff. Neue Folge. СПб, 1897, S.77.

результатом развития более абстрактных, отвлеченных значений данного падежа: артиклевое значение более конкретно, оно теснее связано с выражаемой действительностью, чем значение прямого дополнения. Развитие абстрактных значений винительного падежа отражает процесс все большего абстрагирования, действующий в языке. Вместе с тем использование винительного падежа в качестве формы прямого дополнения вне связи со значением определенности связано с тенденцией к передаче различных синтаксических функций различными формами. Факультативность употребления винительного падежа в языке ПДТП при оформлении отстоящего прямого дополнения является реликтом более древнего состояния языка, когда форма винительного падежа была лишь средством выражения определенности.

Родительный падеж противостоит основному падежу как форма конкретно-предметного определения форме отвлеченно-предметного определения и соотносится с винительным падежом как форма конкретно-предметного определения с формой конкретно-предметного прямого дополнения. В позиции отстоящего определения и предиката родительный падеж противостоит всем остальным падежам. Это положение, сформулированное применительно к старо-узбекскому[44] и современному турецкому[45] языкам, в значительной мере справедливо и для языка ПДТП. В то же время особенности употребления родительного падежа в языке памятников позволяют сделать некоторые выводы о более древнем состоянии тюркских языков. Использование формы родительного падежа в качестве средства обозначения конкретно-предметного определения в языке ПДТП носит факультативный характер. При этом определение с конкретно-предметным значением может быть в форме основного падежа и в отстоящей позиции: Ду каны эрдэнилиг балыкка ордука таггэй сиз 'вы достигнете украшенного драгоценностями города и дворца царя драконов' (КП 39, 3). Особенно часто определение с конкретно-предметным значением имеет форму не родительного, а ос-

---

[44] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.70-73, 193.

[45] И в а н о в С.Н. 1) Курс турецкой грамматики, I, с.28-30, 84-85; 2) К истолкованию многозначности грамматических форм, с.105.

вного падежа в наиболее древних памятниках – руни-ческих на-писях. В этих памятниках родительным падежом оформляются толь-ко имена существительные, обозначающие лиц, и личные местоиме-ния. Факультативность использования родительного падежа в по-зиции определения с конкретно-предметным значением в языке ПД объясняется тем, что в языке памятников родительный падеж вы-ражал прежде всего значение определенности, как определенный артикль в индоевропейских языках. В том случае, если определен-ленность выражалась какими-либо другими средствами, например аффиксами принадлежности, лексически (определение – имя соб-ственное) или контекстом, необходимости в аффиксе родитель-ного падежа не было. Факультативность употребления формы роди-тельного падежа наблюдается и в более позднем памятнике – Ку-тадгу билик.[46] Следовательно, можно сделать вывод о том, что первоначально родительный падеж выполнял "артиклевую" функцию и еще не входил в два ряда грамматических оппозиций. Таким об-разом, этот падеж находился на периферии системы падежей. В даль-нейшем в результате развития более абстрактных, отвлеченных значений родительный падеж стал использоваться не только как средство выражения определенности, но и как форма определения (в позиции отстоящего определения) без прямой связи с понятием определенности. В современных тюркских языках родительный па-деж уже полностью входит в два ряда грамматических оппозиций. Однако в языке ПДТП процесс вхождения родительного падежа во второй ряд грамматических оппозиций еще не завершился.

Дательный падеж так же, как и в современных тюркских язы-ках,[47] обладает очень широким кругом значений. Своими обстоя-тельственными значениями он противостоит местному и исходному падежам. За пределами обстоятельственных (конкретных, простран-ственных) значений дательный падеж передает различные объект-ные значения. Большая часть этих значений связана с понятием направленности действия (адресатные значения). Однако вместе с тем дательный падеж обладает рядом значений, не имеющих соб-

---

[46] Щ е р б а к А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана, с.86.

[47] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.I, с.30–43, 80-81.

ственно адресатного характера: дательный падеж может обозначать объект, вызывающий ответную реакцию, какую-либо эмоцию, объект ответного действия, объект со значением причины, объект, вызывающий в качестве эквивалента какое-либо предметное возмещение. Дательный падеж является антиподом исходного падежа в пространственном значении, но если дательный и исходный падежи не имеют конкретных пространственных значений, различия этих падежей могут нейтрализоваться и одни и те же глаголы управляют дательным и исходным падежами: Өз кылмыш кылынчларыңа эртиңӱ уйатсар эймэнсэр 'Если они будут очень стыдиться собственных деяний' (СЗБ I4I, 6) (глагол уйат- 'стыдиться' управляет дательным падежом). Уйатмагулук савта уйатурлар' Они стыдятся слов, которых не следует стыдиться' (ТТ УШ, Е 49) (глагол уйат- управляет местно-исходным падежом, фонетическим вариантом исходного падежа). Ӱч оглыма адырылдым 'Я разлучился с тремя моими сыновьями' (Е II,2) (адырыл- 'разлучаться' управляет дательным падежом). Амраклартын адырылгулук эмгэк 'Страдания из-за разлуки с любимыми' (СЗБ 609, 3) (глагол адырыл- управляет исходным падежом.). Приведенные примеры показывают, что в языке ПДТП противоречивость значений дательного падежа может достигать полной противоположности. Материалы памятников позволяют сделать вывод о том, что в период их создания противоречивый характер значений дательного падежа достиг очень высокой степени развития. Это свидетельствует о высокой ступени развития данной формы. Таким образом, в языке ПДТП дательный падеж полностью входит в два ряда грамматических оппозиций. В пределах малого ряда он противопоставлен своими конкретными, пространственными значениями местному и исходному падежам, а своими объектными значениями он соотносится со всеми падежами в целом. Дательный падеж в языке ПДТП имеет те же абстрактные значения, что и в современных тюркских языках.

Местный падеж своими обстоятельственными значениями противостоит дательному и исходному падежам. Он может передавать также значения, имеющие абстрактный характер: значение среды и объектное значение, сохраняющее связь с семантикой местонахождения. В то же время в языке ПДТП местный падеж еще не был формой управляемого дополнения, как в современных тюркских язы-

ках.[48] В современном турецком языке значения управляемого об
екта у местного падежа связаны с таким типом его употреблени
при котором слово в местном падеже выражает большей частью д
ствие или какой-либо процесс. Эти значения местного падежа в
ходят за рамки непосредственного соотнесения со значениями да
тельного и исходного падежей и входят в ряд значений управля
мых дополнений. Уже в языке ПДТП можно отметить тенденцию
преобразованию пространственного значения в объектное, но сте
пень развития абстрактной стороны значений местного падежа е
не достигла той степени развития, которая позволила бы ему пол
ностью войти во второй ряд грамматических оппозиций. Это про
изошло позже, в процессе дальнейшего развития абстрактных зна
чений местного падежа. В языке ПДТП более ярко проявляются ег
конкретные, пространственно-временные значения. Данная особен
ность языка ПДТП отражает более древнее состояние, когда мест
ный падеж имел только конкретные, пространственные и временны
значения.

Исходный падеж своими обстоятельственными значениями про
тивостоит дательному и местному падежам. С обстоятельственны
значениями исходного падежа связаны различные объектные значе
ния с "отложительной" семантикой. Таким образом, уже в языке
ПДТП исходный падеж входит в два ряда оппозиций. Своими обсто
ятельственными значениями он противопоставлен дательному и мес
ному падежам, передавая значение исходного пункта в простран
стве и времени, своими объектными значениями противопоставля
ется всем остальным падежам как форма управляемого объекта.
Однако степень развития внутренней двойственности значений ис
ходного падежа в языке ПДТП не столь значительна, как в совре
менных тюркских языках. В языке ПДТП все значения этого падежа
связаны с семантикой отложительности. В современных тюркских
языках характерным признаком исходного падежа является "рас
щепление сложной гаммы значений на противоположные группы зна
чений отложительных и приложительных".[49] При этом в некоторы

---

[48] Там же, с.82-83.

[49] И в а н о в С.Н. К истолкованию многозначности грам
матических форм, с.106.

случаях приложительные значения, присутствующие в виде оттенка в ряде типов дополнения, выражаемого данным падежом, оказываются преобладающими. Особенности употребления исходного падежа в языке ПДТП показывают, что он входит в два ряда оппозиций, но круг значений, благодаря которым он противопоставляется всему склонению в целом, несколько уже, чем в современных тюркских языках, а также и в староузбекском языке. Однако уровень развития абстрактной стороны значений исходного падежа в языке ПДТП очень высок. Об этом говорит широкий диапазон значений, не связанных непосредственно с пространственной и временной семантикой.

Дательно-направительный, инструментальный и сравнительный падежи занимают обособленное положение в системе падежей. Эти падежи имеют устойчивые адвербиальные значения. Дательно-направительный падеж передает только пространственные значения, обозначая объект, к которому направлено действие в пространстве. Инструментальный падеж передает преимущественно орудийные значения, сравнительный падеж передает чаще всего значения сравнения, уподобления, реже пространственные. Для этих падежей характерно преобладание конкретных, мотивированных значений. Во многих случаях формы указанных падежей приближаются к наречиям.[50] Обращает на себя внимание известная ограниченность семантики имен, оформляемых аффиксами дательно-направительного и инструментального падежей. Аффикс дательно-направительного падежа чаще всего сочетается с существительными, обозначающими место, аффикс инструментального падежа очень редко сочетается с существительными, обозначающими лиц.

Особый интерес представляет форма дательно-направительного падежа. Она употребляется преимущественно в древнейших памятниках - рунических и манихейских. В более поздних памятниках она используется редко. Уже в языке ПДТП дательно-направительный падеж находится на периферии категории склонения. Дательно-направительный падеж соотносится с дательным, местным и исходным падежами. Таким образом, он входит в малый ряд форм. Однако в отличие от других падежей своего ряда дательно-напра-

---

[50] Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с.35.

дательный падеж не выступает в качестве формы управляемого дополнения, так как выражает только конкретные, пространственные значения. Именно отсутствие у этого падежа абстрактных, немотивированных значений обусловливает вхождение его лишь в один ряд оппозиций и его периферийное положение в системе падежей языка ЦДТП. Особенности дательно-направительного падежа могут быть объяснены либо тем, что он первоначально входил в число основных падежных форм и был древней формой дательного падежа,[51] либо тем, что он представляет собой сочетание формы дательного падежа -ге с элементом -ру.[52] В первом случае дательно-направительный падеж утратил более абстрактные значения и сохранил лишь конкретные пространственные значения. Во втором случае (с нашей точки зрения, это вероятнее) форма -гару еще не успела развить абстрактную, немотивированную сторону своих значений. Вхождение дательно-направительного падежа лишь в один ряд оппозиций объясняет его неустойчивое положение в системе падежей и последующий выход из этой системы. Утрате продуктивности формой дательно-направительного падежа способствовала тенденция к выражению близких значений одной формой. Дательно-направительный падеж обозначал объект, по направлению к которому совершается действие. Но такое же значение мог передавать и дательный падеж. В результате дательно-направительный падеж утратил продуктивность.

Исследование системы падежей в языке ЦДТП и сравнение ее с системой падежей в современных тюркских языках позволяют сделать следующие выводы.

I. Каждая падежная форма проявляет тенденцию к вхождению в два ряда грамматических оппозиций – в рамках малого ряда и в рамках большого ряда, т.е. в рамках категории склонения в целом. В первом случае падежи противопоставляются ближайшим коррелятам по семантическим признакам, во втором – на основе различия синтаксических функций.

---

[51] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.49.

[52] С е в о р т я н Э.В. Категория падежа. ИСГТЯ. II, с.60.

2. Система оппозиций у категории склонения является результатом длительного развития и сложилась вследствие того, что падежные формы получили способность передавать не только более конкретные, мотивированные значения (например, значение определенности), но и абстрактные, отвлеченные значения (например, значение прямого объекта). Противоречивая двойственность каждой падежной формы обусловлена тем, что она имеет как конкретное, так и абстрактное значение. Абстрактное значение развивается в силу свойственной языку тенденции к передаче более общих понятий. В современном турецком языке у каждого падежа есть ряд значений и функций, которые выходят за пределы противопоставления падежей внутри своего ряда и создают сеть оппозиций в рамках категории склонения в целом. В этой сети оппозиций основной падеж, совмещая в себе противоречивые значения, противостоит всем остальным падежам как падеж подлежащего; дательный, местный, исходный, винительный падежи выступают как формы управляемого дополнения, т.е. соотносятся с основным падежом по линии объект – субъект, а родительный падеж представляет собой противостоящую всем падежам специфическую относительную форму имени.[53] Значения, выходящие за пределы противопоставления падежей внутри своей группы (малый ряд), сложились постепенно в процессе развития абстрактных значений падежей. Этот процесс находит свое отражение в особенностях употребления падежей в языке ПДТП. Развитие абстрактных значений падежных форм приводит к вхождению их во второй ряд грамматических оппозиций – в рамках всего склонения в целом.

3. Различные падежи вошли в систему склонения в различное время. (Мы подразумеваем под вхождением в систему склонения вхождение падежа в два ряда оппозиций – в рамках своего малого ряда и всей системы падежей в целом.) Чем выше степень развития внутренней противоречивости падежа, тем раньше он вошел в систему падежей. Сильнее всего противоречивость значений, доходящая до противоположности значений, развита в языке ПДТП у дательного падежа. Это свидетельствует о том, что он уже очень давно вошел в два ряда оппозиций. Высокой степени развития до-

---

[53] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.I, с.85.

стигает также противоречивость значений исходного падежа. Несколько слабее развита двойственность значений у местного падежа. В языке ЦДТП он еще не используется в качестве формы управляемого дополнения. У винительного и родительного падежей еще преобладает "артиклевое" значение, что показывает их относительно недавнее вхождение в систему падежей. Об этом говорит и факультативность употребления, являющаяся отражением периферийного положения в категории склонения.

4. В процессе развития абстрактных значений отдельные падежи переходят с периферии в состав основных форм категории склонения, что отражается в их вхождении во второй ряд оппозиций - в рамках категории склонения в целом. Примером такой формы может служить винительный падеж. Первоначально основной функцией этого падежа было выражение определенности. Лишь позже он стал формой прямого дополнения, независимо от значения определенности, и вошел во второй ряд оппозиций. Таким образом, *винительный падеж перешел с периферии категории склонения в число* основных форм. С другой стороны, форма, находящаяся на периферии, может вообще выходить из системы падежей. Это произошло с формой дательно-направительного падежа. В языке ЦДТП эта форма находится на периферии категории склонения и противопоставляется только дательному, местному и исходному падежам, выражая конкретные, пространственные значения.

5. Вхождение падежа в два ряда оппозиций связано с тенденцией к выражению различных значений и различных синтаксических функций различными формами. Так, винительный падеж в малом ряду противопоставляется основному падежу в позиции прямого дополнения в прилегающей позиции как форма со значением определенности. Различные значения передаются различными формами: определенность - винительным падежом, неопределенность - основным (под неопределенностью в данном случае мы подразумеваем и отвлеченно-предметное значение). В позиции отстоящего прямого дополнения винительный падеж является формой прямого дополнения и в этом значении противостоит всем остальным падежам. В данном случае различные синтаксические функции передаются различными формами. Сопоставление значений падежей в языке ЦДТП и в современных тюркских языках показывает, что в целом в тюркских языках наблюдается усиление синтаксических зна-

чений. В то же время семантические и синтаксические значения находятся в неразрывном единстве. Это единство является характерной типологической особенностью как тюркских, так и некоторых других агглютинативных языков, в частности финно-угорских.

6. В тюркских языках происходит четкая дифференциация дательного, местного и исходного падежей. В языке ПДТП дательный падеж мог передавать значение места, где совершается действие, падеж с аффиксом -да мог иметь не только локативные, но и директивные и аблативные значения. В современных тюркских языках значения падежей дифференцированы более четко: обычно директивные значения выражаются дательным падежом, локативные - местным, аблативные - исходным (аффикс -дан в различных фонетических вариантах). Дифференциация значений дательного, местного и исходного падежей отражает тенденцию к передаче разных значений разными формами.

7. Тенденция к выражению близких значений одинаковыми формами способствует выходу падежных форм, находящихся на периферии категории склонения, из системы падежей. Дательно-направительный падеж передавал значения, близкие к значениям дательного падежа. Значения инструментального падежа могли выражаться послелогом бирлэ. В результате дательно-направительный и инструментальный падежи утратили продуктивность и вышли из категории склонения.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория принадлежности представлена аффиксами принадлежности. Эта категория выражает притяжательность в составе слова и в составе словосочетания, первый компонент которого личное местоимение: оглуң кишиң 'твои дети и жена' (ТТ I, 154), сачы 'ее волосы' (ТТ X, 435), бэниң бодунум 'мой народ' (Т 21), бизиң кулагымыз 'наши уши' (Ман. Ш, 26, 2). В языке ПДТП, как и в современных тюркских языках, категория принадлежности выражает не только принадлежность, но и притяжательность в широком смысле этого слова.[54] При сочетании аффикса принадлежности

[54] С е в о р т я н Э.В. Категория принадлежности. - ИСГТЯ, II, с.43.

Зак. [illegible]

с именами существительными, имеющими абстрактное значение, особенно с именами действия и послелогами реальная семантика принадлежности утрачивается, и категория принадлежности указывает только на отношение к лицу:[55] коркынчым эмгэким 'мой ужас терзания' (СЗБ 10, 6) ӱскӱндэ 'при тебе же' (ТТ I, 27).

Если первый компонент словосочетания – имя существительное с конкретно-предметным значением, то аффикс принадлежности 3-го л. выражает не только притяжательность, но и выступает в качестве грамматического показателя отношения предметов: Бу лабайның ӱ 'Звук этого рожка' (ТТ УП, 28, 30). Если определение имеет отвлеченно-предметное значение, то аффикс принадлежности 3-го л. полностью утрачивает соотнесенность с другими лицами и выражает только отношение определения и определяемого: Браман отг шынта эрсэр 'Если он будет из касты браманов' (Уйг. П, 35, 33).

В составе предложения аффикс принадлежности 3-го л. может выражать контекстуальную отнесенность: Төрт булунтаҡы эдгӱсӱ ары 'Самые лучшие и могущественные четырех частей света' (ТС 42). Йагыл тэди йагмышы бэн эртим 'Он сказал: "Присоединяйся". Присоединившимся был я' (Т 5).

Особенностью языка ЦДТП является то, что в словосочетании, первый компонент которого имя существительное в родительном падеже, аффикс принадлежности при определяемом может отсутствовать. Это характерно для древнейших рунических памятников: Каганың ичрэки бадызчы 'Придворные мастера кагана' (Км 12). Йагысилиг бэгиң кэдимлиг торыг ат 'Оседланный гнедой конь Йагын Сылиг бека' (Кб 33).

Данные языка ЦДТП показывают, что двойственность категории принадлежности в нем имела много общего с двойственностью этой категории в современных тюркских языках.[56] В составе слова аффиксы принадлежности противостоят друг другу как формальные показатели трех лиц и двух чисел, обладающие значением притяжательности. Аффикс принадлежности 3-го л. с категорией числа не соотносится. В составе словосочетания аффикс принадлеж-

---

[55] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.101.

[56] И в а н о в С.Н. Курс т[illegible]ецкой грамматики, ч.I, с.57-61.

ности противостоят друг другу по значению лица и притяжательности. В словосочетаниях, первый компонент которых имя существительное с конкретно-предметным значением, аффикс принадлежности 3-го л. противостоит аффиксам 2-го и 3-го л. как форма грамматического выражения отнесенности одного предмета к другому. Если определение выражено существительным с отвлеченно-предметным значением, то аффикс принадлежности 3-го л. полностью теряет соотнесенность с лицом. Следовательно, в словосочетаниях, оба компонента которых имена существительные, аффикс принадлежности 3-го л. противостоит аффиксам принадлежности всех трех лиц, являясь грамматическим средством, выражающим уже не лично-притяжательное, а предметное отношение. В то же время аффикс принадлежности 3-го л. как средство выражения предметного отношения в языке ЦДТП может отсутствовать, если первый компонент выражен именем существительным с конкретно-предметным значением. В современных тюркских языках употребление аффикса принадлежности в этом случае обязательно, если второй компонент словосочетания имя существительное нарицательное. Данная особенность языка ЦДТП отражает более древнее состояние, когда аффикс принадлежности 3-го л. выражал только конкретное значение - значение притяжательности. В дальнейшем в результате развития абстрактного значения аффикса принадлежности 3-го л. он стал использоваться как средство выражения предметного отношения, и его употребление стало обязательным. Таким образом, в категории принадлежности можно видеть действие тенденции к расширению абстрактных, немотивированных значений грамматических форм.

ГЛАГОЛ

Формы словообразования глагола

Глагольно-именные основы

В языке ЦДТП по своей форме основы в большинстве случаев четко разделяются на именные и глагольные. В то же время имеется ряд глагольно-именных омоформ: тын 'дыхание' и тын- 'дышать', оң 'правый', 'правдивый' и оң- 'улучшаться', ой 'углуб-

ление' и ой- 'делать углубление', таш 'внешняя сторона' и таш- 'переливаться через край', кош 'пара' и кош- 'соединять', ач 'голод' и ач- 'голодать'. Глагольно-именная омонимия является реликтом того периода истории тюркских языков, когда еще не произошло четкой формальной дифференциации именных и глагольных основ.[57] В языке ПДТП мы находим лишь следы этого древнего состояния. Четкая формальная дифференциация именных и глагольных основ в тюркских языках является результатом действия тенденции к выражению различных значений различными формами.

Формы образования глагольных основ от имен

Глагольные основы образуются от имен с помощью следующих аффиксов: -а ~ -ы ~ -у, -га, -гар, -гыр, -(а)д, -да, -к, -л, -мсын, -(а)р, -ра, -рка, -сы, -сыра. Аффиксы -га, -гар, -гыр, -да, -к, -мсын, -(а)р, -ра, -рка, -сы используются очень редко. Наибольшей продуктивностью обладает аффикс -ла. Аффикс -(а)л образует от имен существительных непереходные глаголы со значением "приобретать качества, свойства, присущие исходной основе". Аффикс -(а)р образует непереходные глаголы от имен прилагательных со значением "приобретать свойства, качества, присущие исходной основе". Аффикс -сыра образует глаголы со значением потери того, что выражено исходной основой. С помощью аффикса -мсын от имен существительных образуются глаголы со значением 'считать себя'. С помощью остальных аффиксов образуются глаголы со значением процесса действия, выведенного из значения исходной основы. Конкретное значение производных основ зависит от лексического значения исходной основы.

-а ~ -ы ~ -у: кӱч 'сила' – кӱч-э- 'принуждать', сан 'число' – сан-а- 'считать', аш 'пища' – аш-а- 'есть', ат 'имя' – ат-а- 'называть', ӧрт 'огонь' – ӧрт-э- 'жечь', йаш 'возраст' – йаш-а 'жить', 'быть в возрасте', сув 'вода' – сув-а- 'орошать', бош 'пустой' – бош-у- 'освободить', ӧл 'влажный' – ӧл-и- 'мокнуть'.

---

[57] Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с.32-40.

-(а)д: кут 'счастье' - кут-ад- 'стать счастливым', буң 'печаль' - буң-ад- 'печалиться', кул 'раб' - кул-ад- 'стать рабом', кўң 'рабыня' - кўң-эд- 'стать рабыней', йагы 'враг' - йагы-д- 'стать врагом'.

-га: эринч 'жалкий' - эринч-кэ- 'проявить жалость', кыз 'скупой' - кыс-га-н- 'скупиться' (-н - аффикс возвратного залога).

-гар: чын 'истина' - чын-гар- 'познать истину', бир 'один' - бир-гэр- 'соединять', тёз 'корень' - тёз-кэр- 'доходить до основания'.

-гыр: ай (междометие) - ай-гыр- 'кричать'.

-да: ўн 'голос' - ўн-дэ- 'звать', из 'след' - ис-тэ-т- 'послать искать' (-т аффикс понудительного залога), ал обман - ал-да- 'обмануть'.

-к: ич 'внутренность' - ич-ик- 'подчиняться' (букв. 'идти внутрь'), таг 'гора' - таг-ык- 'подниматься в горы', таш 'наружная сторона' - таш-ык- 'выходить', йол 'дорога' - йол-ук- 'встретиться', бир 'один' - бир-ик- 'соединяться', агу 'яд' - агу-к- 'отравиться'.

-(а)л: тусу 'польза' - тусу-л- 'быть полезным', алп 'герой' - алп-ал- 'проявить геройство'.

-ла (наиболее продуктивный аффикс образования глагольных основ от имен в языке ЦТП): кылыч 'меч' - кылыч-ла- 'зарубить мечом', куш 'птица' - куш-ла- 'охотиться на птиц', сёз 'слово' - сёз-лэ- 'говорить', аб 'охота' - аб-ла- 'охотиться', танчу 'кусок' - танчу-ла- 'резать на куски', таң 'чудо' - таң-ла- 'восхищаться', кўни 'зависть' - кўни-лэ- 'завидовать', таң 'заря' - таң-ла- 'светать', сў 'войско' - сў-лэ- 'воевать'.

-мсын: атак 'слава' - атак-имсын- 'мнить себя прославленным', бэг 'бек' - бэг-имсин- 'считать себя беком'.

-(а)р: кара 'черный' - кара-р- 'чернеть', йаш 'зеленый' - йаш-ар- 'зеленеть'.

-ра: кэк 'вражда' - кэк-рэ-ш- 'враждовать друг с другом'.

-ркa: алп 'трудность' - алп-ркa-н- 'испытать трудность', тсуй 'материнская любовь' - тсуй-уркa- 'проявить жалость'.

-сч: эрк 'сила' - эрк-си-н- 'господствовать'.

-сыра (образует глаголы со значением потери, отсутствия того, что выражено исходно основой): каган 'каган' - каган-

Зак. 96 у

сыра- 'лишиться кагана', өг разум - өг-сирэ- 'лишиться разума', татыг 'вкус' - татыг-сыра- 'лишиться вкуса', уруг 'потомство' - уруг-сыра- 'лишиться потомства'.

Формы образования глагольных основ от глагольных основ

Глагольные основы образуются от глагольных основ с помощью аффиксов -гса и -ма.

-гса образует глагольные основы, выражающие желание совершить действие, обозначаемое исходной основой: бар- 'уходить' - бар-ыгса 'хотеть уйти', көр- 'видеть' - көр-үгсэ- 'хотеть видеть', кир- 'входить' - кир-игсэ- 'хотеть войти'.

-ма образует отрицательные основы от всех глагольных основ: көзүн- 'быть видимым' - көзүн-мэ- 'быть невидимым', кэлтүр- 'приводить' - кэлтүр-мэ- 'не приводить', көрүгсэ- 'хотеть видеть' - көрүгсэ-мэ- 'не хотеть видеть'.

Категория залога

Общая характеристика

Категория залога характеризуется сложным переплетением грамматических (словоизменительных) и лексических (словообразовательных) значений.

Залоги образуются с помощью ряда аффиксов. Аффиксы -л, -н, -сык, -тык и -к передают страдательно-возвратные значения, аффикс -ш - взаимно-совместные, аффиксы -гур, -гар, -р (соединительный гласный перед -р чаще всего узкий губной, реже узкий не губной или широкий гласный), -з, -дур, -дыз, -т (может присоединяться к основе на согласный и без соединительного гласного), -гыт - каузативные. В языке ЦТП одинаковые залоговые значения часто передаются различными аффиксами. Правда, происходит известная дифференциация аффиксов, имеющих одинаковое значение, в зависимости от конечного звука исходной основы. После основ на гласный и -л чаще употребляется аффикс страдательно-возвратного залога -н, после основ на гласный, р и й больше

частью используется каузативный аффикс -т. Однако это не является правилом: кыл-ын- и кыл-ыл- 'быть сделанным', өлүр-т- 'приказать убить' и бэр-түр- 'заставить дать', тур-гур- 'заставить встать' и көр-гит- 'показать', ай-ыт- 'заставить сказать' и туй-ув- 'заставить понять', тэ-т- 'заставить сказать' и йэ-дур- 'накормить'. Выражение одинаковых значений различными аффиксами залогов отражает смешанный, наддиалектный характер языка ПДТП.

При исследовании категории залога в языке ПДТП мы исходим из того положения, что необходимо четко разграничить значения залоговых аффиксов как показателей объектных связей производных глаголов, с одной стороны, и как формантов со значением субъектной характеристики непроизводной (исходной) основы – с другой.[58]

Страдательно-возвратный залог

Данные языка ПДТП показывают, что сфера страдательного и возвратного значений характеризуется сложным взаимодействием и переплетением лексических и грамматических значений в рамках единого страдательно-возвратного залога.[59]

Максимум грамматичности страдательно-возвратного залога наблюдается у глаголов с косвенно-возвратным значением. Эти глаголы сохраняют способность сочетаться с прямым дополнением. Объектная характеристика вторичной основы не изменяется по сравнению с исходной основой, и аффикс залога -н выражает собственно грамматическое значение субъекта действия исходной основы – значение действия, совершаемого субъектом для себя, в своих интересах: Ол йалацукляр канын эдгү өгли йолчы йэрчи алынып 'Взяв себе отличным, мудрым проводником хана тех людей' (СЗБ 432, I0). Туркару аш ичкү ынча колушынча ашанмак кэргэк 'Нужно, чтобы пищу и питье принимали всегда в положенное время' (Ман. Ш, I2,3). Грамматическое значение косвенной возвратности проявляется у глаголов, которые без наличия прямого дополнения имеют прямо-

---

[58] Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2. Грамматические категории глагола. Л., 1977, с.6.

[59] Там же, с.17.

К формам страдательно-возвратного залога в языке ПДТП относятся формы, образованные с помощью аффиксов -сык, -тык, -к. Можно предположить, что первоначально эти аффиксы имели понудительное значение и вторичные основы с этими аффиксами лишь впоследствии приобрели пассивно-каузативное значение.[63] В языке ПДТП аффикс -сык образует вторичные основы со страдательным значением, аффиксы -тык и -к образуют вторичные основы с возвратно-страдательным значением: Утсукуп 'Будучи побежденным' (ТТ II, В 83). Бириси тутсукуп экагўси коркынчлык озар болур 'Один из них схвачен, а двое из них спасаются в сильном страхе' (СЗБ 620, 21). Кэртгўнч кўч бар болмыш ўчўн "ёрт тўрлўг шымнуларка чалсыкмаз бастыкмаз 'Благодаря существованию силы истинной веры он не будет разбит и подавлен четырьмя родами демонов' (ТТ У, В 29). Инчкўң мэниң бултукмаз 'Для тебя не найдутся покой и радость' (ТТ I, 21). Ограмыш иш бўтмэз этмкмэз 'Задуманное дело не совершится' (ТТ I, 75).

Взаимно-совместный залог

В языке ПДТП взаимно-совместный залог имеет взаимно-совместное и совместное значения. Если вторичная глагольная основа имеет взаимно-совместное значение, то изменяются объектные связи исходной основы (исходная основа имеет переходное значение). Вторичная основа получает способность сочетаться с дополнением, представляющим собой имя в сочетании с послелогом бирлэ. В то же время меняется характеристика субъекта действия: аффикс залога показывает, что действие совершается несколькими субъектами, причем действие направляется ими друг на друга. При отсутствии дополнения в основном падеже с послелогом бирлэ в форме залога преобладает субъектная характеристика действия. Таким образом, при взаимно-совместном значении форма залога имеет лексические и грамматические значения: Иним кўл тегин бирлэ сёзлэндимиз 'Мы переговорили с моим младшим братом Кюль-Тегином' (Кб 26). Кўнли аёлы кёрўнди 'Солнце и лу-

---

[63] К о р м у ш и н И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках. – В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с.41-43.

на встретились' (ТТ I, 92). Алкугун сэвишэўнлэр 'Пусть все любят друг друга' (СЗБ I20, 4).

Если вторичная глагольная основа имеет совместное значение, объектные связи не изменяются, меняется только характеристика субъекта действия, аффикс залога показывает, что действие совершается сообща несколькими субъектами. В этом случае форма залога имеет грамматические значения: Бир үнин сыгташтылар 'Они рыдали в один голос' (Уйг. Ш, 23, 6). Балык удушта бу номуг истэп тапышмады 'В городах и селениях искали эту книгу и не нашли' (СЗБ I7, 7).

Понудительный залог

Первичное значение понудительного залога - направленность действия от субъекта действия, выражаемого вторичной глагольной основой, вовне, на объект.[64] Формы понудительного залога в языке ПДТП образуются от непереходных и переходных основ. Если аффикс понудительного залога присоединяется к непереходной глагольной основе, то он сообщает ей значение переходности, тесно связанное с каузативным значением (а), если аффикс понудительного залога сочетается с переходной глагольной основой, то он сообщает основе только значение каузативности (б). В первом случае отношения между субъектом и прямым объектом осуществляются теми же актантами, новый участник действия не вводится, реальный производитель действия выступает как подлежащее (форма собственно понудительного залога). Во втором случае вводится новый участник действия, реальный производитель действия не совпадает с подлежащим (каузатив).[65] Этот участник действия или подразумевается из контекста или выражается формой дательного падежа.

а) Йатыглыг тургуру йорыйур мэн 'Я иду, заставляя встать лежащих' (ТС II, 3I). Түнэриг тамутын төзўни озгурт қуз 'Ты спас всех из мрачного ада' (ТТ Ш, 68). Баш агрыг игиг кэтэрсўн 'Пусть удалит головную боль' (Уйг. II, 68, 5). Бу түрк бодунка йарык-

---

[64] Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, с.520.

[65] Тенишев Э.Р. Строй саryг-югурского языка. М., 1976, с.I02-I03.

лыг йагыг кэлтӱрмэдим 'К этому тюркскому народу я не приводил врагов, облаченных в кольчуги' (Т 54).

б) Тӱрк билгэ каган элиңэ бититдим 'Я приказал написать для народа тюркского Бильге-кагана' (Т 58). Йаглыг аш йэдӱрмиш кэрiэк 'Надо кормить жирной пищей' (Рах, II, 3, 43). Ким кайу тынлыг бу ном битигиг битисэр бититсэр окысар окытсар 'Если кто-нибудь перепишет эту сутру или заставит переписать, прочтет или заставит прочитать' (ТТ УI, 5I). Ол йаңаларге көмэн аш йуттуруп 'Заставив тех слонов проглотить пищу, подвергающую их воздействию чар' (СЗБ 605, I2).

В языке ПДТП форма понудительного залога может также передавать пассивно-каузативные значения: Ким кайу тӧзӱнлэр оглы кызы азу йэккэ ичкэккэ басынтурмыш болсар 'Если кто-нибудь из сыновей благородных и дочерей благородных, совратившись, будет порабощен демонами и духами' (ТТ УII, 40, 37). Киши кӱчи кэрэсар йад кишикэ басынтур 'Если лишить силы людей (букв. 'если сила людей уменьшится'), они будут покорены иноземными людьми' (ТТ I, 56). Бу ырк кимкэ кэлсэр сӱдэ эрсэр санчытур 'Кому покажется это знамение, если он будет на поле битвы, быть ему пронзенным' (ТТ I, 66).

Каузативные показатели могут выражать пассивные отношения и в некоторых современных тюркских языках - якутском, тувинском, хакасском, алтайском.[66] Совмещение каузативных и пассивных значений свойственно и языкам других систем.[67] Э.В.Севортян указывает, что оттенки значения понудительного залога могут варьировать от понуждения до пассивного допущения; если объектом такого пассивного допущения является само действующее лицо, то оно в реально-физическом смысле ничем не отличается от

---

[66] У б р я т о в а Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.;Л., 1950, с.II6; И с х а к о в Ф.Г., П а л ь м б а х А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с.274; Д е т я г и н а Н.И., Н а с и л о в Д.М. Пассив в тувинском языке. - СТ, 1974, № I, с.I9-24; Д ы р е н к о в а Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, с.69; Г р а м м а т и к а алтайского языка. Казань, 1869; К о р м у ш и н И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках, с.84.

[67] Н е д я л к о в В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971, с.85-107, 168-169.

действующего лица при страдательном залоге, так как и в том и в другом случае действующему лицу навязывается какое-то действие.[68] А.А.Пальмбах следующим образом объясняет механизм использования формы понудительного залога для выражения страдательных значений в тувинском языке: "Предмет А заставляет (побуждает) предмет Б что-то сделать с ним (с предметом А)...[т.е.] предмет А подвергается данному действию со стороны предмета Б".[69] Обычно в языке ПДТП в каузативных конструкциях с пассивным значением используются глаголы, обозначающие действие, совершающееся во вред субъекту действия, выражаемого вторичной глагольной основой: басыт- 'быть порабощенным', санчыт- 'быть произнесенным'. Аналогичное явление наблюдается и в других языках, в которых совмещаются каузативное и пассивное значения.[70] Субъект действия, выражаемого исходной глагольной основой, передается в языке ПДТП формой дательного падежа или может мыслиться как неопределенный (неопределенно-личное значение): Йад кишиkэ басытур 'Будут покорены иноземными людьми'. Санчытур 'Будет произнесен'.

Семантическая связь конструкций с формой страдательного залога и с формой понудительного залога в пассивном значении обусловлена, с нашей точки зрения, тем, что в обоих случаях действие, выражаемое исходной основой, направлено на субъект действия, выражаемого вторичной основой.

Соотношение лексических и грамматических значений в формах понудительного залога в языке ПДТП имеет такой же характер, как и в современных тюркских языках.[71] При сочетании с непереходными основами аффиксы понудительного залога изменяют объектные связи исходных основ: вторичные основы получают возможность сочетаться с дополнением в основном или винительном па-

---

[68] Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, с.522.

[69] Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка, с.274.

[70] Кормушин И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках, с.84.

[71] Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.23-29.

деже (лексическое значение). В то же время аффикс залога характеризует субъект действия исходной основы как побуждаемый к совершению действия. Фактический исполнитель действия выражается прямым дополнением. При сочетании с переходными основами аффиксы понудительного залога изменяют объектные связи переходных основ: вторичные основы приобретают способность сочетаться с дополнением в дательном падеже или дополнением в форме основного падежа в сочетании с послелогом ӱзэ, которые выражают фактического исполнителя действия. Одновременно аффикс залога характеризует субъект действия исходной основы как побуждаемый к совершению действия. Следовательно, аффиксы понудительного залога всегда изменяют объектные связи исходной основы. Степень грамматичности значений форм понудительного залога различна. Если понудительный залог образуется от переходной основы, лексическое значение исходной основы не меняется, происходит только расширение объектных связей исходной основы. Поэтому в данном случае форма понудительного залога обладает *наибольшей грамматичностью. Если же форма понудительного залога* образуется от непереходной основы, то лексическое значение исходной основы может меняться и степень грамматичности меньше. Семантическая связь первичной и вторичной основ может нарушаться: Ӧтрӱ ол ашчы эр сӧкӱнчӱсин элиг бэгкэ кэлӱрӱп 'Тогда этот *повар, принеся беку жаркое*' (ТТ У, А, *прим.* 124). Тэрс билигин айыг кылынчын кэтэрмэк 'Удаление ложного учения и дурных поступков' (ТТ УІ, 19). В приведенных примерах вторичные основы кэлӱр- 'приносить' и кэтэр- 'удалять' в известной мере утрачивают семантическую соотнесенность с исходными основами кэл- 'приходить' и кэт- 'уходить'.

Система залогов в языке ПДТП

Двойственный характер категории залога в тюркских языках проявляется в том, что в ней сочетаются лексические значения (*объектные связи*) и *грамматические значения* (*субъектные*). Аффиксы залогов имеют два ряда значений. Один ряд значений — расширение объектных связей глагола (словообразовательные значения), второй ряд значений — характеристика субъекта действия исходной основы (грамматические значения). Специфика залога как *лексико-грамматической категории* проявляется в том, что

в ней имеются как собственно грамматические противопоставления, так и противопоставления лексические.[72]

Исследование категории залога в языке ЦДТП показывает, что соотношение лексических и грамматических значений в формах залога в нем очень близко к тому, что наблюдается в тюркских языках в последующие периоды, например в староузбекском[73] и современном турецком[74] языках. Это свидетельствует о том, что уже в эпоху создания древнейших тюркских памятников категория залога полностью сформировалась. Таким образом, категория залога сложилась в тюркских языках в очень отдаленный период. Вместе с тем в языке ЦДТП можно отметить некоторые особенности, позволяющие сделать определенные выводы о тенденциях развития, действующих в сфере залога. Круг грамматических значений страдательно-возвратного залога в языке ЦДТП несколько уже, чем в последующие периоды (включая сюда и язык памятников XI-XII вв.- Кутадгу билик и Диван Махмуда Кашгарского).[75] В языке ЦДТП отсутствуют формы страдательно-возвратного залога с неопределенно-личным значением, образованные от непереходных основ. Формы страдательно-возвратного залога с чисто страдательным значением употребляются в языке ЦДТП ограниченно, особенно в древнейших памятниках. Так, в рунических надписях отмечено только 4 случая использования формы страдательно-возвратного залога в чисто страдательном значении.[76] Можно предположить, что собственно страдательные значения развились позже, чем страдательно-возвратные значения. Если субъект действия устраняется из высказывания, т.е. мыслится неопределенно-лично, то в языке ЦДТП чаще всего используется не страдательно-возвратный залог, а 3-е л. действительного залога. Взаимно-совместный залог употребляется в совместном значении довольно редко. Указанные особенности можно объяснить тем, что формы с собственно-страдательным значением имеют более отвлеченный, абстрактный харак-

---

[72] Там же, с.34.

[73] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.117-134,194.

[74] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.6-34.

[75] Н и г м а т о в Х.Г. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI-XII вв. - Авт. Баку, 1978, с.32.

[76] А х м е т о в М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов, 1978, с.56-57.

тер, чем формы со страдательно-возвратным значением. Совместно-множественное значение взаимно-совместного залога более обобщенное, чем взаимно-совместное. Таким образом, особенности использования залоговых форм в языке ЦДТП отражают тенденцию к развитию более абстрактных и обобщенных значений. С другой стороны, более широкое употребление страдательно-возвратного залога в собственно-страдательном значении для выражения неопределенно-личных значений обусловлено действием тенденции к выражению различных значений различными формами. В языке ЦДТП личная форма 3-го л. могла очень часто передавать как личные, так и неопределенно-личные значения. Использование формы страдательно-возвратного залога позволяет формально различать личные и неопределенно-личные значения.

Формы словоизменения глагола

В языке ЦДТП можно выделить следующие формы словоизменения глагола: личные формы (наклонения), причастия, субстантивную форму (-мак), деепричастия. К причастиям и субстантивной форме тесно примыкают имена действия, утратившие глагольные признаки и перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных.

Наклонения

Общая характеристика

Категория наклонения выражает отношение действия к действительности. В языке ЦДТП четыре наклонения: изъявительное, повелительное, желательное и условное. Изъявительное наклонение обозначает действие, которое воспринимается как реальное, оно выражено рядом простых и сложных временных форм. Повелительное наклонение выражает повеление, приказание, побуждение к действию, желательное наклонение – желание совершить действие, условное наклонение – условие, при котором может совершиться другое действие.

Изъявительное наклонение

Форма -гай используется в древнеуйгурских и манихейских памятниках и только в одном руническом памятнике – Гадательной

книге. В качестве предикативных показателей с формой -гай употребляются личные местоимения. В языке ЦДТП форма -гай выражает будущее действие, часто с модальными оттенками долженствования, *возможности, иногда желания: Бу битигиг ӱч ката азу йэти* ката окызун ол бэӱт йэклэр йэр алтынкы эрклигдэр йэмэ таплагайлар йэриг топракыг бош кодуп баргайлар эвдэ барыта ада туда болмагай асыг тусу болгай 'Пусть прочтет эту книгу три или семь раз. И те духи, демоны и подземные силы найдут это приятным, освободят землю и уйдут. В доме не будет несчастья, будет польза' (ТТ VI, 292-295). Ол алтун тагка тэгсэр сиз көк линхуа көргай сиз *'Когда вы достигнете той золотой горы, то увидите* голубой лотос' (КП 38, 2). Мэн амты бӱлӱр мэн коркмаң бушанмаң эсэң тӱкэл тэггэй сиз 'Теперь я умираю. Вы не бойтесь и не печальтесь. Вы дойдете здоровыми и невредимыми' (КП 40, 4). Бӱлгэй мэн 'Я умру' (ТС II, 61). Көңэки нэлӱк тонгай ол күнэшкэ олурур ол 'Как может замерзнуть его сосуд, ведь он находится на солнце' (ТС II, 88).

В более поздних тюркоязычных памятниках в форме -гай преобладает модальное значение желательности, ее включают поэтому в состав форм желательного наклонения, например в староузбекском[77] и староосманском[78] языках (староосманская форма -ja < -гай). В языке ЦДТП в форме -гай желательность выражена слабо. Как показывают приведенные примеры, в большинстве случаев модальный оттенок желания вообще отсутствует. Поэтому в языке ЦДТП форма -гай входит в состав форм изъявительного наклонения. Двойственный характер формы -гай в языке ЦДТП проявляется в том, что она имеет семантику долженствования, возможности, желательности и тем самым сближается с косвенными наклонениями. Именно эта сторона значений формы -гай способствовала ее переходу в состав форм желательного наклонения в период, последующий за эпохой создания памятников древнетюркской письменности. С другой стороны, форма -гай выражает будущее действие, причем модальность присутствует лишь в качестве дополнительного оттенка значения. Это сближает форму -гай с формами изъявительного наклонения. В таком значении форма -гай используется особенно

---

[77] И в а н о в С.Н. Родословное древо тюрок, с.166-167.
[78] Г у з е в В.Г. Староосманский язык, с.59-60, 64.

часто в языке ПДТП, что и позволяет включить ее в состав форм изъявительного наклонения.

Материал языка ПДТП показывает, что первоначально форма -гай передавала будущее вне связи с настоящим. Будущее действие является "идеальным" для говорящего, если точка временного отсчета совпадает с моментом речи. Идеальное действие в зависимости от ситуации может передавать различные модальные оттенки, начиная от категоричности, долженствования и кончая возможностью, предположительностью. В языке ПДТП форма -гай передавала различные модальные оттенки. Использование формы -гай и форм, восходящих к ней, в современных тюркских языках только для выражения желания обусловлено действием тенденции к выражению различных значений различными формами. За формой -гай закрепилось одно модальное значение - значение желательности.

Форма -ды (прошедшее категорическое время) образуется с помощью аффикса -ды и предикативных показателей.

Предикативные показатели

Единственное число	Множественное число
1-е л. -м	-мыз
2-е л. -ң, в некоторых рунических памятниках -г	-ңыз, в некоторых рунических памятниках -гыз
3-е л. -ϕ	(-лар)

Прошедшее категорическое время обозначает однократное, компактное, нерасчлененное действие (а), многократное действие (б), длительное действие (в):

а) Таң таңлады уду йәр йаруды уду күн тогды 'Заря заня-лась, потом осветилась земля, потом взошло солнце' (ТС II, 39). Ол өдүн ол куврагда сәкиз түмән төрт миң бодистлар алку бурхан билигинә тәгдиләр 'В то время в той общине восемьдесят четыре тысячи бодисатв все достигли мудрости будды' (ТТ УІ, 424). Анта ок кылычы эки өңи болуп йәркә түшти 'Затем его меч разломился надвое и упал на землю' (ТТ Х, 357).

б) Барсыг көкмәкиг өлүрмәдим 'Я не убивал тигров и ланей' (Е II, 10). Нәчә йазынтымыз йаңылтымыз әрсәр 'Сколько бы мы ни грешили' (Хуаст. 214). Нәчә нәчә йаруды артады 'Сколько оно пило и гибло' (СЗБ 612, 1). Амру айыг кылынчларыг ок аштым үклит-

тим 'Я постоянно увеличивал лишь дурные поступки' (С 42). Күнинэ колгучылар ўзўлмэди 'Ни на один день поток просителей не прекращался' (КП 7, 3). Тўмэн тўмэн йалварды 'Он без конца (букв. 'десятки тысяч раз') умолял' (Ман. I, 20, 4).

в) Агызы йырлайу олурды 'Он сидел и пел' (КП 7I, 3). Ўзэ туман турды асра тоз турды 'Наверху была мгла, внизу была пыль' (ТС II, 20). Ол ёдўн магастви бодиств йорыйу нича тэп сакынты 'В то время Магистви-бодисатва по дороге так размышлял' (СЗБ 6I2, I9). Ырактын тэнри бурханыг бгэ йыва турдылар 'Они издалека славили божественного будду' (ТТ X, I46).

В языке ЩТП прошедшее категорическое время может обозначать действие любой давности по отношению к моменту речи: Тэнри тэнрисэ бурканка инчэ тэп ётўг ётўнти 'И он так обратился с просьбой к богу богов будде' (ТТ УI, 0I2-0I3). В данном примере действие происходит при жизни будды, т.е. в отдаленном прошлом.

Форма -р (настоящее-будущее время) образуется с помощью аффиксов -р и -йур при основах на гласный, -ур, -ыр, -ар - при основах на согласный. Семантически различные варианты аффикса не различаются. Отрицательный аспект образуется с помощью аффикса -маз < -ма + -р. В качестве предикативных показателей с формой -р используются личные местоимения.

Форма -р передает "непрошедшее" действие. В самой форме план настоящего и будущего не различается. Отнесенность действия к моменту речи зависит от контекста. В зависимости от контекста форма -р обозначает настоящее данного момента (а), обычное действие, простирающееся из настоящего в будущее (б), будущее (в).

а) Тэнрим амты йазукда бошуну ётўнўр биз 'Теперь, боже, мы умоляем о прощении грехов' (букв. 'чтобы освободиться от грехов') (Хуаст. I54). Мэн амты ёлўр мэн 'Теперь я умираю' (КП 40, 4). Ёзўм амты ачынур мэн 'Теперь я сам каюсь' (СА 35).

б) Йарын кэчэ алтун ёргин ўзэ олурупан мэңилэйўр мэн 'Утром и вечером, сидя на золотом троне, я радуюсь (ТС II, I). Тогдукта кўн талуламаз 'При рождении день не выбирается' (ТТ УI, 227). Ётрў ол тынлыг бу йиртинчўдэки талуй ёгўз тэгзинчиңэ чомар батар тэгзинўр ўч йавлак йолка кирўр сансыз тўмэн ажунта тогар ёлўр сансар ичинтэ эмгэк эмгэнўр бурканлар номын эшитмэз

'Затем те существа тонут в круговороте океана этого мира, кружатся в нем, вступают на три дурные пути. Они рождаются и умирают в бесчисленных десятках тысяч перерождений, страдают в сансаре и не слышат учения будды' (ТТ VI, 218-220).

в) Бәниң бодунум анта әрўр 'Мой народ там будет' (Т 21). Мәниң өгўм болур сиз 'Будешь Ты моей матерью' (Уйг. Ш, 83, 14). Тәрк өдўн ол тынлыг бурхан кутын булыр 'В скором времени то существо обретет блаженство будды' (ТТ VI, 54).

Форма -мыш очень широко употребляется в языке ПДТП. В качестве предикативных показателей с формой -мыш используются личные местоимения. Форма -мыш имеет значение перфекта и обозначает качественное состояние, наступившее в результате прошлого действия и приуроченное к моменту речи (а), или прошлое действие как достояние опыта субъекта действия (б).[79] Значение достояния опыта, когда перфект обозначает нечто раз и навсегда приобретенное в результате прошлого действия, является основой такого употребления формы -мыш, когда ею обозначаются действия, известные говорящему с чужих слов. В этом случае форма -мыш представляет собой форму модальности.[80] Как форма модальности форма -мыш особенно широко используется в рунических памятниках.[81] В отрицательном аспекте ей соответствует форма -мадук.

а) Муң ай муң ай йиттўрмиш мән исиг сәвәр амрак адайымын 'О горе, горе! Потерял я горячо любимое, дорогое дитя' (СЗБ 623, 11). Элиг этмиш мән 'Я создал племенной союз' (ТС II, 73). Йылкы ажунынта аныт көкўрчкән кирпи болмышлар 'В мире животных они стали утками, голубями и ежами' (СЗБ 299, 6).

б) Камаг шастир битиглэриг бўтўрў билмиш сән 'Ты познал все трактаты' (СЗБ 585, 21). Бошгутлуг бәш балыклыг сынку сәли

---

[79] И в а н о в С.Н. 1) Родословное древо тюрок, с.143; 2) Курс турецкой грамматики, ч.2, с.53-54.

[80] К о н о н о в А.Н. Турецкая глагольная форма на -мыш.- Учен.зап.Ленингр.ун-та. Сер.филолог.наук, № 20, вып.1, 1939, с.34-36.

[81] R a d l o f f W. Die altürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, S.86, 105-107; М е л и о р а н с к и й П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. - ЗВОРАО, т.XII, вып.II-III. СПб., 1899, с.126-127.

тутуң тавгач тылынтын экилэйў тўрк тылынча аггармыш 'Ученый житель Бешбалыка Сынку Сэли Тутуңг еще раз с китайского языка перевел на тюркский язык' (Уйг. I, I4, 4).

в) Ўзэ кўк тэңри асра йагыз йэр кылынтукда экин ара киши оглы кылынмыш 'Когда возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были созданы (появились) сыны человеческие' (Кб I). Эчўмўз апамыз бумын каган тўрт булуңут кысмыш йагмыш йаймыш басмыш 'Наш предок Бумын-каган, говорят, четыре страны света подавил, сокрушил, рассеял, раздавил' (О I). Билигсиз каган олурмыш эринч йаблак каган олурмыш эринч 'Сели на царство, надо думать, неразумные каганы, сели на царство, надо думать, трусливые каганы' (Кб 5). Чыгань эр оглы казганчка бармыш йолы йарамыш ёгирэ сэбинў калир тэр 'Говорят, сын бедняка отправился на заработки. Путь его был удачен. Радуясь и веселясь, он возвращается' (ТС II, 45).

Форма -мыш широко используется в современных огузских (азербайджанском, турецком, туркменском) языках и в якутском языке (якутский аффикс -быт /-пыт / -бит / -пит / -бут / -пут /-бүт / -пүт предоставляет собой фонетический вариант аффикса -мыш). Так же, как и в языке ПДТП, форма -мыш в этих языках имеет значение перфекта: азерб. - Итирмишэм йарымы 'Я потерял свою любимую' (А. с.24), якут. - Мин манна кэлбитим 'Я сюда пришел' (У, с.24), ПДТП - Йиттўрмиш мэн исиг сэвэр амрак адайымын 'Потерял я горячо любимое, дорогое дитя' (СЗБ, 623, II). Наличие продуктивной формы -мыш является общим признаком современных огузских и якутского языков и языка ПДТП, отличающим их от остальных современных тюркских языков.

Форма -дачы чаще всего используется в рунических надписях.[82] В качестве предикативных показателей с формой -дачы употребляются личные местоимения. Форма -дачы выражает будущее действие с модальными оттенками возможности и долженствования: Ол йэргэрў барсар тўрк бодун блтэчи сэн 'Если ты, тюркский народ, пойдешь в те земли, ты погибнешь' (Км 8). Бёдкэ кёригмэ бэглэр гў йацылтачы сиз 'Разве вы, беки, повинующиеся престолу, можете впасть в ошибки' (Км II). Айыг тўтўш кэриш карыш-

---

[82] G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, S.115.

макыг амырткуртачы' Он способен успокоить дурные споры и пре-
пирательства' (Уйг. II, 58, 5). Кырк йашта атка тэгдэчи 'Он до-
стигнет славы в сорок лет' (ТТ УП, I7, 24).

Сложные временные формы состоят из форм -р, -мыш, -ды, -гай, -дачы в сочетании с прошедшим категорическим временем глагола эр- 'быть' (эрти).

Форма -р эрти обозначает длительное действие, отнесенное в прошлое (а). В зависимости от контекста может выражать действие как происходившее в определенный момент в прошлом, так и повторявшееся, в сочетании с формой -сар имеет сослагательное значение (б).

а) Ол сүңүшдэ отуз йашайур эрти 'В том сражении ему было тридцать лет' (Кб 42). Ол өдүн тыдыгсыз бодисть ол кувраг арасынта эрүр эрти 'В то время не имеющий недостатков (букв. 'не имеющий препятствий') будда находился на этом собрании' (ТТ У, 010). Уна кыйа өлгэли йатур эрти 'И вот теперь она лежала, готовая вот-вот умереть' (СЗБ 609, 22). Өгүм каным эчим тэгинкэ сэвэр мэни аклайур эрти 'Мои родители любили моего старшего брата - принца, а меня ненавидели' (КП 29, I). Ол элиг бэг бурханларыг шлок тагшутын өгэр күлэйүр эрти 'Тот правитель воздавал хвалу буддам в стихах' (СЗБ 346, 7).

б) Апам бирөк номуг номлап кодмасар алкынмаз му эрти тынлыглар 'Если бы они не изучили глубоко Учение, то разве тогда живые существа не погибли бы?' (ТТ Ш, 64).

Форма -мыш эрти обозначает состояние, вызванное действием, предшествующим фону прошлого. Точка отсчета времени смещается в прошлое: Ол өдкэ кул куллуг болмыш эрти 'К тому времени рабы уже стали рабовладельцами' (Кб 2I). Ансыз кэд билмиш эрти 'Он узнал это очень хорошо' (СЗБ 585, I2). Өз кадыны йэринэ тэгдим каны кан ол элигниң кызын эдгү өгли тэгинкэ колмыш эрти 'Сам же он достиг страны своего тестя, ибо его отец-царь просил когда-то дочь правителя той страны для принца Благонамеренного' (КП 64, 3). Өгкэ каңка сэвитмиш эрдиң 'Ты был любим родителями' (СЗБ 620, I).

Форма -ды эрти выражает действие, совершившееся в прошлом, причем совершение действия предшествует фону прошлого, передает те же значения, что и форма -ды, но отнесенные к фону прошлого: Ташкару илинчүкэ атлантурты эрти 'Его отправили на про-

гулку за город' (КП I, 1). Буцулуг кадгулуг болтумуз эрти 'Мы [весь неимущий и простой народ] стали печальными' (Уйг. I, 57, 5). В сочетании с формой -сар форма -ды эрти имеет значение сослагательности: Устүрти коды инмэсэр үкүш тэлим тынлыглар булты эрти 'Если бы не спустились вниз, то нашли бы бесчисленное множество живых существ' (ТТ Ш, 20).

Форма -гай эрти имеет значение сослагательности: Улуг күчлүг кутлуг бодисавтлар эрмэсэр бу йэрка нэң тэгмэгэй эрти 'Если бы это не был великий, могучий, благословенный бодисатва, он бы никогда не достиг этой земли' (КП 45, 2). Агалыг куруг болганын аты барым алкынсар йокадсар йазука түшэ тэгинмэгэй эртимиз 'Мы не подверглись бы обвинению, если бы казна опустела, а богатство и имущество истощились бы и исчезли' (КП 7, 8).

Форма -дачы эрти выражает тенденцию к совершению действия в прошлом, возможность или необходимость совершения действия, обозначает будущее действие по отношению к фону прошлого: Түрк бодун адак камаштды йаблак болтачы эрти 'Тюркский народ довел себя до изнеможения, дело могло стать скверным' (Кб 47). Күң болтачы эрти 'Они стали бы ребятами' (Кб 49). В сочетании с формой -сар форма -дачы эрти имеет значение сослагательности: Күл тэгин йок эрсэр коп олтачы эртигиз 'Если бы не было Кюль-Тегина, вы бы все погибли' (Кб 50).

Система времен изъявительного наклонения в языке ЦДТП образует два ряда форм. Первый ряд - простые временные формы, второй ряд - сложные временные формы. Эти ряды соотносятся друг с другом как два типа употребления одних и тех же форм. Первый ряд представляет собой индикативное употребление простых времен, т.е. употребление времен по отношению к моменту речи, второй ряд - релятивное употребление простых времен по отношению к фону прошлого.[83] Уже в языке ЦДТП намечается тенденция к использованию сложных временных форм (прошедшие времена) по отношению к моменту речи безотносительно к фону прошлого. Форма -гай эрти может выражать пожелание по отношению к фону момента речи: Эмти тэңрим бу мунтаг тэрс тэтрү билиглиг тынлыгларка кони йол орук көртгүрү бэргэй эрти 'Теперь показал бы мой бог истинный путь этим существам, обладающим ложным знанием' (ТТ УI,

---

[83] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.69-70.

236). Следует отметить, что в данном случае форма -гай эрти имеет ярко выраженное модальное значение пожелания того, чтобы действие совершилось. Поэтому в приведенном примере форма -гай эрти приближается к желательному и повелительным наклонениям. Однако сама возможность индикативного употребления формы свидетельствует о наличии тенденции к индикативному употреблению сложных временных форм. В то же время в языке ПДТП индикативное употребление сложных временных форм еще не приобрело общего характера, как это наблюдается в современных тюркских языках, например в турецком языке.

Возможность индикативного употребления сложных форм прошедшего времени в современных тюркских языках отражает расширение круга значений этих форм, усложнение их семантики, благодаря чему каждая сложная форма прошедшего времени выявляет при индикативном употреблении особые значения.[84]

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражает побуждение к совершению действия. Образуется с помощью следующих аффиксов:

Единственное число	Множественное число
1-е л. -	-
2-е л. -ϕ	-ŋ (лар)
3-е л. -сун / -зун	-сунлар / -зунлар

Во 2-м л.ед.ч. к форме повелительного наклонения может присоединяться аффикс -гил, усиливающий значение повеления. Во 2-м л.мн.ч. используются параллельно 2 формы: с аффиксом -лар и без него.

Основное значение повелительного наклонения - выражение повеления, приказания: Эдгӱ кылынчлыг ин ӱкӱш кыл 'Совершай много благочестивых дел' (TT I, 53). Бушуш көңӱл котгыл 'Отбрось печаль' (TT I, 101). Эдгӱ кылынч кылгыл 'Совершай добрые дела' (TT I, 111). Анча билин 'Так знайте' (TC II, 33). Сизлэр камаг төзӱнлэр кутуру тынлаңлар 'Вы все, благородные, выслушайте полностью' (TT VI, 25). Бу битигиг ӱч ката окызун 'Пусть он про-

---

[84] Там же, с.62-66.

чтет эту книгу три раза' (ТТ УІ, 277). Йагыш йагсун 'Пусть он принесет жертву' (ТТ УІІ, 25, 20).

Повелительное наклонение может также выражать просьбу, пожелание: Тэнри тэнриси бурхан магат улушка кэлгэли таплайу йарлыкасун 'Пусть бог богов будда соизволит согласиться прибыть в страну Магада' (ТТ Х, 112). Анин амты камаг бурсаң кувргадын эки тойын өтүнү тэгинүр мэн ким күнтэмэк мэнин эвимтэ ашанзунлар 'Поэтому я теперь прошу двух монахов из всей общины, пусть они каждый день кормятся в моем доме' (ТТ І, прим.160). Особенно ярко выражено значение пожелания при сочетании формы повелительного наклонения 3-го л. с прошедшим категорическим временем глагола эр- 'быть': Йэр йарылзун эрти 'О если бы разверзлась земля' (Уйг. І, 37, 17). Использование глагола эр- в прошедшем категорическом времени переносит пожелание в план прошедшего и подчеркивает нереальность пожелания.

В придаточных предложениях цели, вводимых союзными словами тэйин и ким, повелительное наклонение выражает не только "идеальный" характер действия, но и будущее время и приближается по своему значению к изъявительному наклонению. В этом проявляется двойственность, противоречивость повелительного наклонения. Көгмэн йэр суб ідисиз калмазун тэйин аз кыркыз бодунуг йаратып кэлтимиз 'Мы пришли и устроили немногочисленный народ кыргызов, чтобы не осталась без хозяина земля (страна) Кёгменская' (Кб 20). Катыгланаң ким үркэ одугун эрэнлэр 'Старайтесь постоянно быть бдительными' (букв. 'старайтесь, чтобы вы постоянно были бдительными') (Ман. Ш, 9, 6). Эмти тэнрим бу мунтаг тэрс тэтрү билиглиг тынлыгларка көни йол орук көртгүрү бэргэй эрти ким көни йолча көни билигчэ йорыгунлар эрти тэрс тэтрү төрү кодзунлар эрти 'Теперь показал бы мой бог истинный путь этим существам, обладающим ложным знанием, чтобы они следовали по истинному пути, следовали истинному знанию и отбросили ложные учения' (ТТ УІ, 237-238).

Желательное наклонение

Желательное наклонение выражает желаемое действие в будущем и в прошедшем (в сочетании с прошедшим категорическим временем глагола эр-). Используется в 1-м л.ед. и мн.ч., образуется с помощью следующих аффиксов:

Единственное число	Множественное число
-йын (после гласных)	-лым (после гласных)
-айын (после согласных)	-алым (после согласных)

Каңым сабын тыңлайын 'Я хочу слышать слова моего отца' (ТС II, 90). Эмгэк көтүрмэйин 'Да не буду я переносить мучения' (Ман.II, 6, I4). Бурханлар билигиңэ тэгинэлим 'Мы хотим постигнуть знания будд' (ТТ УI, 380). Йагы йавлак адасын йагутмалым 'Да не приблизим мы опасность врагов и недругов' (СЗБ 397, I8). Йэрка кирэйин эрти 'О если бы я вошел в землю' (Уйг. I, 37, I7).

Формы желательного наклонения используются в придаточных предложениях цели, вводимых союзным словом тэп: Аны аньтайын тэп сүлэдим 'Чтобы наказать их, я выступил с войском' (БК 4I). В придаточном предложении цели желательное наклонение выражает не только пожелание, но и будущее время, смыкаясь с изъявительным наклонением. В этом проявляется двойственный, противоречивый характер желательного наклонения в языке ДДТП.

Условное наклонение

Условное наклонение в языке ДДТП представлено формой -сар. В качестве предикативных показателей с формой -сар используются личные местоимения, в 3-м л. предикативный показатель отсутствует. В языке руничеких памятников предикативные показатели не употребляются, и форма -сар функционирует как деепричастие.

В самостоятельных предложениях форма -сар обозначает пожелание: Бирөк огулум бу туштa тириг эсэң кавышсар 'Если бы мой сын в это время живым и невредимым соединился [с нами]' (СЗБ, 623, I4).

В придаточных предложениях условного периода (в руничеких надписях в составе деепричастного оборота) форма -сар выражает реальное (а) и нереальное условия (б). Реальное условие передается формами -р, -гай и -дачы изъявительного наклонения, формами желательного и повелительного наклонений, нереальное условие передается формами -р эрти, -гай эрти, -дачы эрти, -ды эрти сказуемого главного предложения.

а) Бир тодсар ачсык өмэз сэн 'Если ты насытишься, ты не думаешь о голоде' (Км 8). Сув тамыры курысар йаш йавшгу курый-

ур 'Если засохнет канал, засохнут зеленые листья' (Т I, 55). Тутӱш кэриш кылмасар сэн өзӱңэ камаг адатын озгай сэн 'Если ты не затеешь ссор и споров, то избавишь себя от всех опасностей' (ТТ I, 180). Ол йэргэрӱ барсар тӱрк бодун ӧлтэчи сын 'Если ты, тюркский народ, пойдешь в ту землю, ты погибнешь' (Km 8). Барсар баглы 'Если ты хочешь отправиться, отправляйся' (КП 30, 6). Усар иди йоккышалым 'Если сможем, уничтожим правителя' (Т И).

б) Апам бирӧк номуг номлап кодмасар алкынмаз му эрти тынлыглар 'Если бы они не изучили глубоко Учение, то разве тогда живые существа не погибли бы?' (ТТ Ш, 64). Улуг кӱчлӱг кутлуг бодисавтлар эрмэсэр бу йэркэ нэң тэгмэгэй эрти 'Если бы это не был великий, могучий благословенный бодисатва, он бы никогда не достиг этой земли' (КП 45, 2). Кӱл тэтин йок эрсэр коп ӧлтэчи эртигиз 'Если бы не было Кюль-Тегина, вы бы все погибли' (Кб 50). Ӱстӱрти коды инмэсэр ӱкӱш талим тынлыглар булты эрти 'Если бы не спустились вниз, то нашли бы бесчисленное множество живых существ' (ТТ Ш, 20).

Форма -сар глагола эр- 'быть' (эрсэр) в сочетании с причастиями и личными формами прошедшего категорического времени -ды образует формы условной модальности: Тӧрт тогумлуг кысаг танагта кысылыр танылур эрсэрлэр 'Если они будут сдавлены в тисках четырех рождений' (ТТ IУ, А, прим.20). Ӧвкэ көңӱлӱм йӱгэрӱ болмайук эрсэр 'Если у меня не появилось чувство гнева' (Уйг. Ш, 61, 5). Йэмэ бачаг олурып эдгӱти номча тӧрӱча бачамадымыз эрсэр амты тэңрим йазукда бошуну ӧтӱнӱр биз 'Если мы, когда постились, не соблюдали пост в соответствии с писанием и законом, то теперь, о боже, мы умоляем о прощении грехов' (Хуаст. 181).

Форма -сар и форма условной модальности, выраженная сочетанием прошедшего категорического времени и формой -сар глагола эр- (эрсэр), могут передавать значения, не связанные непосредственно со значением условия, а именно временные отношения (а) и значение обобщения (б). Если форма -сар или форма условной модальности выражает обобщение, ей предшествует вопросительное слово.

а) Көздэ йаш кэлсэр эти дэ көңӱлтэ сыгыт кэлсэр йантуру сакынтым катыгды сакынтым' В то время как из глаз моих лились слезы и рыдания исходили из глубины сердца, я снова и снова скорбел, я сильно скорбел' (Кб 51). Ынчып оң могочлар нэчӱкин

урыслыктын онуп бардылар эрсэр ол йултуз йэмэ оларны бирлэ барыр эрди 'И вот, когда те маги шли из Иерусалима, та звезда шла вместе с ними' (Уйг. I, 6, 5).

б) Нэ турлуг этиг йаратыг сар эрсэр корумчи йулдузчыга айнтмаз этэр эртилэр 'Они совершали все дела (букв. 'какие только ни были дела'), не спрашивая предсказателей и астрологов' (ТТ УI, I33), Нэту сакынч сакынсар сэн бутмэз 'Что бы ты ни задумал, не исполнится' (ТТ УII, 28, 4).

Двойственный характер условного наклонения проявляется в его способности передавать не только значение условия, но и временные и обобщающие. В этом случае значения условного наклонения смыкаются со значениями изъявительного наклонения.[85] В языке ПДТП форма -сар во временном значении употребляется *относительно редко. Между тем в современных тюркских языках* форма условного наклонения во временном значении используется довольно широко.[86] Следсвательно, двойственный характер формы -сар в период создания памятников еще не развился полностью. Необходимо отметить, что способность формы условного наклонения передавать временные значения не одинакова в различных современных тюркских языках. В турецком языке форма условного наклонения передает только значения условия и обобщения, временных значений она не выражает, в узбекском языке форма условного наклонения часто выражает временные отношения.[87] Это наблюдается также и в казахском языке. Таким образом, двойственный характер формы условного наклонения проявляется по-разному в различных тюркских языках.

Форма -сар имеет ряд черт, которые сближают ее с формой, передающей условие в якутском языке, где условие выражается формой -тар, принимающей аффиксы лица. Форма -тар соответствует форме -сар (т в аффиксе -тар соответствует с). В современных тюркских языках, кроме якутского условие выражается фор-

---

[85] Иванов С.Н. Родословное древо тюрок, с.I95.

[86] Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., I973, с.329-330.

[87] Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.417.

мой -са, т.е. без конечного р. Как и в языке ПДТП, в якутском языке форма -тар не выражает времени, оно уточняется сочетанием временной формы со вспомогательным глаголом буол- 'быть' в форме -тар с показателем 3-го л. (нулевым). В языке ПДТП время также уточняется сочетанием временной формы со вспомогательным глаголом эр- 'быть' в форме -сар (арсэр), причем личные показатели принимает временная форма, а вспомогательный глагол имеет нулевой показатель лица. В якутском языке форма -тар сочетается с личными показателями, восходящими непосредственно к личным местоимениям, в языке ПДТП (в древнеуйгурских памятниках) форма -сар может сочетаться с личными местоимениями. В других современных тюркских языках форма -са сочетается с личными аффиксами, большей частью совпадающими с аффиксами принадлежности.

Причастия

Термином "причастия" мы обозначаем субстантивно-атрибутивные и атрибутивные глагольные формы. Причастия передают временные значения, но выражают время не абсолютно, а по отношению ко времени конечного сказуемого. К субстантивно-атрибутивным формам относятся формы -р, -мыш, -дук, -йук, -гу (-гулук), -сык, к атрибутивным формам - формы -гма, -глы, -гучы, -дачы.

Субстантивно-атрибутивные глагольные формы

Форма -р (после основ на гласный -р и -йур; после основ на согласный -ур, -ар, -ыр; отрицательный аспект -маз) обозначает как признак действие, одновременное с действием, выраженным конечным сказуемым или следующее за ним. Очень часто обозначает постоянный признак предмета. Формы -мыш, -дук и -йук[88] (-йук представляет собой фонетический вариант аффикса -дук) имеют перфектное значение и обозначают состояние, наступившее в результате действия, предшествовавшего времени конечного сказуемого. Формы -гу и -сык выражают действие, будущее по отношению

---

[88] Насилов Д.М. Прошедшее время на -juk/-jьk в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках. - В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966, с.92-104.

ко времени конечного сказуемого, имеют модальные оттенки возможности или долженствования. В атрибутивной функции форма -р часто сочетается с аффиксом -лук. В субстантивной функции формы -мыш, -дук, -йук, -гу и -сык временных значений не выражают. Форма -йук используется только в древнейугурских текстах, форма -сык - в руничесих надписях и некоторых манихейских памятниках.

Форма -р: Узун йашайур тынлыглар аз 'Существ, которые живут долго, мало' (ТТ УІ, 021). Тӱкэл билир тавар тиләмэз тынлыглар аз 'Совершенно мудрых, не стремящихся к богатству существ, мало' (ТТ УІ, 3). Ол барс йатур орунка бартылар 'Они пошли к месту, где лежала та тигрица' (СЗБ 6І9, І0). Магастви тэгинниң тонн камыш бутыкы ӱзэ аскын туруп турурын көртилэр 'Они увидели, что одежда их младшего брата принца Магастви висит на ветках камыша' (СЗБ 6І9, І2).

Форма -мыш: Бу савларыг эшидип ол төрӱдэ йыгылмыш камаг кишилэр адынтылар муңадтылар 'Все собравшиеся на том свадебном пире люди изумились, услышав эти слова' (СЗБ І6, І8). Ограмыш бӱтмэз этикмэз 'Задуманное дело не совершится' (ТТ І, 75). Мэниң ашнукы азунта кылмыш ӧз кылынчым мэни ынча эмгэтӱр 'Мои проступки, совершенные в прежних существованиях, причиняют мне такие страдания' (ТТ УІ, І6). Йарук йашук алкудын сынар йарумышын йашымышын сакынмыш кэргэк 'Надо представить себе, что свет сияет во всех направлениях' (ТТ У, А 3).

Форма -дук, -йук: Каганладук каганын йитӱрӱ ылмыш 'Своего правившего кагана он потерял' (Кб 7). Сэбдӱкимин йэйӱр мэн 'Я ем то, что люблю' (ТС ІІ, 5). Тэңрикэ йагыш айык бэрмэйӱккэ башын көзин агытур 'Когда кто-нибудь не приносит божеству жертвы и не блюдет обетов, это причиняет ему боль в голове и глазах' (ТТ УІІ, 25, І).

Форма -гу: Ӧтрӱ этӱз кӱзэтгӱ тамга тутмыш кэргэк 'Затем нужно сделать знак, оберегающий тело' (ТТ У, А 53). Куткаргу тынлыгларыг таптукта котмадын камыгуны куткартыңыз 'Когда Ты нашел живые существа, которых надо было спасти, Ты всех их спас без исключения' (Ман. Ш, 47, І). Ном эрдиниг толу тӱкэл бититгӱкэ көңӱл ӧритдим 'Затем я пожелал переписать целиком эту драгоценную книгу' (СЗБ И, І6). Адыртлагулук бэлгӱ бар 'Есть примета, по которой различают' (ТТ І, 7І). Ӧтрӱ эмгэктин озгулук

кутрулгулук йолуг ынакыг тапарлар 'Затем они найдут путь избавления от мучений' (СЗБ 388, I6).

Форма -сык: Вусанти олурсук төрү бар эрти 'Был закон о том, как следует соблюдать пост' (Хуаст. I75). Кигӱрсӱк төрү бар эрти 'Было правило, как следует подносить' (Хуаст. I67) Янылып ӱлэсикинин йэмэ бунта уртум 'Я здесь написал (букв. 'высек надпись') о том, как ты заблуждался и делился' (Км I0).

Определяемое по отношению к субстантивно-атрибутивным формам может обозначать: субъект действия при глагольной форме действительного залога (а), прямой объект действия (б), косвенный объект действия (в), место действия (г), время действия (д). Если субъект действия, выражаемого глагольной формой, не совпадает с определяемым, он выражается аффиксом принадлежности при определяемом, а также именем в основном или родительном падеже. Если субъект действия мыслится неопределенно или ясен из контекста, аффикс принадлежности при определяемом отсутствует.

а) Бушы бэрмэз тынлыглар ӱкӱш 'Существ, которые не подают милостыни, много' (ТТ УI, 5). Йунд йыл бэшинч ай йунд кӱн йунд ӧдинда тогмыш киши 'Человек, родившийся в год лошади, в пятый месяц, в день лошади, в час лошади' (ТТ УП, 25, 23). Каганладук каганын йитӱрӱ ыдмыш 'Своего правившего кагана он потерял' (Кб 7). Бурсаң кувралгарның агзына киргӱ йэм ичим 'Пища и напитки, предназначенные для общин' (букв. 'которые должны войти в рот общин') (ТТ IУ, А 38).

б) Бу мэниң сэвэр амрак этӱзӱмин титэр мэн ыдалайур мэн 'От этого моего любимого тела я отказываюсь' (СЗБ 6I6, I). Агзанмыш савың этикти 'Слова, которые ты сказал, сбылись' (ТТ I, I47). Тэнри унамадук абынчу катун болзун 'Пусть неугодная богу наперсница станет госпожой' (ТС П, 57). Арымадук тсуй эринчӱлэримин бошуг колуп 'Вымолив прощение своих еще не искупленных грехов' (ТТ IУ, В 50). Кылмайук айнг кылынчларыг икилэйӱ таку кылмаз мэн 'Я не совершу также в другой раз грехи, которые не совершил' (СЗБ I38, 3).

в) Бизинэ тапынгу йӱгӱнгӱ эрдини бэрӱп эрмиш 'Он дал нам драгоценность, которой следует поклоняться' (Уйг. I, 8, I8). (В языке ПДТП глаголы тапын-, йӱкӱн- управляют дательным падежом).

г) Эргулӱк тургулук йэр орунлары 'Места, где они должны обитать' (СЗБ 427, 2). Куртулгу йол 'Путь, на котором можно

опастись' (ТТ Ш, 60). Өтрү олурмыш орунытын өрү туруп 'Затем, поднявшись с места, на котором сидел' (ТТ УІ, 011). Эл тутоу йэр өтүкэн йыш эрмиш 'Отюкенская чернь (лес и горы) была местом, откуда надо править племенным союзом' (Км 4).[89]

д) Нэң мэниң ишлэгүлүк ишим ишлэгүлүк өдтэ йайылмасун 'Пусть мои дела, которые мне следует делать, не рассеиваются в то время, когда их следует делать' (ТТ УШ, Е 42). Күн өгүрда мунчулайу сакынч кылып 'Занимаясь подобными размышлениями на восходе солнца' (букв.'когда восходило солнце') (ТТ У, А 71).

Как показывают данные памятников, определяемое по отношению к субстантивно-атрибутивным формам может выражать те же значения, что и в современных тюркских языках.[90] Наличие словосочетаний, в которых определяемое выступает в качестве не только прямого объекта, но и косвенного объекта, а также места и времени действия, выражаемого глагольной формой, свидетельствует о том, что залоговое значение причастия не зависело от значения определяемого и в эпоху создания памятников.

В субстантивной функции чаще всего используются формы -мыш (в манихейских и древнеуйгурских памятниках), -дук (в руничеких памятниках). Формы -р и -гу употребляются реже, форма -ыш в субстантивной функции употребляется только в руничеких памятниках. Субъект действия, выражаемого глагольной формой, обозначается аффиксом принадлежности при глагольной форме, а также *именем в основном падеже.*

Форма -мыш: Бу бурхан этүзин бош кылмышын сакынмыш кэргэк 'Нужно представить себе, что он освободил это тело будды' (ТТ У, А 46). Сэн мунча мунча тынлыгларыг өлүртмишкэ 'Из-за того, что ты приказал умертвить столь многих живых существ' (СЗБ 8, 10). Шашмаксыз бурхан болмышта сакынгыл мэни майтри 'Став лишенным суетности буддой, подумай, Майтри, обо мне' (ТТ УП, прим.6).

Форма -дук: Олуртукыма төрт булуңдаку бодунуг этдим йаратдым 'Когда я сел на престол, я устроил народы четырех стран света' (БК Хь 9). Билтүкимин өдүкимин бунча битиг битидим 'То

---

89 Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic, p.176.

90 Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.37-44.

что я знал, то, над чем размышлял, я так (букв. 'столько') написал' (КЧ 28). Тирилтүкүм бу эрүр 'Таково мое воскресение' (оживление) (СЗБ I6, I5). Ол одүн калты тәңри элиг бөгү хан ынча айдукта өтрү биз динтарлар камуг элтәки бодун эртиңү өтрүнчүлүг болтумуз 'После того как божественный правитель Бёгю-хан тэк сказал, мы, манихейцы, и весь народ в стране очень обрадовались' (ТТ II, 52-54). Тәбрәтүк сайу иш кодүк тапыныңча 'При каждом движении (действии) дела твои соответствуют твоему желанию' (ТТ I, II9).

Форма -р: Муны мунчулайу тәңридәм вишайлыг мәңиләриг тәгинүртә түнлә бир үн эшидилти 'И вот, когда он достиг так божественных чувственно-созерцательных радостей, ему стал слышаться по ночам какой-то голос' (Уйг. II, 28, 4).

Форма -гу: Сәниң балыктаку иг тога кәтгүси йок 'Не исчезнут в твоем городе болезни' (Уйг. I, 45, 4). Бу соганчыг ыдук ном элигин йадгука тавранылар катығланылар 'Стремитесь распространять эту прелестную царь-сутру' (СЗБ 9I, I9). Көргүнин үчүн игидмиш билгә каганыңа 'Твоему мудрому кагану, который возвысил тебя за твое повиновение' (Кб 23).

Форма -сык: Йанылып үлэсикиңин йэмэ бунта уртум 'Я здесь написал (букв. 'высек надпись') о том, как ты заблуждался и делился' (Км I0).

Атрибутивные глагольные формы

Атрибутивные глагольные формы употребляются только в функции определения. Формы -гма и -глы в зависимости от контекста могут передавать действие, предшествующее времени конечного сказуемого, одновременное с ним или последующее. Форма -гма может иметь модальное значение долженствования. Использование указанных форм в языке ПДТП показывает, что они обозначали действие как вневременной признак. Форма -гучы имеет то же значение, а также имеет дополнительный оттенок постоянства, обычности совершения действия субъектом. Форма -дачы передает действие, одновременное с действием конечного сказуемого или будущее по отношению к нему с модальным оттенком долженствования, возможности совершения действия. Определяемое при формах -гма и -глы чаще всего является субъектом действия, выражаемого этими формами; но в отдельных случаях определяемое может и не совпа-

дать с субъектом действия. Однако в языке ПДТП агентивное значение у этих форм преобладает. Определяемое при формах -дачы, -гучы всегда является субъектом действия, агентивное значение этих форм выражено очень ярко. На их агентивный характер указывает компонент -чы, образующий имена со значением деятеля.

Форма -гма: Бу битиг битигмэ атыс йолыг тэгин 'Сделавший эту надпись - племянник его Йоллыг тэгин' (Км I3). Учугма тыныглыгка 'По отношению к летающим существам' (Хуаст. 94). Кин келлигмэ ӧдки эрмэз 'Не относится к будущему времени' (букв. 'к времени, которое придет потом') (СЗБ 204, 7). Ичикигмэ ичикди болдун болты 'Кто должен был (кому выпало) подчиниться, подчинился и стал народом' (БК 37). Тичэси оглы йатыгма тагка тэгмиш 'Он достиг горы, где жил сын сына неба (вассал китайского императора)' (Т 47).

Форма -глы: Бэш тэнри йарукын кувратыглы бриштилэр 'Ангелы, собирающие свет пяти божеств' (Хуаст. I64). Ӧтрӱ ол ӧдӱ йэр алтынкылар кыйынчылар ӧлӱтчилэр алку кэтгэй башы кӱн эрклигин йорыглы ай эрклигин йорыглы 'И тогда духи подземные, истязатели и убийцы - все исчезнут, сперва бродящие силой солнца [затем] бродящие силой месяца' (ТТ УI, 88). Ӧдсӱз колусуз адырылып барыглы ӧлӱгли ӱкӱш 'Тех, кто безвременно уходит и умирает, много' (ТТ УI, 3I4-3I5).

Форма -гучы: Тэнрим корун бу йэгӱчи йэклэрдэ 'Боже, спаси от этих [все] пожирающих демонов' (Ман. Ш, 24, II). Бу ярыкгучы ярклагучы киши кутсуз болур 'Человек, гадающий по этому оракулу, будет несчастлив' (ТТ УII, 28, 9). Эрклиг кан сӱсин башлагучы касынчыг коркынчыг эрклигларнин атлары бу 'Имена страшных повелителей, возглавляющих войско Эрклиг-хана (бог Яма), таких (ТТ УI, 9I-92).

Форма -дачы: Ӧлтэчи бодунуг тириггэрӱ игидтим 'Я поднял к жизни народ, готовый погибнуть' (Кб 29). Аш бӱшэрдэчи от 'Огонь, на котором можно приготовить пищу (букв. 'огонь, который может сварить пищу')' (ТТ УШ, М 22). Кин кэлтэчи бурканлар йэмэ ноглагай 'И будды, которые придут после, также будут проповедовать (ТТ УI, 28). Камаг йэклэр йэлпиклэр адыртачы эрклиглэр алку йашарлар йокадурлар 'Все демоны, злые духи болезней и могущественные существа, сеющие рознь (букв. 'разделяющие'), спрячутся и исчезнут' (ТТ УI, 97).

Субъект действия, выражаемого формами -ɣма и -ɣлы, не совпадает с определяемым: Алку йок куруг элиг тэгмэ орунка тэгдилэр 'Все достигли места, которое называют "властелин пустоты" (ТТ VI, 425). Ол ödүн тэнри элиг бögү хан кэнтү динтарлар эригли куврaггару кэлти 'И тогда сам божественный правитель Бёгю-хан пришел на собрание, где находились избранные (манихейцы)' (ТТ II, 34-35). В первом примере определяемое обозначает прямой объект действия, во втором - место действия.

Использование причастий в предикативной функции

Формы -р, -мыш, -дачы в сочетании с личными местоимениями и прошедшим категорическим временем глагола эр- 'быть' уже в языке ПДТП образуют систему времен. Формы -дук, -йук, -гу, -сык, -глы лишь проявляют тенденцию к переходу в систему времен изъявительного наклонения и могут спорадически выражать временные значения изъявительного наклонения. Ограниченность использования форм -дук, -йук, -гу, -сык, -глы в предикативной функции не позволяет включить их в систему времен изъявительного наклонения языка ПДТП.

Формы -дук и йук в предикативной функции имеют значение перфекта. В качестве показателя лица с формой -дук может использоваться аффикс принадлежности, форма -йук сочетается с личными местоимениями. Чаще всего форма -дук сочетается а аффиксом отрицательного аспекта -ма и в этом случае выступает как форма отрицательного аспекта формы -мыш. Эбкэ тэгдүкум 'Я направился домой' (Оа 2). Карлук эшиңэ кэлмэдүк 'Карлуки не пришли к своим союзникам' (МЧ 25). Бүкэтүкдэ сэкиз огуз токуз татар калмадук 'В Бюкятюке не осталось секиз огузов и токуз татар' (МЧ I3). Улуг эб örтэнмиш катыңа тэги калмадук бökиңэ тэги кодмадук 'Большой дом сгорел, не осталось даже основания, не осталось даже ограды' (ТС II, I4). Камаг ötэг бэримлэриг öзүм йыгмадук 'Всех своих обязанностей я не выполнил' (СА I9). Мэни агыр улуг эмгэклиг тидгэн арасынта кэмишгэли оградйук сиз 'Ты задумал бросить меня под колеса весьма больших страданий' (Уйг.Ш, 48, I9). Бодисатв тэгин качэн öлйүк ол 'Когда же умер принц-бодисатва?' (СЗБ 635, I8). Тэбрэнчсиз йарп олурйук ол 'Он сел непоколебимо крепко' (ТТ IX, 335).

Форма -гу в предикативной функции имеет значение настоящего-будущего времени с модальными оттенками долженствования или возможности. Такое же значение имеет и форма -гулук: Турушта түтүштә саклангу ол 'Следует остерегаться ссор и раздоров' (ТТ I, I95). Үч ката буруңка тамызгу ол 'Следует закапать в нос три раза' (Рах. I, I29). Кадгу бар бошунгулук 'Есть печаль. От нее надо избавиться' (ТТ I, 20). Аш ким барсыг тиргүргүлүк 'Пища, которая сможет оживить эту тигрицу' (СБ 6I0, I8).

Форма -сык в предикативной функции передает значение будущего времени с модальным оттенком долженствования: Түрк бодун өлсүкүң 'Тюркский народ, ты погибнешь' [91] (Км 6). Форма -сык в предикативной функции отмечена только в рунических надписях, сочетается с аффиксом принадлежности в качестве показателя предикативности.

Форма -глы в предикативной функции имеет значение настоящего - будущего времени: Эдгү бглиләриң өргәттүрүгли сиз 'Ты учишь своих благоразумных' (Ман. Ш, 24, 7).

Система причастий в языке ПДТП

Систему причастий в языке ПДТП можно представить в виде двух малых рядов. Первый ряд - субстантивно-атрибутивные формы, второй - атрибутивные формы. В пределах малого ряда причастия противопоставляются по своим временным и модальным значениям, в пределах всего ряда форм (большой ряд) - по своим функциям в предложении (синтаксически). В основе синтаксического противопоставления лежит то, что формы первого ряда могут функционировать и как субстантивы, и как атрибутивы, а формы второго ряда могут быть только атрибутивами. Таким образом, в языке ПДТП каждое причастие несет в себе информацию о семантическом значении и о той функции, которую оно может выполнять в предложении.

В языке ПДТП у атрибутивных форм обычно преобладает агентивное значение. Однако чисто агентивное значение имеют лишь формы -гучы и -дачы. В дальнейшем система причастий в тюркских языках развивалась в направлении четкой дифференциации прича-

---

[91] Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic, p.191.

стий с агентивным значением и субстантивно-атрибутивных форм, не имеющих агентивного значения. Такая система причастий существовала уже в староосманском языке (XIII-XV вв.).[92] При этом атрибутивная форма передавала информацию о временном и модальном значении причастия (семантическое значение), о его функции в предложении и о его отношении к определяемому как субъекту действия (синтаксические значения).

Можно предположить, что первоначально в тюркских языках причастия различались только семантически, но не по своим синтаксическим функциям. Причастия образовывали два малых ряда форм. Первый ряд - формы плана "непрошедшего времени" (настоящего-будущего времени): -р, -гу, -сык. Второй ряд - формы плана прошедшего времени: -мыш, -дук. В пределах первого ряда причастия противостояли друг другу как формы с различными временными и модальными оттенками плана настоящего-будущего времени. Формы второго ряда противостояли друг другу как формы, выражавшие различные оттенки перфекта (очевидно, формы -мыш и -дук имели определенные семантические различия, которые к моменту создания памятников не ощущались). Вместе с тем каждая форма первого ряда противопоставлялась второму ряду в целом как форма плана настоящего-будущего времени, а каждая форма второго ряда противопоставлялась первому ряду в целом как форма прошедшего времени. Таким образом, первоначально сущность каждого причастия была обусловлена его вхождением в два ряда оппозиций только по временным (семантическим) значениям.

В процессе развития более абстрактных значений причастия приобрели способность передавать формально не только семантические, но и синтаксические различия. Вначале противопоставление *в пределах всего ряда по синтаксическим функциям* определялось только тем, что форма причастия указывала на возможность использования причастия лишь в качестве определения. Этот этап зафиксирован в языке памятников. В дальнейшем четко выделились формы с агентивным значением. Тенденция к выделению форм с агентивным значением наблюдается уже в языке ПДТП. В результате выделения форм с агентивным значением сложилась система при-

---

[92] Гузев В.Г. Староосманский язык, с.67-70.

частий, в которой причастия состоят из двух групп – субстантивно-атрибутивных форм, не имеющих агентивного значения, и атрибутивных форм, имеющих агентивное значение. Такая система причастий существует в современном турецком языке.[93] Формы -р, -мыш в языке ПДТП были субстантивно-атрибутивными. В современном турецком языке они представляют собой глагольные атрибутивы с агентивным значением: определяемое при них выражает субъект действия. Формирование подобной системы причастий связано с тенденцией к выражению различных функций различными формами. Закрепление за некоторыми причастиями агентивного значения отражает тенденцию к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений. Таким образом, формирование системы причастий, в которой причастия противопоставлены в пределах всего ряда форм по функциям в предложении, определяется развитием абстрактных, немотивированных значений этих глагольных форм.

Система причастий в тюркских языках явилась основой образования системы времен изъявительного наклонения. Особенно ярко связь причастий с временными формами проявляется в языке ПДТП. Сложные формы времени типа -р эрти, -мыш эрти в языке ПДТП еще сохраняют синтаксический характер, их морфологичность выражена очень слабо. Глагол эр- сохраняет свою самостоятельность. Он может выступать в качестве первого компонента сложной временной формы, как любой другой глагол: Ол куврат арасынта эрүр эрти 'Он был на том собрании' (ТТ УІ, 010). В целом временные формы, образованные на основе причастий, отчетливо сохраняют следы более древнего периода развития тюркских языков, когда формы, состоявшие из причастия в сочетании с личным местоимением или глаголом эр- представляли собой не формы времени, а формы сказуемости имен. Первоначально форма типа «-р + личное местоимение» была не формой времени, а формой именного сказуемого. На это указывает и то, что в языке ПДТП предикативные показатели еще не превратились в аффиксы. Кроме личных показателей прошедшего категорического времени, желательного и пове-

---

[93] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.35

лительного наклонения, все предикативные показатели - личные местоимения, которые не изменяются при сочетании с основами времен - причастиями. В языке ПДТП самостоятельность показателей лица в глагольных формах времени, образованных на основе причастий, сохраняется полностью.

Причастия в языке ПДТП и в современных тюркских языках

Причастие -мыш является продуктивной формой в современных огузских и якутском языках (якутский аффикс -быт в различных фонетических вариантах соответствует аффиксу -мыш). В атрибутивной функции форма -мыш (якут. -быт) обозначает состояние, наступившее в результате действия, предшествовавшего времени конечного сказуемого. В огузских языках причастие -мыш используется в функции определения при имени, обозначающем субъект действия, выраженного формой -мыш, т.е. имеет агентивное значение. В якутском языке форма -быт имеет то же значение, но сфера ее использования шире, чем в огузских языках. Так же, как и форма -мыш в языке ПДТП (в языке древнеуйгурских памятников), форма -быт употребляется в функции определения при определяемом, обозначающем объект и место действия, выражаемого глагольной формой (а), развернутого дополнения (б), обстоятельства времени (в дательном падеже и в сочетании с послелогами) (в), обстоятельства причины (в сочетании с послелогом иһин 'для') (г):

а) ПДТП - Мән түшəмиш түлүм адынсыг болмаз 'Сон, который я видела, не может быть иным' (Уйг. Ш, 54, 4); Кэнтү тогмыш кылынмыш мəңигү тəнри йəрин уныту ытды 'Они совершенно забыли обитель вечного бога, где сами они родились' (Хуаст. I4); якут. - Мин манна тикпит сонум бу баар 'Вот шуба, которую здесь я сшила' (У., с.46). Кирисаанаах киирбит сирдəрэ 'Место, куда вошли Кирисаан и его спутник' (У., с.46).

б) ПДТП - Йарук йашук алкудын сыңар йарумышын йашумышын сакынмыш кэргэк 'Надо представить себе, что свет сияет во всех направлениях' (ТТ У, Л 3); якут. - Сэдүөччүйэ сүөһүлəрэ өлбүттəрин кэпсээтэ 'Сэдэччюе рассказывала, что скот их подох' (У., с.8I).

в) ПДТП – Шашмаксыз буркан болмышта сакынгыл мэни майтри 'Став лишенным суетности буддой, подумай, Майтри, обо мне' (ТТ VII, прим.6); якут. – Кини киирбитигэр олус соһуйдум 'Я страшно удивился, когда он вошел' (ЯРС, с.334). ПДТП – Аш кылу тўкэтмиштэ кин он кўн эртмэз кинэ 'Не прошло после совершения свадебного пира еще и десяти дней' (СЗБ, 4, I5); якут. – Утуйбутум кэнна барбыт 'Он ушел после того, как я уснул' (ЯРС, с.2I9).

г) ПДТП – Ол браман алтун йартмак булмыш ўчўн артукрак сэвинип 'Тот браман, очень обрадовавшись получению монеты (букв. 'из-за того, что он получил') (Уйг. II, 68, I4); якут.–Аҕам куобаһы ыыппытым иһин, хата мохпотэ 'Отец, к счастью, не ругал меня из-за того, что я выпустил зайца' (ЯРС, с.I56).

В языке ПДТП и якутском языке субъект действия приименного определения передается одинаково – именем в основном падеже и аффиксом принадлежности при определяемом: ПДТП – Мэн тўшэмиш тўлўм 'Сон, который я видела'; якут. – Мин манна тикпит сонум 'Шуба, которую я здесь сшила'.

Форма –дык, соответствующая форме –дук в языке ПДТП, в различных фонетических вариантах является продуктивной в современных огузских и якутском языках (в якутском языке аффиксу –дук соответствует аффикс –тах в различных фонетических вариантах).

В огузских языках форма –дык выступает в атрибутивной функции (определяемое при форме –дык не совпадает с субъектом действия, выражаемого ею) (а) и в субстантивной функции (б):

а) азерб. – Ат чапдыгым дэли мейдан 'Безумное поле битвы, по которому я скакал на коне' (Г., с.283). (–дыг – фонетический вариант –дык): ПДТП – Бардук йэрдэ 'В землях, куда [ты] ходил' (Кб 24).

б) азерб. – Йэгин о мэним Петербургдан гайытдыгымы билмир 'Вероятно, он не знает, что я вернулся из Петербурга'(Г.,с.285). ПДТП – Билтўкимин одўкимин бунча битиг битидим 'То, что я знал, то, над чем размышлял, я так написал' (КЧ 28).

В якутском языке форма –тах используется как личная форма со значением перфекта (а) и как причастие – в субстантивной функции (б):[94]

---

[94] Я с т р е м с к и й С.В. Грамматика якутского языка. М., I938, с.45.

а) Сыыстабым 'Оказывается, я ошибся'; ПДТП – Эбкэ тэгдүкүм 'Я направился домой' (Оа 2).

б) Тимир суол станциятыгар аара түннүгүнэн көрөн истэххэ баратыгар сэрии сибиккитэ биллэр 'Если (когда) смотреть через окно в пути на станцию железной дороги, везде заметны признаки войны' (У., с.173). ПДТП – Ада туда болтукта бу ном битигэ таныыр удунуп вусын этүзинтэ тутмыш коргэк 'Если (когда) бывает несчастье, надо чтить и уважать эту книгу, носить на себе талисман' (ТТ УП, 14, 18).

Использование продуктивной формы -дьк является признаком, объединяющим современные огузские и якутский языки с языком ПДТП и отличающим их от других современных тюркских языков. В качестве личной формы форма -дьк употребляется только в якутском языке и языке ПДТП.

В якутском языке сочетание аффикса отрицательного аспекта и аффикса -тах образует форму, которая представляет собой отрицательный аспект формы -быт[95] и полностью соответствует форме -мадук в языке ПДТП: якут. – Аспатабым 'Я не открыл'; ПДТП. – Улуг эб өртэнмиш катына тэги калмадук 'Большой дом сгорел, не осталось даже основания' (ТС П, 14). Особый способ образования отрицательной формы перфекта является общим только для якутского языка и языка ПДТП.

Перифрастические глагольные формы

Перифрастические глагольные формы образуются путем сочетания форм причастий -р, -мыш и -дачы с глаголами эр- 'быть' и бол- 'стать'.

Сочетания причастий с глаголом эр- в форме прошедшего категорического времени эрти уже в языке памятников входят в систему временных форм изъявительного наклонения. Эрти в этих сочетаниях представляет собой элемент аналитической формы времени.[96] Сочетания причастий с глаголом эр- в формах -р, -мыш, -тай

---

[95] Харитонов Л.И. Современный якутский язык, с.228.

[96] Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1985, с.125.

следует рассматривать как перифрастические формы,[97] в которы глагол эр- сохраняет свое лексическое значение и обозначае пребывание в состоянии, выраженном первым компонентом: Йар ӱзэ йарыкланмыш эрӱр 'Он облачен в кольчугу' (ТТ УШ, А 36). Ӧв йашыг йэмэ узун кылтачы эрӱр сиз тэңрим 'О мой боже, Ты удл няешь жизнь' (ТТ УП, 40, 94). Ырак бодунуг анча йагутыр эрм 'Они так приближали к себе далеко жившие народы' (Км 5). Ады лы тоңузлы арт ӱзэ сокушмыш эрмиш 'Медведь и кабан встретилис на перевале' (ТС И, IO). Бизиң амрак ӧгӱкӱмӱз эң кичиги магас выг ычгынмыш эргэй мӱ биз 'Не лишились ли мы нашего любимог ребенка, самого младшего, Магастви?' (СЗБ 622, 9). Наличие пе рифрастических форм с глаголом эр- отражает более раннее со стояние тюркских языков, когда все сочетания причастий с гла голом эр- являлись составным сказуемым, в которых причастие бы ло предикативом (присвязочной частью), а глагол эр- - связкой. В языке ПДТП глагол эр- со значением 'быть', 'пребывать' может использоваться и самостоятельно: Йэмэ ӱзӱксӱз арыгын эрмэкк сэвэр амрайур 'И он любит непрерывное бытие света' (Ман. Ш, 2 7). Эргӱлӱг тургулук йэр орунлары 'Места, где они должны оби тать' (СЗБ 427, 2).

В сочетаниях с причастиями глагол бол- выражает переход в состояние, обозначаемое первым компонентом. Форма -р бол- вы ражает начало действия, -маз бол- - прекращение действия, -мыш бол- - переход действия в его следствие, -дачы бол- - начало действия с модальным оттенком возможности совершения действия: Анта кин йэмэ агрук болты кэңрэнӱ аш бэрӱр болтылар 'Потом он снова тяжело заболел и ему стали с ропотом давать пищу' (КП 6 3). Бирисин капып элтӱр болур 'Схватив одного из них, он соби рается утащить его' (букв. 'становится тем, кто утащит его') (СЗ 627, 9). Бириси тутсукуп экэгӱси коркынчлык озар болур 'Один и них схвачен, двое спасаются' (букв. 'становятся избегающими опас ности') (СЗБ 620, 21). Көрӱнмэз болты 'Он стал невидимым' (СЗБ 644, I6). Йэмэ агазланмыш болты улуг ӧгрӱнчӱн 'Также было вы сказано с великой радостью' (Ман. I, 25, 3). Бирӧк бармасар эзӱк сӧзлэмиш болгай мэн 'Если не пойду, то окажусь сказавшим ложь' (Уйг. Ш, 69, 7). Адрук адрук таң таңсук татыглар ӱзэ тод гуртачы болайын 'Я стану тем, кто насытит (букв. 'сможет насы-

---

[97] Там же, с.I20, I25.

тить') [их всех] различными яствами' (СЗБ II8, 6). Узун өңәдмәз низванлыг игит эмлатәчи болалым 'Будем лечить болезни, связанные с долго не поддающимися лечению страстями' (букв. 'теми, кто сможет лечить') (ТТ I, прим. 77).

Двойственный характер перифрастических форм в тюркских языках проявляется в действии двух противоположных тенденций. Первая тенденция находит свое выражение в переходе перифрастических форм в аналитические (сложные временные формы), а последних в синтетические в результате превращения второго компонента в аффикс. Вторая тенденция, противоположная первой, проявляется в сохранении раздельности компонентов перифрастической формы. Первая тенденция ведет к утрате самостоятельности глаголом эр- 'быть' в составе перифрастических форм. Уже в староосманском языке прошедшее категорическое время глагола эр- превратилось в показатель сказуемости прошедшего времени.[98] В современном турецком языке сложные временные формы изъявительного наклонения могут быть как аналитическими, так и синтетическими, однако чаще используются синтетические формы, в которых второй компонент превратился в аффикс.[99] Синтетические сложные формы изъявительного наклонения употребляются в азербайджанском языке.

Противоположная тенденция - тенденция к сохранению раздельности компонентов перифрастических форм находит свое выражение в том, что в ряде современных тюркских языков сложные временные формы изъявительного наклонения сохраняют аналитический характер, т.е. второй компонент, восходящий к форме прошедшего категорического времени глагола эр-, еще не превратился в аффикс.[100] К таким формам относятся, например, сложные временные формы изъявительного наклонения в узбекском языке.[101] Значительную устойчивость проявляет второй компонент в перифрастических

---

98 Гузев В.Г. Староосманский язык, с.55, 61.

99 Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, с.236-237.

100 Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, с.II4-204.

101 Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.[illegible].

формах с глаголом бол- (в различных фонетических вариантах). Глагол бол- в этих формах везде сохраняет свою форму и никогда не превращается в аффикс, как это происходит с глаголом эр-. Данное различие объясняется тем, что глагол эр- имел более отвлеченное значение, чем глагол бол-. Абстрактность значения глагола эр- способствовала утрате им самостоятельного лексического значения и превращению в грамматический показатель.

Субстантивная форма -мак

Форма -мак временных значений не имеет, определяемое при форме -мак не может обозначать субъект действия, выражаемого ею. Глагольный характер формы -мак проявляется в том, что она сохраняет глагольное управление, и в том, что аффикс -мак может сочетаться с аффиксом отрицательного аспекта -ма. Поэтому в языке ПДТП форма -мак еще не перешла в разряд имен существительных. Форма -мак принимает аффиксы падежей и сочетается с послелогами: Көңүлүң көкүзүң өкүнмәки үкүш 'Велико раскаяние твоего сердца' (ТТ I, 8I). Уруг амыл абайабур атлыг нирванлыг улушка тәгмәкимиз болзун 'Да будет то, что мы достигнем вечного, спокойного града, называемого Абхаяпура' (УСп I0I, I8). Тәгмиш әдгүләринтин йанмамак әрүр 'Это есть необращение вспять от достигнутых благ' (СЗБ 236, 22). Йәмә адынагука бошгут бошгурмакын сәвәр 'Он также любит обучать других' (Ман. III, 2I, 2). Ачмак сувсамак үзә сыкылыш турмыш 'Она страдала от голода и жажды' (СЗБ 609, I9).

В сочетании со словом кәргәк 'нужный' форма -мак выражает долженствование (чаще используется форма -мыш): Бир йылкы йазукумузны бошуйу колмак кәргәк эрти 'Было нужно просить об отпущении наших грехов за год' (Хуаст. I92).

Двойственный характер формы -мак проявляется в том, что она имеет как субстантивный, так и глагольный характер. С одной стороны, проявляется тенденция к превращению этой формы в имя существительное, например в татарском языке. С другой стороны, в некоторых языках произошло усиление глагольных свойств формы -мак. Так, в современном казахском языке она является основой будущего времени с оттенком намерения.

Имена действия, перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных

Ниже рассматриваются аффиксы, посредством которых образуются имена действия, утратившие вербальность и перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных. Эти аффиксы очень древнего происхождения, о чем говорит утрата ими продуктивности уже в языке ПДТП.

-а ~ -ы ~ -у: чӧкэ 'коленопреклонение', йарашы 'подходящий', толу 'весь', корку 'страх'.

-г ~ -к: билиг 'знание', ӧтӱг 'просьба', сэвиг 'любовь', ӧртӱт 'скрытие', тапыг 'служение', ӧлӱт 'мертвый', битиг 'книга', 'надпись', ӧг 'мысль', кэчиг 'проход', йазук 'грех', адрук 'разный', капак 'крышка'.

-гак ~ -гук: йулгак 'факел', казгук 'кол', кургак 'суша', ичкэк 'вампир'.

-ган ~ -гын: тиркин 'скопление', ӧзгэн 'изменчивый'.

-гач: кыскач 'хомут'.

-з: уз 'искусный, мастер'.

-л: кысыл 'ущелье'.

-м: йарым 'половина', бэрим 'платежи', тогум 'рождение', ӧлӱм 'смерть', кӧрӱм 'взгляд', йэм ичим 'еда и питье', батым 'глубина' (погружения), тутум 'горсть'.

-мыр ~ -мур: аз алмыр 'алчность', йагмур 'дождь'.

-н: акын 'течение', тӱтӱн 'дым', кыйын 'наказание'.

-нч: сэвинч 'радость', колунч 'просьба', тэгзинч 'круговорот', 'свиток', 'вращающийся', кэртгӱнч 'вера', 'верующий'.

-п: толп 'полный'.

-т: тогут 'восход', бошгут 'наставление', кыйыт 'наказание'.

-ш: уруш 'сражение', бушуш 'печаль', билиш 'знание', сыкыш 'стеснение', кӱсӱш 'желание', богуш 'понимание'.

Деепричастия

Деепричастия представляют собой функциональную форму глагола, обозначающую сопутствующее действие. В языке ПДТП весь ряд деепричастий распадается на два малых ряда, как и в современных тюркских языках.[102] Первый ряд - формы, "относимые ко времени" основной глагольной формы (-а ~ -ы ~ -у, -ын/-йын, -п, -пан, -маты, -матын). Они обозначают обстоятельство образа действия. Второй ряд - формы, "соотносимые по времени" с основной глагольной формой (-р эркэн, -р эрикли, -гынча, -галы). Эти формы обозначают обстоятельство времени.

Деепричастие -а ~ -ы ~ -у (после основ на согласный) и -йа ~ -йы ~ -йу (после основ на гласный) выражает действие, протекающее параллельно и одновременно с другим действием и характеризующее его с точки зрения образа действия, иногда цели: Сэлэнэ сыка санчдым 'Я победил, оттесняя [врага] к Селенге' (МЧ I6). Өгирэ сэбинӱ кэлир 'Радуясь и веселясь, он возвращается' (ТС II, 45). Йыглайу йалвара өкӱнӱ бошуну кшанти өтӱнтилэр 'Плача, умоляя и раскаиваясь, они обратились с покаянием' (ТТ IУ, А I4). Йаглыг камыч булунын йалгайу тирилмиш 'Полизав край масляного ковша, она ожила' (ТС II, I8). Каганладук каганын ычгыны ылмыш 'Правившего своего кагана он потерял' (О 2). Кӱлтэгин эбиг башлайу кндтымыз 'Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал дома' (Кб 48). Эдгӱ кишилэр йолын кэсэ катнгланур 'Они прилагают усилия к тому, чтобы перерезать дороги хороших людей' (ТТ I, 28). Как показывает материал языка ПДТП, формы -а ~ -ы ~ -у являются фонетическими вариантами одной и той же формы деепричастия[103] (в дальнейшем для краткости мы будем называть эту форму формой -а). Однако в языке ПДТП происходит известная дифференциация этих фонетических вариантов по употреблению: форма -ы используется только в составе аналитических форм, выражающих характер протекания действия, употребляется в руничесих памятниках. Параллельное употребление раз-

---

[102] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.74, 77, 80.

[103] R a d l o f f W. Neue Folge, S.94; Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с.108.

личных фонетических вариантов в языке ЦДТП следует объяснить его смешанным, наддиалектным характером. В дальнейшем в тюркских языках стал использоваться, как правило, один из вариантов данного деепричастия, чаще всего с широким гласным.

По своему происхождению деепричастие -а представляет собой имя действия.[104] Об этом говорит его использование в функции определения[105] (а), возможность сочетания с аффиксом -кы (б) и послелогом (в): а) Тога бӧлӱ улаг сапыг ӱзӱлмэз 'Порядок следования рождения и смерти не нарушится' (ТТ УІ, 015). б) Тэгирмилэйӱки йагың 'Находящиеся вокруг твои враги' (ТТ І, 58). в) Сӧзлэйӱ бирлэ 'Сказав' (Хюэн 4).

Деепричастие -ын (после основ на согласный) и -йын (после основ на гласный) выражает действие, протекающее одновременно с главным и характеризующее его с точки зрения образа действия: Нэкэ тэзэр биз ӱкӱш тэйин 'Зачем нам бежать, говоря, что [их] много' (Т 38). Уже в языке ЦДТП это деепричастие утратило продуктивность, и формы деепричастия -ын представляют собой служебные слова, в основном послелоги: ийин 'по', 'согласно' (ий- 'следовать'), сайын - послелог обозначающий охват действием всех предметов, обозначаемых словом, к которому относится сайын (са- 'считать'). Слово тэйин 'говоря' выступает в функции союзного слова и в значительной мере утратило свое самостоятельное лексическое значение. Деепричастие -ын представляет собой древнее причастие, превратившееся в деепричастие (деепричастие -ын продуктивно в современных якутском и чувашском языках).[106]

Деепричастия -п, -пан (деепричастие -пан употребляется главным образом в рунических и манихейских памятниках) обозначают действие, однородное с действием, выраженным основной глагольной формой, семантически и синтаксически тяготеющее к нему, чем и объясняется частое употребление деепричастия -п как средства выражения однородных глагольных форм. Деепричас-

---

[104] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.166.

[105] G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, S.122.

[106] К о н о н о в А.Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия. - ВЯ, 1955, № 5, с.110.

тия -п и -пан могут выражать действие, одновременное с главным действием (а) и предшествующее ему (б). Сама форма указанных деепричастий не содержит указания на одновременность или предшествование. Эти значения определяются контекстом. Семантических различий между деепричастиями -п и -пан в языке ПДТП нет. Аффикс -п восходит к -пан. Аффикс -пан исторически является показателем причастия (имени совершенного действия), которое стало использоваться как деепричастие.[107]

а) Өртчэ кызып кэлти 'Они пришли, пламенея, как огонь' (Т 40). Ит кары болсар йатып ўрўр 'Если собака состарится, она лает лежа' (ТТ УП, 42, 6). Йердэ йатып йокару тургалы аш ашлагалы унамады 'Он, лежа на земле, не соглашался ни встать, ни поесть' (КП 19, 6). Инчип эрдэмин батуруп бу йиртинчў йэр сувда камаг тынлыглар ара йорыйур эртилэр 'Но они ходили среди всех живых существ в этом мире, скрывая свою добродетель' (ТТ УІ, 352). Талуйда йатыпан тапладукымын тутар мэн 'Находясь на море, я ловлю то, что мне нравится' (ТС II, 4). Ол тагда турупан мэңилэйўр мэн 'Живя на той горе, я радуюсь' (ТС II, 78). Алтун өргин ўзэ олурупан мэңилэйур мэн 'Сидя на золотом троне, я радуюсь' (ТС II, I).

б) Ол сабыг эшидип удысыкым кэлмэди 'Когда я услышал эти слова, я лишился сна' (Т I2). Эби он кўн өңрэ ўркўп бармыш 'Его семейство за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 3I). Кин буркан кутын булуп ном тилгэнин тэвирэр 'Затем он обретет блаженство будды и будет вращать колесо учения' (ТТ УІ, 455). Бирэр бирэр адакын бап кэмишип йўңин кыркарлар 'Связав ноги у каждой [овцы] в отдельности, [ее] бросают [на землю] и стригут шерсть' (Ман. Ш, 33, 4). Аны улугы магабали тэгин көрўп ынчатэп тэди 'Увидев это, старший из них, принц Магабали, сказал так' (СЗБ 6I0, 1). Сўңўглўг кантан кэлипэн сўрэ элтди 'Откуда пришли копьеносцы и погнали [тебя]' (Т 23). Утру йэрдэ огры сокушуп тутупан минмиш 'По пути лошади встретился вор, он поймал ее и сел верхом' (ТС II, 23). Табышган тэриси өңўшўпэн йўгўрў бармыш 'Шкура зайца полетела клочьями (букв. 'линяла'), и он убежал' (ТС II, 67). Экинти йэмэ йэккэ ичкэккэ тэңри тэпэн йўкўнч

---

[107] Там же, с.II0-III.

йүкүнүгмэ 'Также, во-вторых, поклоняющиеся демонам, называя (букв. 'назвав') их богами' (Хуаст. II8).

Деепричастия -п и -пан используются для передачи однородных глагольных форм: Өтрү олурмыш орунынтын өрү туруп оң эгниң тонын бэртин ачыпы тизин чөкидип элигин кавшуруп тэңри тэңриси бурканка инчэ тэп өтүг өтүнти 'Затем он поднялся со своего места, обнажил правое плечо, преклонил колени, сложил руки и обратился с такой просьбой к богу богов будде' (ТТ УІ, 0II - 0I3). Эл өргинин анта өргипэп этитдим 'Я приказал построить и воздвигнуть там ставку правителя племенного союза' (МЧ 34).

Деепричастия -маты (используется только в рунических памятниках) и -матын ~ -мадын имеют те же значения, что и деепричастия -п и -пан, но в отрицательном аспекте: Сэкиз огуз тоқуз татар калматы кэлти 'Секиз-огузы и тоқуз-татары пришли все до последнего' (букв. 'не оставшись') (МЧ I5). Түн удыматы күнтүз олурматы кызыл каным төкти кара тэрим йүгүрти 'Ночами я не спал, днем не имел покоя, лилась моя красная кровь, тек мой черный пот' (Т 5I-52). Каганыцын сабын алматын йэр сайу бардыг 'Не вняв словам своего кагана, ты ходил по разным землям' (Км 9). Камшайу уматын турур 'Он стоит не будучи в состоянии двигаться' (ТС II, 56). Билтизмэдин туйузмадын тынлыгларка асыг тусу кылу йорыйур эртилэр 'Они приносили пользу живым существам, не давая узнать себя' (ТТ УІ, 355). Коркматын айманматын олурур 'Он сидит, не испытывая страха и боязни' (ТТ Х, 338). Атасы өглы тапа кэлмиш тэг одгурак тыдылмадын кэлгэй 'Он придет так же определенно и не задерживаясь, как отец приходит к сыну' (ТТ Х, 7I). Иоиг өзинэ каймадын йэти энүклэрин озгурды 'Пренебрегая своей жизнью (букв. 'не обращая внимания на свою жизнь'), он спас ее семь детенышей' (СЗБ 630, I2).

Деепричастия -р эркэн и -р эрикли обозначают действие, на временном фоне которого развертывается действие основной глагольной формы: Йэмэ алканур эркэн көңүлүмүзни сакынчымызны тэңригэрү тутмадымыз эрсэр 'Если мы при воздаянии хвалы не направляли свои сердца и помыслы к богу' (Хуаст. I59). Калты балык капагда олурур эркэн кан удчысы бэш йүз уд сүрэ өнти 'Когда он сидел у ворот города, вышел пастух хана, гоня пятьсот коров' (КП 64, 7). Удыйур эркэн эртиңү йавыз түл түшэли

'Когда она спала, она увидела очень плохой сон' (СЗБ 620, I6)
Кэчэ йарук батур эрикли сүчүшдүм 'Вечером на закате солнца
(букв. 'когда заходило солнце') я вступил в бой' (МЧ I3). Эрка
представляет собой причастие -ган, широко используемое в со
временных тюркских языках, за исключением некоторых огузских
В языке ПДТП, как и в современных огузских языках, данная фор
ма употребляется только как компонент деепричастия.

Деепричастие -мазкан (отрицательный аспект формы -р + аф
фикс -кан) обозначает предел во времени "пока не": Тамутаку бу
йалын таку онмазкан бртлүг йалынларта таку аганмазкан өкүнэли
'Покаемся, пока не поднялось адское пламя и не сверглись мы
огненное пламя' (Уйг. II, 87, 62).

Деепричастие -гынча обозначает временной предел действ
основной глагольной формы: Бэг йутуз болуп байын барымлы
карыгынча кавышгалы аз эрүр 'Тех, кто став мужем и женой,
вут вместе в богатстве и достатке, пока не состарятся, мало
(ТТ УI, 3I3). Инчип эдгү кылынчлыг ишлэркэ ынанмагынча бу ин
систин айыглы савыңның адырты йок 'Пока ты не веришь добр
делам, из-за этого беспокойства у тебя нет различия между [х
рошими и] плохими словами' (ТТ I, 79).

Деепричастие -галы обозначает действие, являющееся исхо
ным моментом для действия, выражаемого основной глагольной ф
мой (а), и цель действия (б): а) Эрнич тиши барс энүклэга
йэти күн болмыш 'С тех пор как эта несчастная тигрица роди
детенышей, прошло семь дней' (СЗБ 6I0, 2). б) Укгалы кэлти '
пришли, чтобы подчиниться' (БК 28). Анын бизнй сини алгалы н
ды 'Поэтому он послал нас, чтобы взять тебя' (СЗБ 7, I3). Ты
лыгларка кэңүрү асыг тусу кылгалы сакынчын кэли тэгиндим эр
'Я пришел с намерением щедро приносить пользу живым существ
(Хюэн 206).

Систему деепричастий в языке ПДТП можно представить, к
и в современных тюркских языках, в виде большого ряда, состо
щего из двух малых рядов.[I08] Первый ряд образуют деепричасти
относимые во времени к основной глагольной форме: -а, -ын, -
-пан, -маты, -матын ~ -мадын; второй ряд - деепричастия, сос

[I08] И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч.2, с.79

носимые по времени с основной глагольной формой: -р эркэн, -маз-кан, -р эрикли, -гынча, -галы. Деепричастия первого ряда противостоят друг другу как формы сопутствующего действия, одноролного с главным (-п, -пан, -маты, -матын ~ -мадын), и действия, *параллельного с главным и характеризующего его* с точки зрения образа действия (-а, -ын). Деепричастия второго ряда противостоят друг другу как формы со значением одновременности (-р эркэн, -р эрикли) и предшествования (-гынча, -галы) действия по отношению к основной глагольной форме. Деепричастия -мазкан и -галы противопоставляются другим деепричастиям второго ряда как обозначающие действие, следующее после действия основной глагольной формы. Каждое деепричастие одного малого ряда противостоит формам другого малого ряда (в рамках всего большого ряда форм) синтаксически: формы первого ряда имеют значение обстоятельства образа действия, формы второго ряда - обстоятельства времени и цели.

Таким образом, система деепричастий в языке ПДТП близка к системе деепричастий в современных тюркских языках. Это свидетельствует о том, что система грамматических оппозиций, в которую входят деепричастия в тюркских языках, сложилась очень давно. В то же время некоторые особенности использования деепричастия -а в языке ПДТП отражают более древнее состояние тюркских языков. В современных тюркских языках и в большинстве случаев в языке ПДТП деепричастие -а функционирует как обстоятельство образа действия. Однако деепричастие -а в языке ПДТП может иногда выступать и в функции обстоятельства времени и цели: Эки йаңыка күн тогуру сүңүшдүм 'Второго числа на восходе *солнца*' (букв. '*когда восходило солнце*') я сразился' (МЧ I3), ср. Кэчэ йарук батур эрикли сүңүшдум 'Вечером на закате солнце (букв. 'когда заходило солнце') я вступил в бой' (МЧ I3). Күлтегин эбиг башлайу кыдтымыз 'Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал дома' (Кб 48). Уже в языке ПДТП такое использование деепричастия -а имеет спорадический характер.

Способность деепричастия -а передавать не только значение обстоятельства образа действия, но также и обстоятельства времени и цели отражает тот период развития тюркских языков, когда еще не сложился второй ряд деепричастий, и деепричастие -а выражало сопутствующее действие, которое в зависимости от кон-

текста могло выступать в функции различных обстоятельств. Впоследствии, когда образовались деепричастные формы, соотносимые по времени с главным действием, круг функций деепричастия -а сузился. Многофункциональность деепричастия -а в языке ПДТП можно рассматривать как реликт более древнего языкового состояния. Следовательно, противопоставление деепричастий по синтаксическим признакам представляет собой относительно более позднее явление. Вначале деепричастия различались только по семантическим признакам. Формирование системы деепричастий, в которой каждое деепричастие входит в два ряда оппозиций, обусловлено действием тенденции к выражению различных функций различными формами. В современном турецком языке деепричастия содержат указание как на семантическое значение, так и на синтаксическую функцию. В языке ПДТП процесс формальной дифференциации деепричастий по синтаксическим функциям завершился не полностью, о чем и говорит многофункциональность деепричастия -а.

Как показывают данные языка ПДТП, образование системы деепричастий в тюркских языках шло двумя путями: а) причастие использовалось в функции обстоятельства, что объясняется способностью причастия, как и прилагательного, определять и предмет и действие, б) причастие сочеталось с падежными аффиксами. Первый путь формирования деепричастий был особенно продуктивным в языке ПДТП. Большинство деепричастий в языке памятников представляет собой по происхождению причастные формы, например деепричастия -а, -п, -р эрикли, -р эркэн.

Сложные глагольные формы, выражающие характер протекания действия

В языке ПДТП, как и в современных тюркских языках,[109] используется ряд форм, выражающих характер протекания действия с точки зрения длительности, завершенности, направленности, интенсивности. Первый компонент сложных глагольных форм - деепричастия -у ~ -а ~ -н, -п, второй компонент - модифицирующий глагол. В качестве модифицирующих глаголов используются глаго-

---

[109] Н а д и л о в Д.М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. - В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков, с.114-121.

ын бар- 'уходить', олур- 'сидеть', тур- 'стоять', йоры- 'ходить', тут- 'держать', кал- 'оставаться', алк- 'уничтожать', бүтүр- 'кончать', тукэт- 'завершать', ыд- ~ нт- 'посылать', код- 'ставить', ал- 'брать', бэр- 'давать'.

Бар- 'уходить' выражает начало действия, причем действие рассматривается в развитии: Түрк бодун аты йок бола бермыш эрти 'Слава тюркского народа начала клониться к упадку' (О 3). Бар- выражает также действие, совершающееся с удалением от какого-либо лица или предмета: Тэзип барды 'Он бежал' (Кб 34). Уча барды 'Он улетел' (умер) (БК Ха IO). Эсри мага йалым кайа ка өнүп бармыш 'Пестрая змея поднялась на крутую скалу' (ТС Ц 75). Ыш эчи эшим кадашларыма адырылу бардым 'Я покинул своих старших товарищей и друзей по черни (черныо - нагорье с долинами, удобными для поселения)' (Е I6, 2).

Олур- 'сидеть' выражает процессуальность - незаконченное длительное действие: Огуз бодунуг игиду олурур 'Он возвышает народ огузов' (Т 62).

Тур- 'стоять' выражает процессуальность: Йалынайу турур тамутын озлылар 'Они избавились от пылающего ада' (ТТ Ш, I35). Крактан көзүнү турур 'Издали виднеется' (Уйг. II, 22, 6). Көзи кораку йалынайу тэгзинү турур 'Его глаза светятся и вращаются' (Уйг. I, 45, I6). В отличие от формы -у олур-, форма -у тур- может выражать не только непрерывное длительное действие, но и регулярность, повторяемость действия: Аллыг чэвишлиг кишилэр алдайу турур үскүнде 'Лживые люди обманывают тебя при тебе же' (ТТ I, 26).

Йоры- 'ходить' выражает длительное многократное действие: Күн тэнри нэгү үчүн чамбудывш улушуг тэгзинү йорыр 'Для чего солнце обходит вселенную?' (Хюэн I83).

Тут- 'держать' выражает постоянное, длительное действие, подчеркивает его непрерывность: Алкынчу өлүм күни өйү тутар 'Он постоянно размышляет о дне смерти' (Ман. Ш, 22, 6). Аны үчүн камаг йаландуклар айайу агырлайу тутмыш кэргэк 'Поэтому живые существа должны всегда относиться [к нему] с глубоким почтением' (Уйг. II, I4,2).

Кал- 'оставаться' обозначает завершенность действия и пребывание в состоянии, являющемся результатом действия: Өалүк ал

öң йәрдә арып онуп туру калмыш 'Верховая лошадь в восточных странах, истощав, выбилась из сил' (ТС II, 25).

Алк- 'уничтожать' выражает законченность действия: Сөзләп номлап алкмагулук улуг буйан әдгү кылынч 'Великие заслуги и добрые дела, о которых нельзя перестать говорить и проповедовать' (СЗБ 67I, I7). Сакынч кылу алксар 'Когда он поразмыслил' (ТТ У, А 4I).

Бүтүр- 'кончать' выражает законченность действия: Укуп бүтүрдүм карту орунуг туймакыг 'Я постиг познание истины' (СЗБ 308, 3).

Тукэт- 'завершать' выражает полную завершенность действия, его исчерпанность: Бу мунтаг кут колуну тукэтип 'Завершив вот эту мольбу' (Уйг. III, I6, I4). Кылу тукэтмиш айыг кылынчларым арынзун 'Пусть простятся уже совершенные мною дурные дела' (СЗБ I39, 4).

Ид-~ ыт- 'посылать' выражает исчерпанность действия с оттенком интенсивности, действие совершается быстро: Каганладук каганын ычгыны идмыш 'Своего правившего кагана он потерял' (О 2). Кэнтү тогмыш кылынмыш мәңгү тәрин йәрин унытту ытды 'Они совершенно забыли обитель вечного бога, где сами они родились' (Хуаст. I4). Өтрү мәни бошуйу ыдты 'Затем он освободил меня' (СЗБ I6, I2).

Кэл- 'приходить' выражает завершенность действия с оттенком внезапности и интенсивности: Мунчулайу түшәйү йатур эркән йәр тәбрәмәки үзә бәлиңләп одунуп кэлти . 'Когда она спала и видела такой сон, из-за землетрясения она испугалась и проснулась' (СЗБ 62I, I). Сүт акып кэлти 'Вдруг потекло молоко' (СЗБ 62I, I5). В зависимости от контекста кэл- может выражать действие, совершающееся по направлению к говорящему: Бәшинч ай уду кэлти 'На пятый месяц они последовали [за мной]' (МЧ I5).

Код- 'ставить' выражает законченность, завершенность действия с оттенком интенсивности: Этин барча йәп кодты 'Она съела все его мясо' (СЗБ 6I8, I2). Бәңдийун ном рәтниг номлап кодтуңуз 'Ты долго проповедовал драгоценное евангельское учение' (ТТ III, 63).

Ад- 'брать' выражает действие, совершаемое в интересах субъекта действия: Токуз огуз бодунумун тәрү кобраты алтым 'Я собрал свой народ токуз огузов' (МЧ 5).

Бэр- 'давать' выражает действие, совершаемое не в пользу субъекта действия: Көк тәңиңин түркүмэ бодунума казгану бэртим 'Их голубых белок я добыл для моих тюрок, для моего народа' (БК ь I2). Аны эмти номлайу бэрэйин 'Теперь я вот это хочу проповедовать' (СЗБ 345, 20').

Сложные глагольные формы с модальным значением

Первый компонент сложных глагольных форм с модальным значением - деепричастия -у ~ -а; -галы, второй компонент - глагол с модальным значением. В качестве второго компонента используются глаголы у- 'мочь', бил- 'знать', бол- 'становиться', анун- 'желать', күсэ- 'желать', огра- 'собираться', сакын- 'думать', тур- 'стоять', көр- 'видеть', йарлыка- 'соизволить', тагин- 'соизволить', 'удостоиться'.

Глаголы у- 'мочь', бил- 'знать', бол- 'стать' выражают возможность (модифицирующий глагол в положительном аспекте) или невозможность (модифицирующий глагол в отрицательном аспекте) совершения действия: Эдгү айыг кылынчыг адыртгалы уйур 'Могут различать хорошие и плохие деяния' (Уйг. Ш, 5, I2). Исиг өзин улагалы удачы 'Сможет продлить его жизнь' (СЗБ 6II, 5). Камшайу уматын турур 'Они стоят и не могут сдвинуться с места' (ТС II, 38). Шумну йэклэр ада туда кылу умаз 'Демоны не смогут причинить несчастья' (ТТ УП, 28, 23). Йорыкларынын эдгүсин айыгын адыра билмэккэ тайанын 'Опираясь на умение разграничивать их хорошие и плохие поступки' (СЗБ 297, 8). Өрү болмаз 'Он не может подняться' (Хюэн,1970). Катыг кэртгүнчлүг болмагынча оңаргалы болмаз 'Пока он не будет твердо верующим, нельзя будет исправить его' (Хюэн, прим.1970).

Анун- 'желать' выражает готовность совершить действие, преднамеренную подготовку к его совершению: Анунтумуз сизинг асра көңүлин йүкүнгэли 'Мы приготовились поклониться Тебе со смиренным сердцем' (ТТ Ш, 33').

Күсэ- 'желать' выражает желание совершить действие: Күсэйүр мэн кэнтү өзүм энтмагалы 'Я хочу самого себя не предназначать (к дальнейшему существованию)' (Хюэн 1973).

Огра- 'собираться' выражает намерение совершить действие: Нэ нэгү иш ишлэгэли ограсар 'Если будет намереваться совершить какое-либо дело' (Уйг. II, 28, 26').

Сакын- 'думать' выражает намерение совершить действие: Эки колын көтүргэли сакынып көтүрү уматын күчсүз савын тәңри бурханка нича тэп өтүнти 'Он хотел поднять обе рука, но не смог и так обратился к божественному будде слабым голосом' (Уйг. Ш, 35, 30).

Тур- 'стоять' выражает готовность совершить действие в ближайшем будущем: Өз элинэ баргалы турур 'Сам он собирается отправиться в свою страну' (Хюэн 269). Кэнт тэгрэки бодунуг букунуг өлүргэли алкып муна амты балык ичинэ киргэли турур 'Убив всех жителей в окрестностях города, он теперь вот — вот войдет в город' (ТТ X, 51).

Көр- 'видеть' выражает попытку совершить действие: Йалу көр 'Попытайся отправиться' (Т 26).

Йарлыка- 'соизволить' выражает почтение к субъекту действия: Алтун өргин рэтнилиг таучан үзэ олуру орнану йарлыкамакы болзун 'Пусть соблаговолит он сесть на золотой трон, на священное место, украшенное драгоценностями' (Ман. Ш, 34, 21). Тэңри тэңриси бурхан магат улушка кэлгэли таплайу йарлыказун 'Пусть бог богов будда соизволит согласиться прибыть в страну Магада' (ТТ X, 112). Улуг номлуг йула тамтуру йарлыкасунлар 'Пусть соблаговолят зажечь светильник великого учения' (СЗБ 160, 1).

Тэгин- 'соизволить', 'удостоиться' в зависимости от контекста выражает почтение к субъекту или объекту действия: Тута тэгинингэр 'Соблаговолите схватить [его]' (СЗБ 7, 17). Кэрттүнчлүг үтрэт мама күсүшинэ ситийу тэгиндим 'По желанию благочестивого Утрет Мама я с благоговением написал' (Уйг. I, 15, 3). Ынчып бурхан каңымызны көрүр биз номын эшитү тэгинүр биз 'Таким образом, мы видим будду, нашего отца, и удостаиваемся чести слышать его учение' (Уйг. II, 87, 63).

В сложных глагольных формах, состоящих из деепричастия и модифицирующего глагола и выражающих характер протекания действия и различные модальные значения, основное лексическое значение выражается деепричастием, а поясняемая им глагольная форма передает дополнительные семантические оттенки. Слияние деепричастия с последующей глагольной формой и перенос основного лексического значения с основной глагольной формы на деепричастие представляет собой "закономерную тенденцию, в которой

деепричастие как бы отрицает свое основное качество – функцию выражения сопутствующего действия".[110]

Степень утраты лексического значения глаголами, следующими за деепричастиями в сложных глагольных формах, неодинакова. В сочетаниях с глаголами тур- 'стоять', ыд- 'посылать', код- 'класть', 'ставить' лексическое значение модифицирующего глагола ослаблено и второй компонент имеет преимущественно грамматическое значение. В других случаях модифицирующие глаголы сохраняют свое лексическое значение, например большинство глаголов движения, глаголы бүтүр- 'кончать', түкат- 'завершать', глаголы с модальным значением. В языке ПДТП наблюдается тенденция к грамматикализации второго компонента сложных глагольных форм, однако эта тенденция проявляется полностью лишь в современных тюркских языках.

Процесс формирования системы аналитических глагольных форм, выражающих характер протекания действия, связан с развитием более абстрактных значений модифицирующих глаголов. Примером такого развития может служить глагол тур- 'стоять'. В языке ПДТП лексическое значение этого глагола в составе сложных глагольных форм ослаблено, но еще сохраняется. В дальнейшем развитие абстрактных значений глагола тур- ('стоять', 'пребывать в каком-то состоянии') привело к утрате им лексических значений и превращению в грамматический показатель. Например, в башкирском языке в сложной глагольной форме с глаголом тур- этот глагол передает только грамматические значения, если основной глагол обозначает состояние.[111] Завершением процесса абстрагирования является превращение сочетаний деепричастия -п с глаголом тур- в форму времени (в тувинском языке форма -п тур- превратилась в форму конкретного настоящего времени).[112] Переход формы, выражающей характер протекания действия, в форму времени находит известную параллель и в индоевропейских язы-

---

[110] Иванов С.Н. Родословное древо тюрок, с.163.

[111] Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, с.66.

[112] Исхаков Ф.Г. Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке. – ИСТТЯ, II, с.309–311.

ках, в которых на основе древних форм видового характера (под видовыми значениями в данном случае подразумеваются такие значения, как значения длительности, мгновенности, результативности, т.е. те же значения, которые передаются аналитическими глагольными формами в тюркских языках) сложились временные формы.[113] Процесс перехода форм, выражающих характер протекания действия, в форму времени отражает действие универсальной тенденции к абстрагированию. П.С.Кузнецов отмечает, что значение отношения действия к моменту речи представляет значение более обобщенного, более абстрактного характера, чем значение вида (под видом он понимает характер протекания действия).[114]

НАРЕЧИЕ

Основным лексико-морфологическим признаком наречий является их лексическая и словообразовательная соотносительность со всеми разрядами изменяемых слов.[115] В языке ПДТП только в составе наречий используются аффиксы -ды, -дырты, -йа, -ру ~ -ра. Указанные аффиксы сочетаются с именами. С помощью аффикса -ды образуются качественные наречия (а), с помощью остальных аффиксов - наречия места (б): а) катыгды 'крепко', эдгӱти 'хорошо'; б) таштырты 'снаружи', ӧндӱрти 'спереди', ӱстӱрти 'сверху', бөрийэ 'на юг', курыйа 'на запад', ташра ~ ташру 'снаружи', ичрэ 'внутри'. Мы разделяем точку зрения А.М.Щербака, который считает, что наречия типа таштырты и ташра ~ ташру восходят к деепричастиям, образованным от вторичных (отыменных) основ глаголов.[116] Аффиксы -ды, -дырты, -йа, -ру ~ -ра уже в языке ПДТП употребляются ограниченно и являются непродуктивными. Таким образом, специальных аффиксов, образующих наречия, в языке ПДТП

---

[113] К у з н е ц о в П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с.213-214, 218.

[114] Там же, с.218.

[115] К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с.282.

[116] Щ е р б а к А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, с.12, 43, 53.

мало и они используются редко. При этом часть этих аффиксов первоначально не использовалась для образования наречий.

Большинство наречий является лексикализованными формами падежей и деепричастий. Наречия – изолированные формы: дательно-направительного падежа: илгэрӯ 'вперед', бэргэрӯ '..а юг', йӯгэрӯ 'наверх', курыгару 'на запад'; местного падежа: бурунда 'раньше', анта 'там'; инструментального падежа: барын 'целиком', тӯпӯн 'вниз головой'; сравнительного падежа: анча 'так'.

Наречия – изолированные формы деепричастий (преимущественно деепричастия -а): йана 'снова', аша 'очень', тэгирэ 'вокруг', йандуру 'снова', биргэрӯ 'вместе', тэгирмилэйӯ 'вокруг', икилэйӯ 'опять', узаты 'долго', арыты 'полностью', тӯкэти 'целиком'.

В языке ПДТП широко используется способ образования наречий путем сочетания одинаковых слов, синонимов и антонимов. Сочетание одинаковых слов или синонимов усиливает значение наречия: мунча мунча 'столько', 'так много', йандуру йана 'снова', йана икилэйӯ 'опять'. Сочетание синонимов может образовать наречие со значением, отличающимся от значений его компонентов: эдгӯти арыты 'благоговейно' (эдгӯти 'хорошо', арыты 'совсем'). Сочетание антонимов образует наречие с собирательным значением: анта мунта 'повсюду', 'в разных местах' (анта 'там', мунта 'здесь').

В состав наречий входит ряд слов, которые используются и в качестве послелогов: ӯнра 'до', 'ранее', асра 'под', 'внизу', ӯтрӯ 'после', 'затем', ашну 'до', 'прежде', коды 'вниз по', 'вниз'. Указанные слова входят одновременно в разряд наречий и в разряд послелогов.

Исследование наречий в языке ПДТП позволяет в большинстве случаев проследить связь форм наречий с формами словоизменения. Во многих случаях наречия сохраняют тесную связь с соответствующей парадигмой словоизменения. Так, большое количество наречий в языке ПДТП образовано с помощью аффикса инструментального падежа типа тӯрӯсӯзин 'беззаконно', тэркин 'быстро', коркынчлыкын 'испуганно', камаган 'целиком'. В языке памятников аффикс инструментального падежа еще сохраняет свою продуктивность. Поэтому формы тӯрӯсӯзин, тэркин занимают промежуточное положение между формами падежа и собственно наречиями. Со-

поставление языка памятников с современными тюркскими языками показывает, что в тюркских языках наблюдается тенденция к расширению круга аффиксов, используемых в качестве средства образования наречий и не выполняющих других функций. Таким образом наречия представляют собой часть речи, находившуюся в период создания памятников в процессе формирования. Поэтому наречия в тюркских языках следует рассматривать как часть речи, сложившуюся относительно поздно.

ПОСЛЕЛОГИ

В языке ПДТП, как и в современных тюркских языках, можно выделить послелоги-частицы и послелоги-имена, хотя граница между ними не всегда может быть проведена четко. Ниже рассматриваются послелоги, чаще всего используемые в языке ПДТП.

Послелоги-частицы

Послелоги-частицы в языке ПДТП представлены главным образом словами, сохраняющими частично свое лексическое значение. Послелогов, лексическое значение которых проявляется только в сочетании с другими словами, немного. К ним относятся послелоги тапа, тэг, ӱчӱн.

Послелоги-частицы в языке ПДТП могут управлять основным или винительным падежами (бирлэ ~ билэн ~ бирлэн, ийин, ичрэ, коды, ӧнрэ, сайу, тапа, тэг, тэгрэ, ӱзэ, ӱстӱн, ӱчӱн), дательным падежом (тэги, утру), исходным и местно-исходным падежами (адын, ашну, бэрӱ, кин, кэсрэ, ӧткӱрӱ, ӧтрӱ, сынар, улаты, ырру).

Большинство послелогов-частиц представляет собой формы деепричастий (ийин, коды, сайу, тапа, тэгрэ, ӱзэ, тэги, ашну, ӧни, ӧткӱрӱ, ӧтрӱ, улаты).

Послелоги-частицы, управляющие основным и винительным падежами

Бирлэ ~ билэн ~ бирлэн в языке памятников выражает комитативные и инструментальные значения: Киши бирлэ элтишгүчи 'Он будет ссориться с людьми' (ТТ УП, I7, 7). Эчим катэн бирлэ илтэрү йашыл өгүз шантуң йазыка тэги сүлэдимиз 'С моим дядею катэном мы ходили на восток вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой рекой Желтой' (Кб I7). Сизни бирлэ 'С вами' (ТТ Н, А 1). Йитинч огушуңузларны бирлэ 'Включая ваше седьмое родство' (Уйг. Ш, 55, II). Эдгү өглиси билэн кавшур 'Встретится со своим доброжелателем' (ТТ УП, 32, II). От бирлэ кайындурмыш кэиг сувуг йүз сэкиз ката арвап чопунта кодуп 'Прочитать сто восемь раз это заклинание над вскипяченной на огне горячей водой и вылить ее в сосуд для омовения' (СЗБ 478, 4). Бэг йутуз бирлэн болзун 'Бек пусть будет вместе с женой' (ТТ УП, 26, I5). Ийин 'по', 'соответственно' выражает соответствие тому, что обозначается именем, стоящим перед послелогом: Көңүл ийин эрдини идигэли уйур 'Они смогут собирать драгоценности по желанию' (ТТ У, В 9I). Йэл ийин эшитилүр күзки ыгач йаңгусы 'При порывах ветра (букв. 'соответственно ветру') слышится шум осенних деревьев' (ТТ I, I33). Өд ийинки 'Соответствующий времени' (СЗБ 566, 4).

Ичрэ 'внутри', 'внутрь' передает локативные (а) и директивные (б) значения: а) Сув ичрэки тынлыглар 'Существа, находящиеся в воде' (Хуаст. 95); б) Куйкасын тэрисин сув ичрэ кэмишмишлэр 'Их шкуры они бросили в воду' (Ман Ш, 6I).

Коды 'вниз по' имеет пространственное значение: Сэлэнэ коды йорыпан 'Пойдя вниз по Селенге' (Т 37).

Өңрэ 'до' имеет временное значение: Эби он күн өңрэ үркүп бармыш 'Его семейство (букв. 'его дом') за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 5I).

Сайу выражает распространение действия на весь объект: Ол ок түн бодунын сайу нтымыз 'В ту же ночь мы отправили [послов] к каждому народу' (Т 42). Күн сайу нэчэ йавлак сакынч сакынур биз *'Ежедневно сколько мы бываем обуреваемы дурными помыслами'* (Хуаст. I97). Орун орун сайу 'По разным местам' (СЗБ 622, 23).

Тапа выражает направленность действия на предмет: Эки отуз йашыма табгач тапа сүлэдим 'На двадцать втором году я ходил войной на табгачей' (БК 26).

Тэг 'как', 'словно', 'как будто' выражает сравнение, уподобление: Йагымыз тэгирэ учук тэг эрти 'Враги наши были кругом словно хищные птицы' (Т 8). Тамудакы тэгачыг эмгэк эмгэнтиң 'Ты испытал горькие муки, подобные мукам ада' (Уйг. Ш, 46, I8).

Тэгрэ ~ тэгэрэ имеет пространственное значение вокруг (а), а также обозначает, что имя, стоящее перед послелогом, является предметом данной мысли (б): а) Кэнт тэгрэки бодун букун 'Народ, находящийся вокруг города'(ТТ У А, прим. 4I); б) Тавар тэгэрэ көрсэр 'Если загадают относительно имущества' (ТТ УП, 29, I5).

Үзэ имеет ряд значений: пространственное - 'на', 'над'(а), временное - 'в', 'за', 'после' (б), инструментальное и комитативное (в), причинное - 'из-за' (г), целевое - 'чтобы' (д).

а) Алтун өргин үзэ олурупан 'Сидя на золотом троне' (ТС Ш, II). Он уйгур токуз огуз үзэ йүз йыл олуруп 'Властвуя сто лет над он-уйгурами и токуз-огузами' (МЧ 3).

б) Кутлуг күн үзэ 'В счастливый день', (СЗБ I99, I9). Йэл үзэ йэл 'Ветер за ветром' (ТТ I, I5).

в) Бириси урук үзэ бойунымын бады 'Один из них обвязал веревкой мою шею' (СЗБ 7, I9). Ай могочлар-а сизлэр үч түрлуг сакынч үзэ киртиңизлэр 'О маги, вы вошли с тремя разными мыслями' (Уйг. I, 7, II).

г) Өвкэ низваны үзэ кутуруп 'Придя в бешенство из-за расположенности к раздражению' (ТТ Ш, 29).

д) Овгу үзэ 'Чтобы освободить' (ТТ Ш, I42).

Үстүн имеет пространственное значение 'над': Киндик үстүн мэн болсар огры болур 'Если родинка будет над пупком, он станет вором' (УСп 42, 5).

Үчүн передает целевые значения - 'для', 'ради' (а) и причинные - 'из-за' (б):

а) Күн тэңри нэгү үчүн чэмбудивип улушуг тэгзинү йорыр 'Для чего солнце обходит вселенную?'(Хюэн I83). Сэкиз адаклыг барымыг үчүн йылкы түкэти бардым 'За своим восьминогим скотом я ездил на конях' (Е 11, 3)Сизлэрни үчүн одгурак номлайу бэрэйин 'Вам я хочу проповедовать обстоятельно' (ТТ УI, 26).

б) Тай билгэ тутук йаблакын ӱчӱн бир эки атлыг йаблакын ӱчӱн кара бодунум өлтӱӊ 'Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых людей ты, мой простой народ, погиб' (МЧ I7). Кэртгӱнч кӱч бар болмыш ӱчӱн төрт тӱрлӱг шымнуларка чалсыкмаз бастыкмаз 'Благодаря существованию силы истинной веры они не будут разбиты и подавлены четырьмя родами демонов' (ТТ У, В 29). Өзлӱгләриг өлӱрмӱш ӱчӱн өкӱнӱп туйунуп 'Раскаиваясь в убийстве живых существ' (СЗБ I4, I4).

Послелоги-частицы, управляющие дательным падежом

Тэги 'до' обозначает предел в пространстве и времени: Тэмир капыгка тэги эртимиз 'Мы преследовали [их] до Темир-Капыга' (Т 45). Улугка кичигкэ тэги 'Вплоть до старых и малых' (Хуаст. 97). Йэти күнкэ тэги 'До семи дней' (ТТ УП, 26, 4).

Утру 'навстречу' имеет пространственное значение: Элиг бэгкэ утру 'Навстречу правителю' (Уйг. Ш, 63, 6).

Послелоги-частицы, управляющие местно-исходным (в аблативном значении) и исходным падежами

Адын 'кроме' обозначает, что предмет, названный словом, предшествующим послелогу, отделяется от других аналогичных предметов: Артамаксыз бузулмаксыз эд тавар буйан эдгӱ кылынчта адын йок 'Непреходящего, неразрушающегося добра нет; кроме добродетельных поступков' (Уйг. П, 80, 62). Азу олартын адын кайу ажунларта тогмыш эрсэр 'Или если бы родились также в каких-либо других бытиях, кроме этих' (Уйг. П, 45, 45). Мунтада адын таку өӊи аш ичкӱ йок 'Кроме же этого, другой пищи [у них] нет' (СЗБ 6I0, I6).

Ашну 'до', 'прежде' имеет временное значение: Башда ашну ишлэтӱрлэр 'До начала они используют' (ТТ У, В 58).

Бэрӱ 'от', 'с' выражает исходный пункт в пространстве и времени: Баштын бэрӱ адакка тэги окытым 'Я прочитал от начала до конца' (Ман. I, 30, 24). Барча көӊӱлтэ бэрӱ өгирэ сэвинӱ 'Радуясь от всего сердца' (Ман. Ш, 34, I2). Илкисидэ бэрӱ ол

айаг кылынч йок ким биз кылмадымыз эрсэр 'С давних пор не было тяжких грехов, которых мы не совершили бы' (ТТ IУ, А 23).

Кин и кэсрэ 'после' имеют временное значение: Анта кин тэнри элиг көңүли аз когшады 'После этого сердце божественного правителя немного заколебалось' (ТТ II, А 30). Түрк бурханларта кин интиңиз 'Ты снизошел вслед за могучими буддами' (ТТ Ш, 66). Анта кэсрэ иниси каган болмыш эринч 'После этого каганами стали их младшие братья' (Кб 4). Ол кан йок болтукда кэсрэ 'После того как не стало того хана' (О I).

Өткүрү 'через', 'вследствие' выражает причину: Кылынчта өткүрү ажун болур 'Через действие возникает существование' (Уйг. II, 7, II). Бу үчэгүнүң кавышмакынтын өткүрү өтрү көлигэ бэлгүрэр 'Вследствие объединения этих трех [особенностей] появляется затем тени отражений' (СЗБ 52, I9).

Өтрү 'после' имеет временное значение: Анта өтрү огул кыз тогар 'Затем будут рождаться дети' (Ман. I, I6, 4). Айтукта өтрү 'После того как сказали' (ТТ II, А 53).

Сыңар 'по направлению от' имеет пространственное значение: Алкудын сыңар этүз көркин көркитип 'Показывая повсюду (букв. 'отовсюду') красоту тела' (Куан 2). Күн ортуда сыңар йэл турсар 'Если поднимется ветер с юга' (Ман. Ш, I0, 8).

Улаты 'кроме' обозначает, что предмет, названный словом, предшествующим послелогу, отделяется от других аналогичных предметов: Адасыз узун йашамакта улаты 'Помимо лишенной опасности долгой жизни' (ТТ УШ, 40, I29). Үзтэ бузта улаты үкүш тэлим низванылар 'Многие другие страсти, кроме страсти питать ненависть' (Ман. Ш, 47, 3).

Ыңару 'дальше', 'впереди' имеет пространственные и временные значения: Мунтуда ыңару өңтүн йыңак алтун таг бар 'Впереди есть гора из золота' (КП 37, 5). Бу күнтэ ыңару таку он йаш тириг йашагуңуз көзүнүр 'С сегодняшнего дня и далее видно [по сракулу] еще десять лет вашей жизни (Хюэн 5I).

Послелоги-имена

Послелоги-имена образуют атрибутивное сочетание с предшествующим именем и выполняют функцию служебных слов, уточняя пространственное и временное положение лица или предмета, обо-

значаемого предшествующим именем. Как и в современных тюркских языках, в языке ПДТП послелоги-имена чаще всего представляют собой существительные с пространственным значением. В зависимости от семантики этих существительных сочетания с послелогами-именами могут передавать абстрактные значения. Послелоги-имена принимают аффиксы принадлежности, соответствующие предшествующему имени, и имеют форму дательного или местного падежа. В языке ПДТП употребляется довольно много имен существительных, которые могут выступать в функции послелогов-имен. Детальное исследование послелогов-имен относится уже к области лексикологии. Ниже рассматриваются наиболее широко употребительные имена-послелоги.

Ал, алтын 'низ' < (алтын < ал + пространственный показатель -т + аффикс инструментального падежа -ын): [117] Орнаглыг орун алыңта 'Место пребывания под тобой' (ТТ I, I30). Сув кум алыңа илинсэр 'Если вода задержится под песком' (ТТ I, прим. I30). Эрдини сöгүтлэриң алтынларынта 'Под драгоценными деревьями' (СЗБ 96, 6). Алтын может использоваться и в качестве послелога-частицы: Кэндик алтын мэн болсар бай болур 'Если родинка будет под пупком, то [человек] будет богатым' (УСп 42, 6).

Ара 'промежуток', 'середина': Ол кувраг арасынта 'Среди той общины' (ТТ УI, OIO). В языке памятников ара часто используется в качестве послелога-частицы: Экин ара киши оглы кылынмыш 'Между ними обоими были сотворены сыны человеческие' (Кб I). Ада тўз бизни ара йок 'У нас (букв. 'между нами') нет невзгод и обмана' (Ман. I, I0, 2).

Ич 'внутренность': Муна амты балык ичиңэ киргэли турур 'Он теперь вот-вот войдет в город' (ТТ У А, прим. 4I). Öтрў тэгин балык ичиңэ кирти 'Затем принц вошел в город' (КП 4I, 7). Бэн öлтўм тўргиш эл ичинтэ 'Я умер в тюргешском государстве' (Е 37, 3). Талуй ичинтэ йокадты 'Они погибли в океане' (КП 53, 8).

Огур 'обстоятельство', 'причина': Ном огрынта көтрўлўр 'Благодаря учению он возвышается' (ТТ УI, 36). Огурынта < огрынта в результате редукции узкого гласного у.

---

[117] Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков, с.I40.

Öŋ 'перед': Тәңрим сизиңәру өтүнүр мән сизиң öŋүңүздә йалынар мән 'О боже, я к Тебе обращаюсь с просьбой, умоляю Тебя (букв.'перед тобой') (Ман. Ш, 24, 5).

Таш 'наружная сторона': Тәк йалыңуз йүрәки ташынта бир тә чу эти томылматы 'И только не остыл небольшой кусочек тела он ло (букв.'снаружи') сердца' (СЗБ 4, 21).

Тылтаг 'причина': Тәгинмәк тылтагынта азланмак болур 'В р зультате ощущений появляется алчность' (Уйг. Ш. 9, 13).

Үск 'перед': Тәгин ол ач барс үскинтә суна йатты 'Прина растянувшись, лег перед той голодной тигрицей' (СЗБ 616, 10).

Некоторые особенности системы послелогов в языке ПДТП

Наибольшей степенью грамматикализации в языке памятнико обладают послелоги-частицы тәг и үчүн. Они используются толь в функции послелогов; самостоятельно, в функции обстоятель или определений, не употребляются. Их значения могут передавать ся аффиксами падежей. Значения послелога тәг могут выражать аффиксом сравнительного падежа -ча, значения послелога үчүн аффиксом дательного падежа (значение цели) и аффиксом местно исходного и исходного падежей (значение причины). В ряде совр менных тюркских языков наблюдается тенденция к превращению эт послелогов в аффиксы. Так, в узбекском языке послелог тәг в форме аффикса -дай образует наречия со значением подобия, сход ства от имен существительных, прилагательных, местоимений и пр частий,[118] в турецких диалектах послелог үчүн превратился в аф фикс, подчиняющийся гармонии гласных.

Характерная особенность системы послелогов в языке памят ников заключается в том, что в ряде случаев вместо имен-послел логов (как в современных тюркских языках) употребляются послел логи-частицы – үзә 'над', алтын 'под', үстүн 'над', ичрә 'вну три', арә 'между'. Вытеснение послелогов-частиц послелогами-именами обусловлено действием тенденции к выражению различны значений различными формами: послелоги-имена в отличие от по слелогов-частиц позволяют дифференцировать директивные и лока тивные значения.

---

[118] К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекско го литературного языка, с.285.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы делятся на соединительные, противительные и разделительные. В языке ЦДТП противительные союзы отсутствуют. В качестве соединительного союза иногда может использоваться частица йәмә: Күн йәмә түн йәмә йәлү бардымыз 'Мы мчались и днем, и ночью' (Т 27). Часто йәмә стоит в начале предложения, связывая его содержание с предшествующим контекстом: Йәмә нә иш йарлыг йарлыкасар коп иши йорык болгай 'И если на него возлагается какая-либо работа или поручение, все эти дела ему удаются' (ТБ I8). Йәмә амты болсун әсәнү 'И теперь пусть будет [у него] здоровье' (Ман. I, 27, II).

Разделительные отношения передаются союзом азу 'или', сочетанием азу с частицей йәмә, частицей ап, сочетанием ап и йәмә. Иногда азу и ап в предложении повторяются. Азу улуг бачаг күн азу кичиг бачаг күнкә кылсар 'Если совершит это в день великого поста или в день малого поста' (ТТ II А, прим.62). Азу әдиз тагта әрсәр азу әдиз әвтә әрсәр 'Находится ли он на высокой горе или в высоком доме' (Уйг. II, 38, 79). Азу йәмә кин келгмә өдтә 'Или же во время, которое наступит позднее' (СА 50). Ап айаглыг ап айагсыз улуг кичиг ким әрсәрләр 'Как достойные уважения, так и недостойные уважения, великие и малые, кто бы ни был' (ТТ УП, 40, 77). Ап йәмә көзүнүр өдтә ап йәмә кин келгмә өдләртә 'И в настоящее время и в будущие после времена' (СЗБ 328, 2).

Подчинительные союзы

Собственно подчинительных союзов, т.е. слов, полностью лишенных самостоятельной семантики и выступающих только в служебной функции в качестве подчинительных союзов, в языке ЦДТП нет. В функции подчинительных союзов используются вопросительные слова *ким* 'кто', *калты* 'как' (см. раздел "Сложноподчиненное предложение", с.179).

Данные языка ЦДТП показывают, что система союзов в тюркских языках относительно позднего происхождения. Слова, используемые в языке ЦДТП в качестве союзов, представляют собой час-

тицы или вопросительные местоимения. Союз аэу негюркского происхождения.[119] В современных тюркских языках значительная часть союзов - это слова иноязычного происхождения, проникшие в тюркские языки вместе с арабо-иранской лексикой. В тех тюркских языках, которые не заимствовали этой лексики, например в якутском языке, система союзов еще находится в процессе становления. Многие союзы сохраняют тесную связь с другими частями речи. Так, противительный союз баран 'но' - это деепричастие -а сложной глагольной формы, образованной сочетанием глаголов бу ол- 'быть', 'стать' и бар- 'уходить'. Связь этого союза с глагольной формой ощущается очень ясно.[120]

ЧАСТИЦЫ

Частицы занимают промежуточное положение между союзами и наречиями. В языке ПДТП четкую границу между союзами и частицами провести часто нельзя. Ряд частиц используется в функции союзов (например, йэмэ). По своему происхождению частицы связаны с различными частями речи. Так, частица му (вопросительная частица) представляет собой древнее вопросительное местоимение. Вопросительная частица гу также связана с вопросительным местоимением (вопросительным местоимением ка).[121]

Частицы делятся на усилительные (а), ограничительные (б), присоединительные (в), вопросительные (г).

а) Ок /ök: Ол ок түн 'В ту же ночь' (Т 42). Мунта ок 'Здесь же' (ТТ X, 543). Анчулайу ок 'Именно так' (Уйг. II, 37, 58). Анта айгучы бэн ök эртим 'Тогда и советником был я же' (Т 5). Тэнри оглы йэмэ мэн ök эрүр мэн 'Также и сын божий именно я' (Уйг. I, 7, 12).

Кük: Бизни өлүртэчи кük 'Он ведь нас убьет' (Т 30).

Йэмэ: Анар анча кыйа йэмэ коркматын 'Ничуть не боясь его' (ТТ X, 351). Анча йэмэ алпта алп эрмэз 'Он нисколько не силь-

---

119 Щ е р б а к А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Туркестана, с.195.

120 У б р я т о в а Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, с.228.

121 Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с.76-78.

ный из сильных' (Уйг. Ш, 32, 6). Кай йэмэ орунта 'В любом месте' (СА 51).

Такы: Кылмайук айыг кылынчларыг икилэйӱ таҡы кылмаз мэн 'Грехи, которые я не совершил, я не совершу и впредь' (СЗБ I38, 3).

б) Кыа, кыйа / кийэ, кына, кынья (в рунических текстах). Улуг иркин аз кынья эрин тэзип барды 'Великий иркин бежал только с немногими воинами' (Кб 34). Аз кынья тӱрк бодун йорыйур эрмиш 'Тюркский народ в небольшом только количестве кочует' (Т 9). Мэн эмти ӧлӱр мэн сиз йалаӱуз кыйа калыр сиз 'Теперь я умираю, вы остаетесь совсем одни' (КП 40, 3). Бир кийэ эмрак оглум 'Мое единственное дорогое дитя' (КП 25, 4). Ном элигиниӈ тэриӈ йӧрӱги бир кийэ йолатгучы эрсэр 'Если доведет до их ушей хоть раз (единственный раз) глубокое толкование сутры' (СЗБ 87, 21). Йагук кына 'Совсем близко' (Уйг. IУ, А 272). Аз кыйа ӧрэ йорыйу турсунлар 'Пусть они пройдут немного вперед (совсем немного)' (СЗБ 6I5, I3). Йакылмаз кына 'Совсем не распространяется' (СЗБ 4, 5).

в) Частица йэмэ может выступать и в качестве присоединительной: Бу ырк йэмэ анчулайу ок ол 'И это гадание точно такое же' (ТТ УП, 28, 8).

г) В языке ПДТП используются вопросительные частицы му / /мӱ и гу /гӱ. Частица му выражает общий вопрос: Эрмэз мӱ 'Не явится ли?' (Уйг. Ш, 42, 3). Экинти азунта ок му тэгинӱр азу бу азунта йэмэ мӱ тэгинмэки бар 'Достигнет ли он этого в следующем существовании или в этом?' (Уйг. IУ, С 28). Ол адгӱ кылынч эрӱш му тэтир 'Можно ли назвать эти добрые дела многочисленными?' (Уйг. П, I6, I4). Алкынмаз му эрти 'Разве они не исчезли бы?' (ТТ Ш, 65). В отдельных случаях частица му может использоваться и в предложениях, выражающих специальный вопрос, т.е. в предложениях с вопросительным словом: Нэмэн ӧтгэй мӱ мэн 'Как мне пройти?' (Хюэн 27). Бар му нэ 'Может ли это быть?' (букв. 'Что бывает?') (Т I4).

Частица гу / гӱ употребляется только в рунических текстах. Выражает сомнение и предполагает отрицательный ответ: Бу сабымда игид бар гу 'Разве есть ложь в этих моих словах?' (Км I0). Бӧдкэ кӧригмэ бэглэр гӱ йаныльтачы сиз 'Разве вы, беки, повинующиеся престолу, можете впасть в ошибки?' (Км 11).

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Близки по значению к частицам модальные слова эринч и эркн. Эринч выражает предположение с оттенком уверенности 'надо думать', 'должно быть'. Особенно часто эринч используется в руническях памятниках. Эринч стоит в конце предложения. Ани ӱчӱн элиг анча тутыш эринч 'Поэтому, надо думать, они [так] долго *имели племенную организацию*' (Кс 3). Тәңри умай ыдук йәр суб баса бәрти эринч 'Видимо, Небо, [богиня] Умай и священная Земля подавили [врагов]' (Т 38). Өзӱмин ол тәңри олуртды эринч 'Надо думать, то божество и посадило меня каганом' (Кб 25). Кэнтӱ билингэй эринч 'Он, конечно, сам поймет' (КП I0, 1). Ол бодисавт эринч 'Он, должно быть, бодисатва' (КП 45, 5).

Эркн выражает предположение с оттенком уверенности (как и эринч). Эркн может использоваться как частица, усиливающая вопрос. Мән кәргәк эртим эркн 'Я должно быть, был нужен' (Уйг.Ш, 69, 26). Адын сәвәр амракыңыз бар эркн 'У вас, надо думать, есть другая возлюбленная' (Уйг. IУ, А I45). Канта эркн ол 'Где же он?' (Уйг. Ш, 45, 6).

Уна 'вот': Уна кыйа өлгэли йатур эрти 'И вот она лежала, готовая умереть' (СЗБ 609, 22).

Муна 'вот': Муна муны билмиш кәргәк 'Вот это следует знать' (ТТ II, В 24). Муна мән сәни өлӱрӱр мән 'И вот я убью тебя' (Уйг. Ш, 64, 6).

По своему происхождению эркн и эринч связаны с глаголом эр- 'быть', уна и муна можно рассматривать как вокативные формы указательных местоимений ол 'то' и бу 'это'.[I22]

[I22] G a b a i n A. Alttürkische Grammatik, S.93.

СИНТАКСИС

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание представляет собой синтаксическое единство, состоящее из двух компонентов, первый из которых поясняет, уточняет, определяет второй. Каждый из этих компонентов может в свою очередь быть словосочетанием. В языке ЦДТП, так же как и в современных тюркских языках, поясняющий компонент, как правило, предшествует поясняемому. В зависимости от главного - поясняемого члена словосочетания можно выделить следующие типы словосочетаний: субстантивные словосочетания (главный член - имя существительное или глагольная форма -мак), адъективные словосочетания (главный член - имя прилагательное), глагольные словосочетания (главный член - глагольная форма, кроме формы -мак).[1]

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

В субстантивном словосочетании зависимый - определяющий член может быть выражен именем прилагательным (а), существительным (б), числительным (в), местоимением (г), предикативными словами бар и йок (д), причастиями (е), глагольной формой -мак (ж):

---

[1] Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с.59-63; Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с.124-125.

а) Эдгӱ кылынч 'Добрые дела' (ТТ УІ, 41). Сарыг алтун ӱрӱг кӱмӱш 'Желтое золото, белое серебро' (Т 48). Бир карı ӧкӱзӱг 'Одного старого вола' (ТС Ш, 56). Йаңы тон 'Новая одежда' (ТТ УП, 36,18). Ырак балык 'Далекий город' (ТТ УП, 34, 5). Каганлыг бодун 'Народ, имеющий кагана' (Кб 9). Билигсиз каган 'Неразумный каган' (Кб 5). Йазуксуз тынлыглар 'Безгрешные живые существа' (ТТ ІУ В, прим. 14). Тамудакы ӧрт йалын 'Адский огонь и пламя' (букв.'огонь и пламя, находящиеся в аду') (Уйг. Ш, 87, 61). Йайкы ӱч айларта 'В три летние месяца' (ТТ УП, 38, 4).

б) Алтун ӧргин 'Золотой трон' (ТС Ш, 1). Капыгчы эр 'Привратник' (КП 66, 1). Тардуш бодун 'Тардушский народ' (Кб 13). Уйгур йэринтэ 'Из земли уйгуров' (Су 1). Тӱргэш каган 'Тюргешский каган' (Кб 53). Макайт элиг 'Государь Макайт' (КП 4, 2). Сумир таг 'Гора Сумеру' (ТТ Ш, 54). Сагак ығач 'Ореховое дерево' (ТС Ш, 86). Эр ат 'Мужское имя' (Кб 31). Тэнри йэри 'Место, где обитают боги' (Ман. І, 13, 6). Кудуг сувынта 'В колодезной воде' (ТТ УП, 42, 7). Бу битиг ядиси 'Обладатель этого писания' (Ман. І, 21, 0). Улуг эчимнин амрак кунчуй 'Любимая жена моего старшего брата' (Уйг. Ш, 83, 13). Эӱк сӧгӱтнӱң бутыкы 'Ветвь дерева Амока' (Уйг. Ш, 24, 3).

в) Эки ай 'Два месяца' (МЧ 17). Ӱчӱнч ай 'Третий месяц' (УСп 40, 10). Бэшэр йӱз йэклэр 'По пятьсот демонов' (СЗБ, 456, 14).

г) Бу ырк 'Этот оракул' (ТТ УП, 29, 3). Ол тӧзӱн эр 'Тот благородный мужчина' (Ман. І, 5, 12). Кэмаг тынлыглар 'Все живые существа' (КП 47, 6).

д) Бэр кӱчин ӱнтӱрӱп 'Собрав всю свою силу' (Уйг. І, 43, 11). Йок чыгань бодун 'Неимущий народ' (Км 10).

е) Йол йаңылмыш киши 'Человек, сбившийся с пути' (Уйг. Ш, 50, 7). Аш бӱшэрдэчи от 'Огонь, на котором можно приготовить пищу' (ТТ УШ, М 22). Учугма тынлыг 'Летающие живые существа' (Хуаст. 94). Бу ырыг ырклагучы киши 'Человек, который гадает по этому оракулу' (ТТ УП, 28, 9). Тапынгу йӧкӱнгӱ эрдини 'Драгоценность, достойная уважения и почитания' (Уйг. І, 8, 18). Ӱч

гулуқ бурнач 'Чаша, предназначенная для омовения' (ТТ УШ, С 8). Өтүнтүк өтүнчүм 'Просьба, с которой я обратился' (Т I5).

ж) Амранмак низаны 'Страдания от любви' (ТТ X, 526). Азланмак сакынчын кэтирип 'Отбросив алчные помыслы'(СЗБ 266,20).

АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

В адъективном словосочетании зависимый - определяющий член выражается с помощью количественного слова, передающего значение характеристики степени, интенсивности качества: Бу таш эртинү агыр турур 'Этот камень очень тяжелый' (Уйг. I, 8, 4). Коп түрлүг иш 'Самые разнообразные дела' (ТТ УП, I2, 6). Айыг билгэ 'Очень мудрый' (КП 74, 5). Кадыр кыныг көңүл 'Весьма ревностные чувства' (ТТ IX, прим. 63).

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

В глагольном словосочетании зависимый член выражается различными падежными формами имен и сочетанием имени с послелогом (а), именем числительным (б), именем прилагательным (в), деепричастием (г), наречием (д), частицей (е):

а) Эдгү кылынч кылгыл 'Твори добрые дела' (ТТ I, III). Кан олурупан орду йапмыш 'Хан, сев на престол, построил дворец'(ТС II, 4I). Йылкысын барымын кызын кудузын кэлүртүм 'Их табуны, их скот, их девиц и женщин я привез [к себе]' (МЧ I5). Эки оглыма йабгу шад ат бэртим 'Двум сыновьям моим я дал титулы йабгу и шад' (МЧ I9). Бана айды 'Он сказал мне' (Т 3I). Ол йаналарга көмэн аш йуттуруп 'Заставив тех слонов проглотить пищу, подвергающую их действию чар' (СЗБ 605, I2). Алку тынлыг оглани адасыз улуг кутрулмакка тэгсүнлэр 'Дети всех живых существ пусть беспрепятственно достигнут великого освобождения' (Уйг.I, I5,4). Тэнрилигангэрү барды 'Он пошел по направлению к храму' (Ман. I, 33, I5). Алтун йынде олурун 'Селитась в Алтуаской черни' (Т 3I). Тэнрилиг куртта йуртда калмыш 'Умирающая старуха оставаясь в кочевье' (ТС II, I8). Өгсүз болуп йэрдэ камылты 'Потеряв созна-

ыяе, он упал на землю' (Уйг. Ш, 60, 7). Идишимтэ айакымта бар
канча барыр мэн 'Куда я пойду еще от моего сосуда и моей чаши'
(ТС II, 63). Хормузта тэнриг тамудан йокару агтурты öнтүрти 'Он
предоставили возможность богу Ормузду подняться вверх из ада и
выйти [из него]' (Ман. I, I3, I9). Алтун куругсакымын кылычы
кэсипэн 'Мое золотое чрево разрезав мечом' (ТС II, I2). Öртэ
кызып кэлти 'Они пришли, пламенея, как огонь'(Т 40). Үзүксү
низваныылар бирлэ сүүшмэк бчэшмэк 'Непрестанно сражаться и бо-
роться со своими страстями' (Ман. Ш, I2, I3). Алтун öргин үзэ
олурупан 'Сидя на золотом троне' (ТС II, I).

б) Аңайу йана үч мин йүкүнтилэр 'Они поклонились еще три
тысячи раз' (Хюэн, прим. I859). Бу битигиг үч ката окысарлар
'Если прочтут эту книгу три раза' (ТТ УI, 435). Бир йылка бэш
йолы сүүшдүмүз 'В один год мы сразились пять раз' (Кб 44). Үч
гүн кабышып сүлэлим 'Объединившись втроем, отправимся в поход'
(Т 2). Бирэр бирэр адакын бап кэмишип йүүнин кыркарлар 'Связав
ноги у каждой [овцы] в отдельности, ее бросают [на землю] и
стригут шерсть' (Ман. Ш, 33, 4).

в) Түпүткэ кичиг тэгмэдим 'Я немного не дошел до Тибета'
(Км 3). Камаг номларыг калысыз öткүрү топулу билмиш бошгунмыш
'Полностью и глубоко познавший и изучивший все трактаты' (Уйг.
I, I3, 5).

г) Йаглыг камыч булуңын йалгайу тирилмиш 'Полизав край ко-
ша с маслом, она ожила' (ТС II, I8). Мунча сöзлэп öнүп барды
'Сказав так, он отправился' (Хюэн 8I). Артамалын уз бүтэр 'Не
портясь, отлично созреет' (Уйг. I, 27, 6). Укгалы кэлти 'Они
пришли, чтобы подчиниться' (БК 28).Катыг кэртгүнчлүг болмагин-
ча оңаргалы болмаз 'Пока не будет твердо верующим, нельзя бу-
дет исправить [его]' (Хюэн прим. I870). Иэмэ алканур эркэн кö-
ңүлүмүзни сакынчымызны тэнригэрү тутмалымыз эрсэр 'Если мы при
воздании хвалы не направляли свои сердца и помыслы к богу'(Ху
аст. I59). Ачсар тосык öмэз сэн 'Если ты голоден, ты не думаешь
о сытости' (Км 8).

д) Катыгды ба 'Крепко привяжи' (ТС II, I9). Ном эрдиниг тэ
рати бититгил 'Вели быстро переписать эту драгоценную книгу'
(СЗБ I8, I9). Түкэти тэгүрсэр 'Если он полностью предоставит

(Уйг. II, I5, I3). Кин йана эдгү болур 'Затем снова будет хорошо' (ТС II, 89).

в) Анар анча кыйа йэмэ коркматын 'И ничуть не боясь его' (ТТ X, 35I).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По цели высказывания предложения делятся на повествовательные, вопросительные, модальные и восклицательные. Структурно предложения делятся на простые и сложные.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В языке ПДТП преобладают повествовательные предложения, что обусловлено характером памятников (в них в основном сообщается какая-либо информация). Повествовательные предложения могут быть положительными (а) и отрицательными (б):

а) Игиң агрыгың ачыды 'Болезни у тебя обострились' (ТТ I, 49). Ит күндэ ада болур 'В день собаки будет несчастье' (ТТ УII, 32, I6). Көртлэ көркин ачгай бэлгүртгэй 'Он явит свой прекрасный образ' (Ман. I, II, 4). Бу ырк түз ол 'Это гадание истинно' (ТТ УII, 29, 3). Миң табылку түмэн болты 'Тысяча иволг стала десятью тысячами' (ТС II, 49). Йэр тэңри төрүмиштэ бай йэмэ бар йок чыгай йэмэ бар 'С сотворения неба и земли есть богатые, есть и бедные' (КП 5, 8).

б) Эдгү кылмадым 'Добра я не делал' (Уйг. II, 78, 40). Йана корка түшэр нэң булмаз 'Он снова терпит убыток и ничего не находит' (ТТ УI, I4). Таңта уз йок 'В горах нет прохода' (ТТ УII, 42, 8).

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вопросительные предложения можно разделить на предложения, содержащие общий вопрос (а), частный вопрос (б) и специальный вопрос (в):

а) Общий вопрос употребляется, когда говорящий что-либо сообщает и хочет получить положительный или отрицательный ответ. Структура общего вопроса такая же, как повествовательного предложения. Он передается с помощью частиц му и гу (в рунических надписях), следующих после сказуемого: Мәни сәвәр сиз 'Любите ли вы меня?' (ЮП 6, 5). Бу сабымда игид бар гу 'Разве есть ложь в этих моих словах?' (Км 10). Эрмәз мӱ 'Разве не является?' (Уйг. Ш, 42, 3). Мәңзи анча кыйа йәмә тәгшилмәдин артамадын турмаз му 'Разве его приятная красота не сохранится, не изменяясь и не портясь?' (Уйг. Ш, 23, 3).

б) Частный вопрос относится к одному из элементов высказывания, относительно которого говорящий хочет получить положительный или отрицательный ответ. Структура вопроса такая же, как и повествовательного предложения. После слова, к которому относится вопрос, ставится частица му: Экинти азунта оң му тегинӱр азу бу азунта йәмә мӱ тәгинмәки бар 'Достигнет ли он этого в следующем существовании или в этом?' (Уйг. IУ, С 28).

в) Специальный вопрос ставится для того, чтобы получить определенные сведения и выражается с помощью слов с вопросительным значением, например нәгӱ 'что?' 'почему?', нәчӱкин 'как', нәкә? 'почему?' Нәгӱ кӱтәр сизләр 'Что вы ждете?' (Уйг. I, 43, 7). Ӱәмә нәчӱкин болурлар тәңриләрниң әрклиги 'Так почему же они будут владыками богов?' (Уйг. I, 24, I3). Нәкә ыглайу бу шуллуг калтың 'Почему ты вернулся печальный и плачущий?' (Ш 5, 2).

МОДАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В языке памятников могут быть выделены следующие виды модальных предложений: предложения, выражающие возможность или невозможность совершить действие (а), предложения, выражающие желание (б), предложения, выражающие долженствование (в). Модальные предложения могут быть вопросительными.

а) Эдгӱ айыг кылынчыг адыртлагалы уйур 'Могут различать хорошие и плохие деяния' (Уйг. Ш, 5, I2). Йәр алтынқы агылыкларыг көргәли утачы болгай 'Он будет (букв. 'окажется') способным видеть подземные клады' (СЗБ 444, 4). Шумӱ йәклэр ада тӱ

да кылу умаз 'Демоны не смогут причинить вреда (несчастья)' (ТТ УП, 28, 23). Өрү болмаз 'Он не сможет подняться' (Хюэн I870). Тэбрәйү йорыйу умады 'Он не мог двигаться' (КП 37, 2).

б) Өгүм отын алайын 'Да получу я наставления своей матери' (ТС П, 90). Тар кэми булайын 'Найду-ка я узкую ладью' (СЗБ 6I3, 2I). Йэркэ киреймн эрти 'Пусть я бы вошел в землю' (Уйг. I, 37, I7).

в) Долженствование в языке ПДТП выражается с помощью форм -мыш и -мак (в манихейских текстах) в сочетании со словом кэргэк 'нужный', 'необходимый': Муны билмиш кэргэк 'Вот это следует знать' (ТТ П, В 24). Түтсүлүг лугта көйүрмиш кэргэк 'Нужно сжечь на жаровне для воскурений' (ТТ У, А I30). Бир йылкы йазукумузны бошуйу колмак кэргэк эрти 'Нужно было просить о прощении наших грехов за год' (Хуаст. I92).

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В языке ПДТП могут быть выделены следующие виды восклицательных предложений: побудительные предложения (сказуемое выражается формами повелительного наклонения и формой желательного наклонения 1-го л.мн.ч. -(а)лым (а), восклицательные предложения с вопросительными словами, например, нәлүк 'как?', нәчә 'сколько?', нәкә 'почему?', 'зачем?' (б), восклицательные предложения с междометиями (в):

а) Эдгүти өтүн 'Хорошенько молись!' (ТС П, 29). Көңүлүңин өгрүнчлүг кылгыл 'Сделай радостным свое сердце!' (ТТ I, I2). Бизиңә ном номлаң 'Проповедуйте нам закон!' (КП 49, 5). Бэг йутуз бирлэн болзун 'Бек пусть будет вместе с женой!' (ТТ УП, 26, I5). Амрак оглумнуң исиг өзиңә ада туда тэгүрмэгил 'Не подвергай опасностям жизнь моего любимого сына!' (Уйг. Ш, 47, 2I). Этүзкә ада кылмазун 'Пусть не причиняют телу вред!' (Ман. Ш, I2, 5). Издэлим 'Давайте искать!' (СЗБ 620, I3).

б) Көньэки нәлүк топгай 'Как может замерзнуть его сосуд!' (ТС П, 88). Күн сайу нәчә йавлак сакынч сакынур биз 'Ежедневно сколько мы бываем обуреваемы дурными помыслами!' (Хуаст. I97). Нәкә тәзәр биз 'Зачем нам бежать!' (Т 38).

в) Ай мани агулуг йылан тиктИ 'Ой, меня укалила ядовитая змея!' (Уйг. Ш, 88, I4). *Айя ачыг эмгэк э* 'О тяжкие страдания!' (ТТ Х, 409).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Простые предложения в языке ПДТП в зависимости от наличия главных членов можно разделить на двусоставные и односоставные. Двусоставные и односоставные предложения могут быть нераспространенными (второстепенных членов предложения нет) и распространенными (имеются второстепенные члены предложения). Простые предложения могут быть полными, если все члены предложения выражены отдельными словами, и неполными, если какой-либо член предложения не выражен отдельным словом, но легко восстанавливается по контексту. В двусоставном предложении подлежащее и сказуемое выражены отдельными словами или же подлежащее выражается показателем лица при сказуемом.

Главные члены простого предложения

Подлежащее, выраженное формой основного падежа, имеет нулевой показатель падежа. В функции подлежащего могут использоваться неглагольные субстантивы - имена существительные и глагольные субстантивы (а), неглагольные и глагольные адъективы (в этом случае они обозначают носителя признака и субстантивируются) (б), числительные (в), местоимения (г), субстантивное словосочетание (д). В субстантивном словосочетании зависимый член словосочетания (определение) может быть выражен именем прилагательным, именем существительным, числительным, местоимением, причастием, глагольной формой -мак.

а) Кӱн тогды 'Взошло солнце' (ТС II, 39). Бурканлар бу ном битигиг батурлыкын йарлыкадылар 'Будды самоотверженно проповедовали эту книгу' (УСп I06, 3I). Эби он кӱн бӧрэ уркӱп барман 'Его семейство за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 3I). Алынга анчулайу кэлмишлэр бирлэ тушушмакы болур 'С одной стороны, состоится встреча с Так-пришедшими' (Уйг. II, 35-36).

б) Балыкдакы тагыкмыш тагдакы энчиш 'Жители городов (букв. 'находившиеся в городах') поднялись в горы, а жители гор (букв. 'находившиеся в горах') спустились вниз' (Кб I2). Балыкта улутта тургучы куврак катылмазун 'Живущие в городах и селениях не должны причисляться к общине' (УСп 88, 33).

в) Бу икэгӱ бэгларинэ айытмадын эр эбчи болмышлар 'Эти двое, не поставив в известность своих беков, поженились' (УСп 73, 5). Бириси урук ӱзэ бойунымын бады 'Один из них веревкой обвязал мою шею' (СЗБ 7, I9).

г) Мэн элиг этмиш мэн 'Я создал племенной союз' (ТС II, 73). Өзӱм амты ачынур мэн 'Теперь я сам каюсь' (СА 35). Барча йӧрӱглӱг ол 'Все они имеют объяснение' (Хюэн II2).

д) Йаш от ӧнди 'Выросла зеленая трава' (ТС II, 82). Бу лабайның ӱни ӱкӱш тынлыгларка эшидилӱр 'Звук этого рожка слышен многим живым существам' (ТТ УII, 28, 30). Тоңузуң азнгы сынмыш 'Клыки кабана сломались' (ТС II, I0). Ӱч айлар атанур кӱз ӧдлэр тэп 'Три месяца считаются осенним периодом' (СЗБ 589, I0). Бу ырк тӱз ол 'Это гадание истинно' (ТТ УII, 29, 3). Узун йашайур тынлыглар ав 'Существ, живущих долго, мало' (ТТ УI, 02I). Бӱкӱн кӱнкэ тэги могочлар отка тапынмак тилтагы бу эрӱр 'Это является причиной поклонения магов огню вплоть до сегодняшнего дня' (Уйг. I, 9, 4).

Глагольное сказуемое выражается простыми и сложными формами изъявительного наклонения (а), формами повелительного (б), желательного (в), условного (г) наклонений:

а) Анчып барс йылка чик тапа йорыдым 'После этого в год тигра я пошел против чиков' (МЧ I9). Алтун туйуглуг адгырлык йарагай 'Пригодится табун жеребцов с золотыми копытами' (ТС II, 7). Тэнри айтын тӱкэти ишлэйӱр биз 'Мы в совершенстве исполняем волю бога' (ТТ II, А 3). Кырк йашта атка тэгдэчи 'Он достигнет известности в сорок лет' (ТТ УII, I7, 24). Уна кыйа ӧлгэли йатур эрти 'И вот она лежала, готовая умереть' (СЗБ 609, 22).

б) Кэнтӱ өзӱң бэглиг эр таплагыл 'Ты сам почитай знатных людей' (Уйг. II, 2I, I4). Кӱнтэйэк мэниң эвимтэ ашанзунлар 'Ежедневно пусть они питаются в моем доме' (ТТ I, прим.I60).

в) *Каңым сабын тыңлайын* 'Я хочу услышать слова моего отца' (ТС Ц, 90). Бурканлар билигинэ тэгинэлим 'Мы хотим постигнуть знания будд' (ТТ УІ, 380).

г) Түтүш кәриш кылмасар сән 'Если ты не затеешь ссор и споров' (ТТ І, 180).

В языке ПДТП можно выделить следующие типы именного сказуемого:

1. Именное сказуемое, выраженное неглагольным субстантивом (именем существительным), глагольным субстантивом (именем действия с субстантивным значением), местоимением и числительным (с субстантивным значением). Этот вид именного сказуемого характеризует субъект путем установления тождества с другим предметом, обозначаемым именным сказуемым, или путем указания на то, что субъект относится к категории предметов, обладающих определенными признаками. Данный тип именного сказуемого можно назвать субстантивным.

2. Именное сказуемое, выраженное неглагольным адъективом (именем прилагательным), глагольным адъективом (именем действия со значением признака), словами бар 'есть', 'имеется', йок 'нет', 'отсутствует'. Этот вид именного сказуемого характеризует субъект путем указания на его признак. Данный тип именного сказуемого можно назвать адъективным.

3. Именное сказуемое, выраженное именем в местном падеже или именем в сочетании с послелогом. Данный тип именного сказуемого можно назвать обстоятельственным.

В функции глагольной связки в языке ПДТП используются глаголы, которые частично сохраняют свое самостоятельное лексическое значение. Эти глаголы выражают *возникновение признака*, переход из одного состояния в другое (бол- 'становиться'), сохранение прежнего состояния (ар- 'быть', тур- 'стоять', кал- 'оставаться'), называние (атан- 'называться', сан- 'считаться'), проявление признака (көзүн- 'казаться'). В языке ПДТП именное сказуемое в большинстве случаев передается сочетанием имени и личного местоимения (в 3-м л.ед. и мн.ч. личное местоимение обычно опускается). Глагол-связка употребляется только в том случае, *если требуется передать дополнительный* оттенок значения - временной, модальный или соответствующий лексическому

значению глагола-связки. Следует полностью согласиться с тем, что "предикат совсем не обязательно должен передаваться с помощью глагола и совсем не обязательно должен содержать "универсальный динамический признак".[2] Об этом убедительно свидетельствуют данные древнейших тюркских памятников. В языке ПДТП глагольная связка используется не чаще, чем в современных тюркских языках.

1. Субстантивное сказуемое: Биз динтэр биз 'Мы - манихейцы' (ТТ II, А 4). Тэнри элимкэ элчиси эртим 'Я был правителем у моего божественного племенного союза' (Е I, 2). Азмышларка йолчы йэрчи болтуңуз 'Ты (букв. 'Вы') стал проводником для заблудших' (ТТ III, 69). Субы сэлэнэ эрмиш 'Водой у них была Селенга' (букв. 'Их вода была Селенгой') (МЧ 2). Кылмыш ишимин бүтүрдэчи дарнисы бу эрүр 'Способствует завершению выполняемого мной дела *вот эта формула*' (*заклинание*) (*букв. 'Формула, способствующая завершению выполняемого мной дела - вот это'*) (Уйг. I, 33, 16). Йэккэ амшусы бу эрүр 'Жертвенная пища демонам - вот это' (ТТ VII, 25, 9). Тэгин йэрчи авычга бирлэ икигү калтылар 'Принц и старик-проводник остались вместе оба' (КП 36, 1). Субстантивное сказуемое может быть выражено и субстантивным словосочетанием: Сиз улуг эчимнің амрак кунчуй сиз 'Вы любимая жена моего старшего брата' (Уйг. III, 83, 13).

2. Адъективное сказуемое выражается неглагольным адъективом (а), глагольным адъективом - именем действия со значением признака (б), словами бар, йок (в):

а) Йазуклуг биз 'Мы грешны' (Хуаст. 205). Барча йорүтлүг ол 'Все они имеют объяснение' (Хюэн II2). Бөгүдүк эрдэмкэ тындыгсыз эрүр 'Он безграничен в мудрости и добродетелях' (Куан. I38). Өз йашы узун болур 'Жизнь его будет долгой' (Уйг. II, 49, 27). Кишиң бушушлуг кадгулуг турур 'Твоя жена печальна и грустна' (ТТ I, 216). Сиз йалануз кыйа калыр сиз 'Вы остаетесь совсем одни' (КП 40, 3).

---

[2] Гузев В.Г. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости. - В кн.: Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с.245.

б) Эдгӱ оглилариң оргаттӱрӱгли сиз 'Ты (букв. 'Вы') учишь своих благоразумных' (Ман. Ш, 24, 7).

в) Именное сказуемое, выраженное словами бар и йок, мы относим к разновидностям адъективного сказуемого, так как в языке ПДТП адъективный характер этих слов ощущается достаточно сильно, они могут использоваться в качестве определений: Бар илилик көк калык йүзинтэ 'Перед лицом всего необъятного неба' (букв. 'синего эфира') (ТТ Ш, I29). Йок чыгаи тынлыглар ӱкӱш 'Бедных и неимущих живых существ много' (ТТ I, 024). В позиции именного сказуемого бар и йок могут также сочетаться с глаголами-связками: Эвимдэ йэмэ ӱкӱш такыгу кушлар бар эрӱр 'В моем доме имеется много кур' (Ман. I, 37, I5). Эртмиш ӧдӱн бир улуг балык бар эрти 'В прежние времена был один большой город' (Ман. Ш, I4, I3). Йок болмазун 'Да не погибнет' (Кб II).

3. Обстоятельственное сказуемое: Бэг тамгасы элигиндэ 'Печать правителя в твоих руках' (ТТ I, I29). Тамтурмыш йулá йалынны тэг 'Подобен пламени зажженного факела' (Уйг. I, 45, I4).

Второстепенные члены простого предложения

Под определением мы понимаем второстепенный член предложения, выражающий признак субстантивного понятия, передаваемого определяемым. Таким образом, под определением как членом предложения следует понимать приименное определение. В качестве определяемого выступает неглагольный субстантив - имя существительное или глагольная форма -мак, субстантивный характер которой выражен сильнее, чем у других функциональных форм глагола.

В функции определения могут использоваться: А) имена существительные и форма -мак, Б) имена прилагательные, В) имена числительные, Г) местоимения, Д) глагольные формы со значением признака действия (причастия). Таким образом, можно выделить две основные группы определений - именные (А - Г) и глагольные (Д).

А. Определение, выраженное именем существительным и формой -мак, представляет собой зависимый член словосочетания, традиционно называемого в тюркологии изафетом. Существует три типа изафета.

Изафет I. Первый компонент (определение) – в форме основного падежа, второй компонент (определяемое) никаких показателей не принимает; связь компонентов словосочетания обусловлена только позиционно. Определение в составе изафета I обозначает: вещество (а), занятие (б), пол (в), объект сравнения (г), меру (д), степень родства (е), имя собственное (ж), родовое понятие (з), характерный признак предмета (и), название (определяемое – носитель названия) (к), племенную принадлежность (л), потенциальное действие (определение – форма -мак) (м), субъект обладания (н).

а) Алтун өргүн 'Золотой трон' (ТС II, I), Тэмир казгук 'Железный кол' (ТТ УI, В 42).

б) Борлукчы эр 'Виноградарь' (КП 79, I). Капыгчы эр 'Привратник' (КП 66, I). Удчы эр 'Пастух' (КП 67, 6). Кэйикчи эр 'Охотник' (Уйг. Ш, 57, 3).

в) Уғл огул 'Сын' (Е 48, 9). Тиши киши 'Женщина' (Ман. Ш, 22, 7). Тиши тынлыг 'Женщина' (ТТ УП, 27, I3). Эркэк йунт 'Конь' (ТС II, 36). Эркэк базагу 'Бычок' (ТС II, 6I).

г) Тэңри мани бурхан 'Божественный (подобный небу) проповедник Мани' (Ман. I, 23, 2).

д) Бир бадыр айак 'Одна чаша вина' (Рах. I, I6). Йэти тутум талкан йэти танчу йигли бышыглы эт 'Семь горстей жареной муки, семь кусков сырого и вареного мяса' (ТТ УП, 24, 9).

е) Өгүм катун 'Моя мать – катун' (Кб 3I). Эчим тэгин 'Мой старший брат – принц' (КП 28, 8). Синлим кунчуй 'Моя младшая сестра – принцесса' (Кб 20). Эчүм алам бумын каган истэми каган 'Мои предки Бумын-каган и Истэми-каган' (Кб I).

ж) Макарач тамгачы 'Хранитель печати Макарач' (Кб 53). Озмыш тэгин 'Принц Озмыш' (МЧ 9). Бимбазари элиг бэг 'Правитель Бимбазари' (ТТ Х, 82).

з) Эр ат 'Мужское имя' (Кб 3I). Йол тэңри 'Бог судеб' (ТС II, 2). Боди сөгүт 'Дерево бодхи' (Хюэн 3I6). Артуч сөгүт 'Можжевеловое дерево' (ТТ I, I65). Йагак ығач 'Ореховое дерево' (ТС II, 86).

и) Эдгүлүк сув 'Океан добра' (СЗБ II2, I4).

к) Сумир таг 'Гора Сумеру' (ТТ IV, 54). Йэтигэн судур 'Сутра Йэтиген' (ТТ УП, 40, I35). Тардуш бодун 'Народ тардуш' (Кб I7). Токуз огуз бодун 'Народ токуз огузов' (Кб 44).

л) Түргэш каган 'Тюргешский каган' (Кб 53).

м) Бошунмак билиг 'Знание об освобождении' (Ман. Ш, 7, 6). Кутрулмак йол 'Путь спасения' (КП 52, I).

н) Ду каны эрдэнилиг балык орду 'Город и дворец, украшенный драгоценностями, царя драконов' (КП 39, 3).

Изафет II. Первый компонент – в форме основного падежа, второй компонент принимает аффикс принадлежности 3-го л. Определение обозначает: родовое понятие (а), причину или источник того, что выражено определяемым (б), событие, которое произошло в период времени, выражаемый определяемым (в), название народа или племени (г), потенциальное действие (д), субъект обладания (е), носителя признака (ж), целое (определяемое – часть целого) (з), субъект действия (и):

а) Тэнри йэри 'Страна богов' (Ман. I, I3, 6). Браман огушынта 'Из касты браманов' (Уйг. II, 35, 33). Кыз этүзинтэ 'Вобразе девушки' (ТТ УП, 52, I37). Кудуг суы 'Колодезная вода' (ТТ УП, 42, 7). Кайик оглы 'Молодая газель' (букв. 'детеныш газели') (ТС II, 68).

б) Амранмак низваны 'Страдания от любви' (ТТ X, 526). Кадыр йавлак кэйиклэр адасы 'Опасность, исходящая от хищных зверей' (СЗБ 325, 20). Өлүм каршысы 'Опасность смерти' (ТТ УП, 24, 7).

в) Өлүм күни 'День смерти' (Ман. Ш, II).

г) Он ок каганы 'Каган народа десяти стрел' ('родов') (Т I9). Он уйгур эли 'Союз десяти родов уйгуров' (ТТ IX, 90). Уйгур йэринтэ 'Из земли уйгуров' (Су I). Кыркыз оглы 'Сын кыргызов' (Су 2).

д) Азланмак сакынчын кэтэрип 'Отбросив алчные помыслы' (СЗБ 266, 20). Коркмак үркмэк көңүллэрин богурурлар 'Они унимают свое чувство страха' (СЗБ 291, 4).

е) Каным каган сүси 'Войско моего отца – кагана' (Кб I2). Алп эр оглы 'Сын богатыря' (ТС II, 84). Лулар каны кунчуйы 'Принцессы царя драконов' (КП 43, 4). Бэш тэнри йарукы 'Свет пяти богов' (Хуаст. I70). Бу битиг идиси 'Обладатель этого писания' (Ман. I, 2I, 0).

ж) Тай билгэ тутук наблакын үчүн 'Из-за низости Тай Билгэ-тутука' (МЧ I7).

в) Тнт сöгўт бутыкы 'Ветвь лиственницы' (ТТ I, I63).

и) Ол сув булгаки 'То волнение воды' (Ман. Ш, I0, II).

Изафет Ш. Первый компонент - в форме родительного падежа, второй компонент принимает аффикс принадлежности 3-го л. Аффикс принадлежности может отсутствовать, что часто наблюдается в руническях надписях. Определение обозначает: субъект обладания (а), носителя признака (б), целое (определяемое - часть целого) (в), субъект действия (г), объект действия (д).

а) Бу лабайның üни 'Звук этого рожка' (ТТ УП, 28, 30). Кайу кишиниң йылкысы 'Скот какого-либо человека' (ТТ УП, 27, I7). Üчüнчи эң кичиг оглының аты 'Имя третьего, самого младшего сына' (СЗБ 608, 4). Каганның ичрэки бэдизчи 'Придворные мастера кагана' (Км I2). Йэгин силиг бэгиң кэдимлиг торыг ат 'Оседланный гнедой конь Йэгин Силиг бека' (Кб 33).

б) Бу йэтигэн сударнуң йэгин адрук эшитип 'Услышав о достоинствах сутры йэтиген' (ТТ УП, 40, I35). Ол барсның ачын турукын эмгэкин толгакын тэтрü көрüп 'Ясно увидев муки и истощенность той тигрицы' (СЗБ 6I2, I4).

в) Эжük сöгүтнüң бутыкы 'Ветвь дерева Ашока' (Уйг. П, 24, 3).

г) Арсланларның йорыгын йоруп 'Идя поступью львов' (Уйг.I. 39, I).

д) Ном элигниң тэриң йöрüги 'Глубокое истолкование сутры (букв. 'предводителя учений')' (СЗБ 87, 2I).

Определение может быть выражено именем существительным в сочетании с аффиксом падежа или послелогом: Куйда кунчуйума адырылтым 'Я разлучился со своими принцессами, находящимися в покоях' (Е I0, I). Тэңри тэг тэңридэ болмыш түрк билгэ каган 'Подобный небу, рожденный на небе тюркский Бильге-каган' (Км I).

Б. Определение - имя прилагательное. Определение выражается качественными и относительными прилагательными. Качественные прилагательные (а) очень часто не имеют особых морфологических показателей, относительные прилагательные (б) всегда производные (образуются с помощью аффиксов -лыг, -сыз, -кы):

а) Көк линхуа 'Голубой лотос' (КП 38,I). Йашыл кайа 'Зеленая скала' (ТС П,78). Йаолак киши 'Плохие люди' (Кб 39) Эдгü кылынч 'Доброе деяние' (ТТ УI, 4I). Ачыг эмгэк 'Тяжелые страда-

ния' (Ман. I, 9). Узун сансар ичинтэ 'В долгой сансаре' (Уйг. Ш, 76, I5).

б) Прилагательные с аффиксом -лыг обозначают обладание тем, что выражено исходной основой: Кўдўг каган 'Знаменитый каган' (Кб 4). Алтун башлыг йылан 'Змея с золотой головой' (ТС II, I2). Йашлыг көз 'Слезящиеся глаза' (Уйг. Ш, 35, 34). Прилагательные с аффиксом -сыз обозначают отсутствие того, что выражено исходной основой: Билигсиз каган 'Неразумные каганы' (Кб 5). Бу өгсўз этўэтэ 'В этом неразумном теле' (Ман. I, 9, 2). Көзсўз киши 'Слепой человек' (КП 74, 5). Прилагательные с аффиксом -кы передают пространственные и временные значения: Табгачкы бегләр 'Беки, находящиеся в Китае' (Кб 7). Йайкы үч айларта 'В три летние месяца' (ТТ УП, 38, 4). Кышкы үч айларта 'В три зимние месяца' (ТТ УП, 38, 7).

В языке ПДТП аффикс -лыг очень часто указывает на атрибутивную связь компонентов словосочетания. Слово, оформленное аффиксом -лыг, соответствует первому компоненту изафета: Абамулуг улуг мэңгў нирван 'Великая вечная нирвана будды Абаму' (СЗБ 699, 24). Күмүшлўг отрук 'Серебряный остров' (КП 36, 5). Алтунлуг эрдинилиг чэчэк 'Золотой драгоценный цветок' (СЗБ 520, I). Тэмирлиг таг 'Железная гора' (Уйг. II, 25, 26). Өлўмлўг сакынч 'Мысль о смерти' (Ман. Ш, I9, 5). Йагышлыг тапыгымыз 'Наша служба, связанная с жертвоприношениями' (СЗБ 29, 8). Өкүнмэклиг өрт 'Огонь раскаяния' (Уйг. Ш, 5, I). Этўзи агрымаклыг игиг 'Недуг, связанный с болезнью тела' (Уйг. II, 68, I).

В современных тюркских языках отношения, передаваемые с помощью аффикса -лыг в приведенных примерах, обычно выражаются изафетными словосочетаниями. Таким образом, в языке ПДТП аффикс -лыг имел ярко выраженную синтаксическую функцию, являясь очень часто лишь средством указания на то, что исходная основа является определением. Отношение же компонентов такого словосочетания зависело от их семантики.

Определение может быть выражено прилагательным, сочетающимся с существительным или местоимением в дательном или местно-исходном падежах (с аблативным значением): Сизлэргэ тэгимлиг иш 'Дело, касающееся вас' (СЗБ 405, 3). Кишидэ адрук бэкрэк эр 'Че-

ловек (муж), отличный от других, более сильный, чем остальные люди' (КП 66, 5).

В. Определение - имя числительное. В качестве определения могут использоваться числительные количественные (а), порядковые (б), разделительные (в):

а) Бэш сүңүш 'Пять битв' (КЧ I7). Йэти бөри 'Семь волков' (Е II, I0). Алтмыш ат 'Шестьдесят лошадей' (Е 4I, 9).

б) Онунч ай 'Десятый месяц' (УСп 2I,I). Алтынч тегзинч 'Шестой свиток' (СЗБ 458, I4).

в) Үчэр ката 'По три раза' (Уйг. I, 29, I5). Бэшэр бакыр 'По пять бакыров' (Рах. II, 4, 25).

Г. Определение - местоимение. В качестве определения могут использоваться личные (а), указательные (б), выделительные (в), вопросительные (г), неопределенные (д) и обобщающие (е) местоимения:

а) Мэнин эвимтэ 'В моем доме' (ТТ I, прим. I60). Бизин кулагымыз 'Наши уши' (Ман. III, 26, 2) (Личное местоимение в позиции определения всегда оформляется аффиксом родительного падежа).

б) Бу ырк 'Это гадание' (ТС II, 89).

в) Кэнтү бодунум 'Мой собственный народ' (Кб 44). Өз тапынча 'По твоей собственной воле' (ТТ I, 6).

г) Нэ каганка 'Какому кагану' (Кб 9). Канйу киши 'Какой человек' (Ман. III, 20, 4).

д) Ким кайу киши 'Какой-либо человек' (СЗБ 478, I8).

е) Камуг ташларын 'Всех камней' (ТБ I2). Камаг адатын 'От всех опасностей' (ТТ I, I8I).

Д. Определение - причастие: Өдсүз өлүр тынлыглар 'Безвременно умирающие живые существа' (ТТ УI, 022). Көрүр көзүм 'Мои видящие глаза' (Кб 50). Бэш көзүнмэз тутулмаз йавлак билигляр 'Пять невидимых и неуловимых дурных знаний' (Ман. III, I9, I5). Йол йаңылмыш киши 'Человек, сбившийся с пути' (Уйг. III, 50, 7). Йаңы тогмыш ай тэнри 'Только что народившееся божество - месяц' (СЗБ 347, I5). Каганладук кагания 'Своего правившего кагана' (О 2). Бурсаң хуврагларның агзына киргү йэм ичим 'Пища и напитки, предназначенные для питания монашеской общины' (букв. 'ю-

торые должны войти в рот общины') (ТТ IУ, А 38). Аш бӱшэрдэчи от 'Огонь, на котором можно приготовить пищу' (букв. 'который может приготовить пищу') (ТТ УШ, М 22).

Прямое дополнение обозначает предмет в широком смысле этого слова, на который направлено действие или который является результатом действия. Прямое дополнение оформляется основным падежом имени, если слово, находящееся в позиции прямого дополнения, имеет отвлеченно-предметное значение или обозначает неопределенный предмет, и винительным падежом, если это слово обозначает определенный предмет.

В функции прямого дополнения используются слова с субстантивным значением, а также и субстантивные словосочетания. В зависимости от семантики прямого дополнения и глагола прямое дополнение может иметь ряд оттенков значения и обозначать: предмет, на который направлено действие и в котором не происходит никаких изменений (а), предмет, на который непосредственно направлено действие, вызывающее в нем изменения (б), предмет, который является результатом действия (в), внутренний объект действия, если слово в позиции прямого дополнения имеет ту же основу, что и глагол (г), предмет, на который направлено действие, со значением места (д):

а) Йылан кӱнтэ кыз ташкарсар йарашмаз 'Не годится отправлять невесту к жениху в день змеи' (ТТ УШ, 39, 6). Бу сӱг элт 'Веди это войско' (Т 32). Кӧк линхуа көргэй сиз 'Вы увидите голубой лотос' (КП 38, 2). Кичиг оглан йэл тартсар 'Если маленького мальчика поразит нечистая сила' (ТТ УШ, 27, 8). Онар эрка бир бир эр аның башы урты 'Для каждых десяти человек он назначил главой по одному человеку' (ТТ II, А 91). Сизни анча сэвэр мэн 'Так я Тебя люблю' (КП 6, 6).

б) Көңлӱңин өгрӱнчлӱг кылтыл 'Сделай радостным твое сердце' (ТТ I, 12). Йана нгачаг өртэйӱр 'Снова воспламеняет дерево' (Ман. I, 7, 3). Сӱсин анта ӧлӱртӱм 'Его войско я там уничтожил' (БК 26).

в) Чыт анта токытдым 'Я повелел возвести там стену (вал)' (МЧ 20). Кан олурупан орду йапмыш 'Хан, сев на престол, построил резиденцию' (ТС II, 41). Өргин анта йаратытдым 'Там я велел воздвигнуть трон' (МЧ 21).

г) Аб абласар 'Когда устраивали облавную охоту' (КЧ 9). Бизиңә ном номлаң 'Проповедуйте нам закон' (КП 49, 5). Йәмә йүкүнч йүкүнтиләр 'Они также поклонились' (Уйг. I, 6, I6). Миң йыл түмән күнки сакынч сакынурлар 'Они думают вечные думы (букв. тысячелетние, десятитысячедневные думы') (ТТ УІ, 3II).

д) Кара кумуг олурур эртимиз 'Мы жили в Кара-Куме' (Т 7). Аны субуг баралым 'Отправимся по реке Аны' (Т 27).

Косвенное дополнение представляет собой второстепенный член предложения, относящийся к глаголу и выражаемый всеми падежами, кроме основного и винительного, а также сочетанием имени с послелогом. По форме косвенное дополнение в языке ЦДТП, как и в современных тюркских языках, часто совпадает с различными типами обстоятельств. Различие между косвенным дополнением и обстоятельством в этом случае заключается в том, что косвенное дополнение передает объектные значения, а обстоятельство – обстоятельственные. Следует отметить, что иногда граница между косвенным дополнением и обстоятельством может быть проведена лишь условно. В функции косвенного дополнения используются слова с субстантивным значением и субстантивные словосочетания. В составе глагольного словосочетания косвенное дополнение является одним из видов зависимого члена. Косвенное дополнение может выражать различные объектные значения в зависимости от формы падежа, послелога, семантики косвенного дополнения и глагола. Ниже рассматриваются основные значения, передаваемые косвенным дополнением:

а) Объект, обозначающий лицо или предмет, на который направлено действие, выражается формами дательного падежа: Кагаңыма өтүнтүм 'Я обратился к моему кагану' (Т I2). Бу түрк бодунка йарыклыг йагыг кэлтүрмэдим 'К этому тюркскому народу я не приводил врагов, облаченных в кольчуги' (Т 54). Өтрү мэн йана оларка йалбару ынча тэп тэдим 'Затем я, снова умоляя их (букв. 'обращаясь к ним с мольбой'), так сказал' (СЗБ I0, II).

б) Объект, обозначающий лицо или предмет, в пользу или во вред которому совершается действие, выражается формой дательного падежа и сочетанием имени с послелогом тапа: Көк тәңиңин түркүмә бодунума казгану бэртим 'Их голубых белок я добыл для моих тюрок, для моего народа' (БК Х ъ, I2). Сизлэр мәниң эдгү-

лўг ишимкэ басоутчы болуңлар 'Будьте вы помощниками моему доброму делу' (Уйг. Ш, I4, I5). Тэңрикэ йазынып 'Погрешив перед богом' (Хуаст. I28). Өтўг савка йорыма 'Не иди наперекор просьбам' (ТТ I, 35). Эки отуз йашыма табгач тапа сўлэдим 'На двадцать втором году я ходил войной на табгачей' (БК 25).

в) Объект чувства выражается формой дательного падежа: Өгмишкэ йэмэ сэвинмэдин 'Не радуясь и похвале' (Уйг. Ш, 73, 2I). Мунча үкўш тынлыгка нэчэ ўз буз кылтымыз эрсэр 'Сколько бы мы ни питали ненависти к столь многим живым существам' (Хуаст.II3). Кин кэлигмэ өдтэки айыг йавыз түш бэргўсинэ артукрак корксэр бэлиңлэсэр 'Если они боятся возмездия в будущем' (С 93). Анын сэзиндим инимкэ 'Поэтому я подозревал своего младшего брата' (СЗБ 6I9, 4).

г) Объект мысли выражается сочетанием имени с послелогом тэгэрэ: Тавар тэгэрэ көрсэр 'Если загадают относительно имущества' (ТТ УП, 29, I5).

д) Реальный субъект действия при глаголах в форме понудительного залога, образованных от переходных основ, и глаголах в форме страдательного залога выражается формой дательного падежа и именем в сочетании с послелогом ўзэ: Согдак табгачка селэңэдэ бай балык йапыты бэртим 'Согдийцам и табгачам я дал приказ на берегу Селэнги построить город Байоалык' (МЧ 44) Тынлыг огланына бултурайын нирваның эң түпинтэ 'И наконец я заставлю людей достигнуть нирваны' (ТТ УП, 40, I42). Төрт түрлүг шымнуларка чалсыкмаз бастыкмаз 'Они не будут разбиты и подавлены четырьмя родами демонов' (ТТ У, В 29). Бу этўэ эрсэр сиңирин тамырын йөргэлмиш сөңүклэр улагы ўзэ тутузмыш ол 'Что касается этого тела, то оно сплетено жилами и сосудами и поддерживается соединением костей' (СЗБ 6I4, II).

е) Объект, обозначающий источник, выражается формами местно-исходного и исходного падежей: Тэңрим биз камаган ашнукы бурканларта эдгў ном бошгут күчлўг дарни болтумуз 'О боже, от прежних будд мы все получили хорошее учение - магическую формулу, обладающую силой' (ТТ УІ, 365). Тохры тылынтын түрк тылынча аттармыш майтришимит ном 'Сутра, переведенная с тохарского языка на тюркский язык, называемая Майтрисимит' (УСп 94, 9).

ж) Состояние, в котором субъект действия перестал находиться, выражается формами местно-исходного и исходного падежей: Төрт улуг эмгэктэ куртулалым 'Освободимся от четырех великих страданий' (Ман. II, II, 5). Багда бокагуда йэмэ ол тынлыг бошунур куртулур 'Те живые существа избавятся от оков' (Куан 40). Оларны барча биргэрү бэк чык эмгэклэриntин бошутуп 'Освободив их всех вместе от страшных страданий' (СЗБ II7, 22).

з) Объект, изолируемый от других аналогичных предметов, выражается именем в сочетании с послелогами адын, өңи 'кроме': Мунтада адын таку өңи аш ичкү йок 'Кроме же этого, другой пищи [у них] нет' (СЗБ 6I0, I6). Мунтадан өңи бэртин сыңар хоруг бурхан үнин эшиттим 'Кроме этого, я услышал глас бога Хоруг, доносящийся со стороны юга' (Ман. III, 23, 9).

и) Сопутствующий субъект действия выражается формами дательного и инструментального падежей и именем в сочетании с послелогом бирлэ: Чача сэңүнкэ сүңүшдүмүз 'Мы сразились с Чача-сенгуном' (Кб 32). Орту йэрлэ магака сокушмыш 'В середине пути он встретился со змеей' (ТС II, 74). Улуг эркин аз кынья эрин тэзип барды 'Великий иркин бежал только с немногими воинами' (Кб 45). Эдиз бирлэ сүңүшдүмүз 'Мы сразились с эдизами' (Кб 45).

Обстоятельство образа действия выражает качественную характеристику действия, способ совершения действия, признаки и действия, сопутствующие поясняемому действию, объект, с которым сравнивается действие. Обстоятельство образа действия выражается именем прилагательным (а), наречием (б), формами основного, инструментального и сравнительного падежей (в), именем в сочетании с послелогами (г), именем в сочетании с деепричастием болуп (д), именами числительными собирательными и разделительными (е), деепричастиями (ж):

а) Бунусуз улгатым 'Я вырос без горя' (Е 7, 2). Магат элдэки тынлыгларның иситөз коркынчларын калысыз таркарайын 'Рассею-ка я совершенно (букв. 'без остатка') опасения за свою жизнь живых существ в стране Магадха' (ТТ X, I29). Ол камышлыг арыгка таврак бартылар 'Они быстро поехали к той реке, поросшей камышом' (СЗБ 625, 6).

б) Ном ардиниг таврагы бититтигил 'Вели быстро переписать эту драгоценную книгу' (СЗБ I8, I9). Катыгты ба 'Крепко привязывай' (ТС II, I9). Ашын ичкӱсин тонын тонанғусын тӱкэти тэгӱрсэр 'Если он полностью предоставит ему пищу, питье и всякую одежду' (Уйг. II, I5, I3). Тавгач тылынтын икилэйӱ тӱрк тылынча актармыш 'Он снова перевел с китайского языка на тюркский' (Уйг. I, I4, 6).

в) Тӱпӱт ханка йалабач бардым 'Я ходил послом (в качестве посла) к тибетскому хану' (Е 29, 8). Тэркин муны санчылар бичиглэр 'Колите, режьте его быстрее' (Уйг. I, 43, 7). Улуг ӱнӱн маңрады 'Он закричал громким голосом' (Ман. I, 6, I0). Алтун куругсакымын кылычын касипэн 'Разрезав мое золотое чрево мечом' (ТС II, I2). Ӧртчэ кызып кэлти 'Они пришли, пламенея, как огонь' (Т 40).

г) От бирлэ кайындурмыш исиг сувуг йӱз сэкиз ката арвап чопунта кодуп 'Прочитав сто восемь раз заклинание над вскипяченной на огне горячей водой и вылив ее в сосуд для омовения' (СЗБ 478, 4). Бириси урук ӱзэ бойунумын бады 'Один из них обвязал веревкой мою шею' (СЗБ 7, I9). Рахшалэр тэг катыг ӱнин кыкыра тэгирмилэйӱ авлайурлар 'Они собираются вокруг, крича громкими голосами наподобие демонов' (Уйг. IУ, С 90). Йэл тэг таврак йӱгӱрӱп 'Побежав быстро, словно ветер' (ТТ X, 295).

д) Элтин элкэ тынчы пахуайчы болуп йорыдым эрсэр 'Если я ходил из страны в страну в качестве лазутчика' (Уйг. II, 78,37).

е) Ӱчэгӱн кабышып сӱлэлим 'Объединившись втроем, отправимся в поход' (Т 2I). Бирэр бирэр адакын бап кэмгинип йӱнин кыркарлар 'Связав ноги у каждой [овцы], в отдельности, ее бросают [на землю] и стригут шерсть' (Ман. III, 33, 3).

ж) Йарукы йалтрыйу карарыгыг алку кэтэрти 'И его свет, засияв, полностью прогнал мрак' (ТТ УI, 422). Колулап тыңлагыл 'Ты выслушай, внимательно вдумываясь' (Уйг. III, 79, 9). Йайлыг тагыма агыпан йайлайур мэн 'Я провожу лето, поднимаясь на свое летнее пастбище в горы' (ТС II, 96). Коркматын аймаматын олурур 'Он сидит, не испытывая страха' (ТТ X, 338).

Обстоятельство места указывает на то, где совершается действие или проявляется признак (1), куда направлено действие (2), откуда исходит действие (3).

1. Место, где совершается действие или проявляется признак, выражается формой дательного падежа (а), формой местного падежа (б), формой инструментального падежа (в), именем в сочетании с послелогом (г), наречием (д):

а) Күнәшкә олурур ол 'Он находится на солнце' (ТС II, 88).

б) Агылыңта йылкың болзун 'Да будет у тебя скот в твоем загоне' (ТС II, 71). Йиртинчүтәки тынлыглар йинтәм нирвантә тогәунлар 'Пусть находящиеся в мире существа постоянно возрождаются в состоянии нирваны' (ТТ III, 167).

в) Ол йолын йорысар унч 'Той дорогой идти можно' (Т 24).

г) Талуй ичинтә йокадты 'Они погибли в океане' (КП 53,8). Алтун өргин үзә олурупан 'Сидя на золотом троне' (ТС II,1). Кэндик алтын мән болсар 'Если родинка будет под пупком' (УСп 42, 6).

д) Йай анта йайладым 'Там я провел лето' (МЧ 20).

2. Место, куда направлено действие; выражается формой дательного падежа (а), формой дательно-направительного падежа (б), формой местного падежа (в), сочетанием имени с послелогом (г), наречием (д):

а) Ырак балыкка барыр 'Пойдет в далекий город' (ТТ УП,34, 3). Эсри мәра йалым кайака өңүп бармыш 'Пестрая земя поднялась на крутую скалу' (ТС II, 75).

б) Тәнрилигинтәрү барды 'Он пошел по направлению к храму' (Ман. I, 33, 15). Тәнри йәринәрү капагын ачты 'Он открыл врата в страну богов' (Ман. I, 13, 6).

в) Сән нәлүг кәлтиң бизинтә 'Почему ты пришел к нам?' (Ман. I, 33, 20). Йәрдә камылты 'Он упал на землю' (Уйг. III, 60, 7). Химавант таг кысылынтә кирип барды 'Он вошел в ущелье горы Химавант' (Уйг. II, 26, 3).

г) Алтунлуг өргин үзә олурты 'Он сел на свой украшенный золотом трон' (ТТ II, А 68). Өтрү тәгин балык ичинә кирти 'Затем принц вошел в город'(КП 41, 7). Сув кум алына илинсәр 'Если вода задержится под песком' (ТТ I, прим. 130). Тәмир капыгка тәги әртимиз 'Мы преследовали [их] до Темир-Капыга' (Т 45).

д) Илгәрү шантун йазнка тәги сүләдим 'Вперед (на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины' (Км 3). Таңы ичкәрү киртилэр 'Затем они вошли внутрь' (СЗБ 609, 15). Балын

йокару көтүрүп 'Подняв голову вверх' (Ман. I, 6, I).

3. Место, откуда исходит действие, выражается формой местно-исходного падежа (а), формой исходного падежа (б), именем в сочетании с послелогом (в), наречием (г):

а) Кыркызда йантымыз 'Мы вернулись от кыргызов' (Т 29). Куруг кайата суу акар 'Из-под сухой скалы потечет вода' (ТТ УП, 29, I3).

б) Эдиз орунларынтын ордуларынтын тайсарлар 'Если они ниспровергаются со своих высоких тронов' (ТТ I, прим.46). Огуздантан коруг келти 'От огузов пришел лазутчик' (Т 8).

в) Күн ортуда сынар йэл турсар 'Если поднимется ветер с юга' (Ман. Ш, IO, 8).

г) Өзгэн йагмур өдинчэ үстүрти коды төкүлүр 'Переменчивый дождь будет литься в свое время сверху вниз' (Уйг. I, 26, I5).

Обстоятельство времени указывает на определенный момент или отрезок времени без указания на начало или конец времени или продолжительность протекания действия (I), на продолжительность времени совершения действия (2), на начало времени действия (3), на конец времени протекания действия (4).

I. Определенный момент протекания действия выражается формой основного падежа (а), формой дательного падежа (б), формой местного падежа (в), формой инструментального падежа (г), именем в сочетании с послелогом (д), наречием (е), деепричастиями (ж):

а) Түн улысымым келмэди 'Ночью не приходил мой сон' (Т I2). Эртэ күн таврак буйан кыл 'Утром побыстрее совершай благодеяние' (ТТ I, I7I). Ду күн йэник болуп йунд күнтэ инч болур 'В день дракона станет легко, а в день лошади [все] успокоится' (ТТ УП, 25, 2I).

б) Анчып баро йылка чик тапа йорыдым 'После этого в год тигра я пошел в поход против чиков' (МЧ I9). Үч йэтирмикэ йиртэ көзүнүр 'Покажется в тринадцатый день на рассвете' (ТТ УП, I, 22).

в) Йылан күнтэ кыз ташкарсар йарашмаз 'Не годится отправлять невесту в день змеи' (ТТ УП, 39, 6). Кырк йашта атка тагдэчи 'Он достигнет известности в сорок лет' (ТТ УП, I7, 24).

г) Анчып ол йыл күзүн илгәрү йорыдым 'Затем осенью того же года я двинулся на восток' (МЧ 20). Күн орту бүдүн орту күн йыңак йүзләнип 'В полуденное время, повернувшись в южном направлении' (ТТ У, А 88). Кышын кытань тапа сүләдим 'Зимой я выступил с войском против киданей' (БК Ха 2). Йайын сүләдим 'Я выступил с войском летом' (БК 39).

д) Әби он күн өңрә үркүп бармыш 'Его семейство за десять дней до того испугалось и бежало' (МЧ 31). Аш кылу түкәтмиштә кин он күн әртмәз кинә 'Не прошло после совершения свадебного пира еще и десяти дней' (СЗБ 4, 15).

е) Ашнуча йарашурин йарашмазын эдгүсин йавлакын айытмагулук ол 'Прежде следует спросить, подходящий или неподходящий, хороший или плохой' (УСп 58, 18). Амты өлтүм 'Теперь я умер' (Су 8). Анта тәркин кан сарыгың отын эмләмиш кәргәк 'Тогда нужно быстро лечить лекарствами от крови и желчи' (Рах. II, 3, 130).

ж) Мунча сөзләп өнүп барды 'Сказав так, он отправился' (Хюэн 81). Ат үзә бинтүрә карыг сөкдүм 'Приказав сесть на коней, я проложил дорогу через снег' (Т 25). Катын уныйур әркән әртиңү йавыз түл түшәди 'Когда она спала, она увидела очень плохой сон' (СЗБ 20, 17). Күн тогуру сүңүшдүм 'Я сразился при восходе солнца' (букв. 'когда восходило солнце') (МЧ 13).

2. Продолжительность времени совершения действия выражается формой основного падежа (а), формой дательного падежа (б):

а) Он уйгур токуз огуз үзә йүз йыл олуруп 'Властвуя над онуйгурами и токуз огузами сто лет' (МЧ 3).

б) Бир йылка бәш йолы сүңүшдүмүз 'В один год мы сражались пять раз' (Кб 44).

3. Начало времени действия выражается именем в сочетании с послелогом бәрү (а) и деепричастием (б):

а) Өгүм каным сөндә бәрү мәни сәвмәз эрти 'Моя мать и мой отец с давних пор не любили меня' (КП 56, 7). Илкисидә бәрү ол айыг кылынч йок 'С давних пор нет таких тяжких грехов' (ТТ IУ, А 23).

б) Йыллар айлар эртгәли үр кәч болты 'Давно прошли годы и месяцы' (букв. 'с тех пор как прошли годы и месяцы, много времени') (Хюэн 25).

4. Конец времени протекания действия выражается именем в сочетании с послелогом тәги (а) и деепричастием -гинча (б):

а) Бүкүн күнкэ тэги могочлар отка тапынмак тылтагы бу эрүр 'Вплоть до сегодняшнего дня это является причиной поклонения магов огню' (Уйг. I, 9, 5).

б) Каты кэртгүнчлүг болмагынча онаргалы болмаз 'Пока не будет твердо верующим, нельзя будет исправить [его]' (Хюэн,прим. 1870).

Обстоятельство цели обозначает цель, с какой совершается действие, и выражается формой дательного падежа (а), именем в сочетании с послелогом үчүн (б) и деепричастиями -у и -галы (в).

а) Чыгань эр огли казганчка бармыш 'Сын бедняка отправился на заработки' (ТС II, 45). Өнтүн кэдин сатыгка йулугка барсар бай болур 'Если кто пойдет на восток и запад для торговли, он станет богатым' (КП I3, 8). Ташкару илинчүкэ атлантурты эрти 'Его отправили на прогулку за город' (КП I, I). Илинчүкэ барты 'Он отправился на прогулку' (СЗБ 608, 8).

б) Карацку карарыгыг таркаргу үчүн тэгзинү йорыр '[Солнце] обходит [материки], чтобы рассеять мрак и тьму' (Хюэн I85). Ким өзүтин үчүн эдгү уруг сачсар 'Если кто разбрасывает хорошие зерна ради своей души' (Ман. III, II, I4).

в) Тоган өгүз кушы кушлайу бармыш 'Сокол отправился охотиться на речных птиц' (ТС II, 65).

Бир өдүн кийэ арукын тынтургалы йатды 'На один момент он прилег, чтобы прошла его усталость' (Уйг. III, 88, 8).

Обстоятельство причины обозначает причину действия и выражается формой дательного падежа (а), формами местно-исходного и исходного падежей (б), формой инструментального падежа (в), именем в сочетании с послелогами үчүн и үзэ (г):

а) Эл улуш ыракыца эдгү савын эшидгэли болмаз биз 'Из-за отдаленности [наших] стран мы не можем слышать хороших вестей' (Хюэн I870).

б) Бурханның йэмэ күчинтэ күсүнинтэ магат улуштакы калгулары калысыз тарыкзун кэтзүн 'Благодаря могуществу будд пусть без остатка рассеются и пройдут печали страны Магадха' (ТТ X, 246).

Булар ичин карышмактын үкүш иглэр төрчиүр 'От столкновения их друг с другом возникают многочисленные болезни' (СЗБ 366, 7).

в) Өз иcиг өзүмкэ коркынчын муна мэн сэни өлүрүр мэн 'Из-за страха за свою собственную жизнь я тебя убью' (Уйг. III, 64, 6). Түн күн сэни умунуп саңа амранмакын өлүр мэн 'Ночью и днем, надеясь на тебя, из-за любви к тебе я умираю' (Уйг. III, 82, 28).

г) Кара бодун кэнүнүң кутсузы үлүгсүзи үчүн йок чыгай болур 'Из-за того, что сам простой народ несчастен, он становится бедным' (ТТ VI, I2). Тай билгэ тутук йаблакын үчүн бир эки атлыг йаблакын үчүн кара бодунум өлтүң 'Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых людей ты, мой простой народ, погиб' (МЧ I7). Өвкэ низваны үзэ кутуруп өгсүз көңүлсүз эртилэр 'Придя в бешенство, из-за расположенности к раздражению, они потеряли рассудок и лишились чувств' (ТТ III, 30).

Обстоятельство меры и степени обозначает мэру и степень совершения действия и выражается именем числительным количественным (а), сочетанием имени числительного количественного с именем существительным со значением меры и количества (б):

а) Камагы бэш отуз сүлэдимиз 'Всего мы ходили в поход двадцать пять раз' (Кб I8). Аңайу йана үч миң йүкүнтилэр 'Они покаялись еще три тысячи раз' (Хюэн, прим. I859).

б) Бу ном битигиг үч ката окызун 'Эту книгу пусть прочитают три раза' (УСп 58, 22). Бир йылка бэш йолы сүңүшдүмүз 'В один год мы сражались пять раз' (Кб 44).

Обстоятельство условия обозначает условие, при котором совершается действие, и выражается формой -сар: Усар иди йоккынаймм 'Если сможем, уничтожим правителя' (Т II). Сув тамыры курысар йаш йавшыгу курнйур 'Если засохнет канал, засохнут зеленые листья' (ТТ I, 55).

Развернутые члены предложения

В языке ПДТП, начиная с наиболее древних, рунических, памятников используется развитая система развернутых членов предложения. В тюркологических исследованиях конструкции, для которых мы применяем термин "развернутые члены предложения", называются по-разному: придаточными предложениями, зависимыми трансформами.[3] Мы употребляем термин "развернутые члены пред-

---

3 Севортян Э.В. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. – ИСТИ, III,

ложения" по двум причинам: во-первых, он позволяет лучше подчеркнуть отличие данного типа конструкций от придаточных предложений в индоевропейских языках, во-вторых, этот термин имеет длительную традицию в тюркологии.

Под развернутым членом предложения мы понимаем глагольную форму, имеющую собственный субъект действия. Развернутый член предложения образует дополнительный центр предикации, что и отличает его от простого члена предложения, выраженного глагольной формой. Под развернутым членом предложения мы понимаем не только те глагольные формы, субъект действия которых выражен внешними средствами - отдельным словом или аффиксом принадлежности при глагольной форме (как это имеет место в зависимых трансформах), но также и глагольные формы, субъект действия которых не выражен внешними средствами.

Структура развернутых членов предложения совпадает со структурой придаточного предложения. Однако между развернутыми членами предложения и придаточными предложениями есть и определенные различия в способах выражения предикатной части и в некоторых случаях субъектной части дополнительного центра предикации, образуемого развернутым членом предложения и придаточным предложением. В придаточном предложении субъектная и предикатная части выражаются теми же средствами, что подлежащее и сказуемое самостоятельного предложения. В развернутом члене предложения предикатная часть выражается формами -р (1), -мыш (2), -дук (3), -йук (4), -гу (5), -сик (6), -гулук (7), -гма (8), -мак (9) и деепричастиями (10). В отличие от сказуемого придаточного предложения предикатная часть не может выражаться сочетанием глагольной формы с предикативными показателями и глагольными формами -ды, -гай, -дачы. В то же время предикатная часть иногда выражается деепричастиями, которые не могут выступать в функции сказуемого придаточного предложения.

с.122-134; Г р у н и н а З.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. - ИСТЯ, Ш, с.135-163; Е с е н о в Х.М. Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке. - Адл. Алма-Ата, 1975, с.34-42; Г а д ж и е в а Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с.235-334.

Субъектная часть развернутого члена предложения может обозначаться косвенно: на субъект действия указывает аффикс принадлежности при имени, определяемом развернутым членом, или определение при этом имени, выраженное другим именем в родительном падеже.

1. Бу мәниң сәвәр амрак этӱзӱмин титәр мән йдалайур мән 'Я отказываюсь от этого моего любимого тела' (букв. 'тела, которое я люблю') (СЗБ 6I6, I). Ичкәрӱлӱг эдгӱ йәмишиг кушлар артатыр ӱчӱн туркару кынка тәгинӱр мән 'Из-за того, что птицы портят хорошие плоды в дворцовом саду, я все время подвергаюсь наказаниям' (КП 72, 7).

2. Сӧзләмиш савың тӱтӱшлӱг 'Сказанные тобой слова враждебны' (ТТ I, 37). *Ол суғнуң индин кыдығыңа кәчмишин тӱшәйӱр* эрсәр 'Если он увидит во сне, что перебрался на другой берег той реки' (СЗБ 76, I). Бу кишиниң улугаду йашы кәлмиштә эдгӱ көрӱр 'Когда этот человек вырастет и будет в летах, он увидит добро' (ТТ УП, 28, 32).

3. *Каганым бән өзӱм билгә тоньукук* ӧтӱнтӱк ӧтӱнчӱмин эшитӱ бәрти 'Мой каган выслушал просьбу, изложенную мной самим, мудрым Тоньюкуком' (Т I5). Он чахшапыт тутдукумузта бәрӱ . . . тӱкәти тутмак кәргәк эрти 'С тех пор как мы стали исполнять десять обетов, их надо было исполнять полностью' (Хуаст. I48). Казгантукын ӱчӱн удуг өзӱм казгантукум ӱчӱн эл йәмә эл болты бодун йәмә бодун болты 'Так как он приобретал, так как я сам приобретал, и племенной союз стал племенным союзом, и народ стал народом' (Т 55).

4. Кылмайук айыг кылынчларыг икиләйӱ таҳы кылмаз мән 'Грехи, которые я не совершил, я не совершу и впредь' (СЗБ I38, 3). Тәңрикә йагыш айык бәрмәйӱккә башын көзин агрытур 'Когда кто-нибудь не приносит божеству жертвы и не блюдет обетов, это причиняет ему боль в голове и глазах' (ТТ УП, 25, I).

5. Йана элтӱ баргу йантут билиг колты 'Он попросил еще ответное письмо, которое надо было отнести' (Хюэн I857). Куткаргу тынлыгларыг таптукта котмадын камыгуны куткартыңыз 'Когда Ты нашел живые существа, которых надо было спасти, Ты всех их спас без исключения' (Ман. Щ, 47, I). Сәниң балыктакы иг тога кәтгӱси йок 'Не исчезнут в твоем городе болезни' (Уйг. I, 45, 4).

6. Вусалти олурсук төрү бар эрти 'Был закон о том, как следует соблюдать пост' (Хуаст. 175).

7. Бу адатын озгулук йолуң орукуң көзүнмэз 'Не видно путей спасения для тебя от этого бедствия' (букв. 'путей, на которых ты мог бы спастись') (ТТ I, 20). Нэң мэниң ишлэгүдүк ишим ишлэгүдүк өдтө йайылмасун 'Пусть мои дела, которые мне следует делать, не рассеиваются в то время, когда их следует делать' (ТТ УШ, Е 42).

8. Алку йок куруг элиг тэгмэ эрунке тэгдилэр 'Все достигли места, которое называют "властелин пустоты"' (ТТ УI, 425).

9. Мунуң экин арасынта арыг тогум ажуңуг булмакы тапмакы болур 'Между этими двумя жизнями он сможет получить жизнь с благородным рождением' (Уйг. II, 36, 43). Йэмэ адынатука бошгут бодгурмакын сэвэр 'Он также любит обучать других' (Ман. Ш, 21, 2). Булар ичин карышмактын ўкўш иглэр төрчийўр 'От столкновения их друг с другом возникают многочисленные болезни' (СЗБ 366, 7).

10. Эки йаңыка күн тогуру сўңўшдүм 'Второго числа на восходе солнца (букв. 'когда восходило солнце') я сразился' (МЧ I3). Култэгин эбиг башлайу кытымыз 'Мы отпустили Юль-Тегина, чтобы он начальствовал дома' (Кб 48). Калты балык капагда слурур эркэн кан удчысы бэш йўз уд сўрэ өдтө 'Когда он сидел у ворот города, вышел пастух хана, гоня пятьсот коров' (КП 64, 7). Кэчэ йарук батур эрикли сўңўшдўм 'Вечером на закате солнца (букв. 'когда заходило солнце') я сразился' (МЧ I3). Эринч тиши барс энўклэгэлк йэти күн болмыш 'С тех пор как эта несчастная тигрица родила детеныша, прошло семь дней' (СЗБ 610, 2). Тамутаку өрт йалын таку өнмэзкэн өртлўг йалынларта таку аганмазкан өкўнэлим 'Покаемся, пока не поднялось адское пламя и не сверглись мы в огненное пламя' (Уйг. II, 67, 62).

Глагольная форма, образующая дополнительный член предикации, выступает в предложении в функции подлежащего (1), дополнения или обстоятельства (2) приименного определения (3):

1. Глагольная форма - подлежащее. Субъект действия выражается именем и/или аффиксом принадлежности при глагольной форме: Мэниң йэмэ киши этўз болмышы йоклук болсун 'И также пусть прекратится мое существование в виде человеческого тела' (Уйг. Ш, 33, 17). Улуг нирванны булмакы болур 'Он достигнет ве-

ликой нирваны' (букв.'будет его достижение великой нирваны') (Уйг. II, 46, 59). Сенің балыктаку ит тога кэтгүси йок 'Не исчезнут в твоем городе болезни' (Уйг. I, 45, 4).

2. Глагольная форма - дополнение или обстоятельство. Глагольная форма выступает в функции дополнительного центра предикации, если ее субъект действия не совпадает с подлежащим предложения (а) или совпадает с ним, но выражается аффиксом принадлежности при глагольной форме (б). Субъект действия представлен именем в основном падеже и соответствующим аффиксом принадлежности при глагольной форме или только аффиксом принадлежности при глагольной форме:

а) Ол кан йок болтукда кэсрэ эл йитмиш ычгынмыш качышмыш 'После смерти того хана'(букв.'после того как тот хан умер'), люди, входившие в племенной союз, исчезли, разбежались' (О I). Тэнри йарлыкадукын үчүн каган олуртум 'Так как небо соблаговолило, я сел каганом' (Км 9). Казгантукын үчүн удуг өзүм казгантукум үчүн эл йэмэ эл болты бодун йэмэ бодун болты 'Так как он приобретал, так как я сам приобретал, и племенной союз стал племенным союзом, и народ стал народом' (Т 55).

б) Билмэз билигин билтүкимин өдүкимин бунча битиг битидим 'Знания, которые не знает [народ], то, что я знал, то, над чем размышлял, я так написал ' (КЧ 28). Сэбдүкимин йэйүр мэн 'Я ем мое любимое' (букв.'то, что я люблю') (ТС II, 5).

3. Глагольная форма - приименное определение. Глагольная форма в функции определения образует дополнительный центр предикации, если ее субъект действия не совпадает с определяемым. Субъект действия выражается именем в основном падеже (а). На субъект действия может указывать имя в родительном падеже, выступающее в качестве определения к имени, определяемому глагольной формой, и соответствующий аффикс принадлежности при определяемом (б). Если имя - личное местоимение, оно может опускаться. Субъект действия не выражается внешними средствами (отдельным словом или аффиксом принадлежности при определяемом), если на него указывает контекст (в), если действие приписывается неопределенным лицам (г), если глагольная форма выражает объективную возможность или долженствование (д):

а) Тэнри унамадук абынчу катун болзун 'Пусть неуголная богу наперсница станет госпожой' (ТС II, 57). Байатын бэрүки сиз-

лэр өтүнмиш түшкэ утлыка тэгтэйлэр 'Они достигнут того благополучия, о котором с недавних пор вы просили' (СЗБ 473, 7).

б) Бу мэниң өтүтүмин йоксуз куруг кылмаң 'Эту высказанную мной просьбу не делай тщетной и пустой' (Уйг. I, 31, 7). Кылмыш ишиң йагылыг 'Совершенные тобой дела враждебны' (ТТ I, 37).

в) Курыгару барытма бардыг бардук йэрдэ эдгүг ол эринч 'Ты много ходил на запад. Там, где ты ходил, вот что ты видел хорошего' (букв. 'твое хорошее было этим') (Кб 24).

г) Кызыг ташкармыш күнтэ бу ном битигиг үч ката окысун 'В день, когда отправляют невесту, эту книгу пусть прочтут три раза' (УСп 58, 22).

д) Адыртлагулук белгү бар 'Есть примета, по которой различают' (могут различить) (ТТ I, 71). Куткаргу тынлыгларыг таптүкта котмадын камыгуны куткартынз 'Когда Ты нашел живые существа, которых надо было спасти, Ты всех их спас без исключения' (Т III, 61).

В историческом плане развернутые члены предложения ("зависимые трансформы") исследованы Н.З.Гаджиевой.[4] По ее мнению, зависимые трансформы явились результатом преобразования ранее самостоятельных предложений, причем зависимые трансформы возникли относительно недавно. Н.З.Гаджиева пишет: "Процесс трансформации, хронологически совпадающий с процессом развития сложного предложения, связан с развитием письменной речи".[5] Между тем уже в древнейших тюркоязычных памятниках мы находим вполне сложившуюся систему развернутых членов предложения, которая, несомненно, сформировалась задолго до создания первых письменных памятников. Материал ряда современных тюркских языков убедительно свидетельствует о том, что нельзя связывать появление зависимых трансформ с развитием письменной речи. Письменный якутский язык сформировался фактически только после Октябрьской социалистической революции, хотя попытки создания письменного якутского языка относятся к началу XIX в. (количество грамотных до Октябрьской революции было столь незначительно, что говорить о существовании письменного якутского языка в дореволю-

---

[4] Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с.207-334.

[5] Там же, с.396.

ционный период нельзя). Между тем уже в середине XIX в., как показывают исследования О.Бётлингка,[6] система развернутых членов предложения (включая и зависимые трансформы) была вполне развита в якутском языке и имела такой же характер, что и в современном якутском литературном языке. Сказанное полностью относится и к тувинскому языку. В тувинском языке уже в конце XIX в. система развернутых членов предложения сложилась полностью[7] и не отличалась от системы развернутых членов в современном тувинском литературном языке. До Октябрьской революции тувинский язык не был письменным.

Таким образом, система развернутых членов предложения, включая зависимые трансформы, сложилась в тюркских языках в очень отдаленную эпоху. Процесс ее формирования нельзя связывать с развитием письменной речи. Сопоставление языка древнейших памятников с данными современных тюркских языков позволяет сделать вывод о том, что развернутые члены предложения – очень устойчивая синтаксическая структура. В современных тюркских языках мы находим ту же систему развернутых членов предложения, что и в древнетюркских памятниках. При этом субъект действия развернутого члена предложения выражается теми же средствами.

Однородные члены предложения

Для характеристики однородных членов предложения в агглютинативных языках целесообразно использовать термин "замкнутые и незамкнутые ряды однородных членов".[8] Два однородных члена, связанных соединительным союзом, или сочетание нескольких однородных членов, в котором два последних связаны соединительным союзом, образуют замкнутый ряд. Замкнутый ряд образуют и однородные члены предложения, соединенные противительным или одиночным разделительным союзом. Замкнутые ряды не могут до-

---

[6] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, I–II, СПб., 1848–1851, S.372–390.

[7] Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, с.909–933.

[8] Майтинская К.Е. Венгерский язык, ч.Ш. М., 1960, с.231–232.

полняться другими однородными членами. Незамкнутые ряды однородных членов образуются однородными членами, либо не связанными союзами, либо связанными повторяющимися соединительными или разделительными союзами.

В языке ПДТП однородные члены обычно образуют незамкнутые ряды. Однородные члены чаще всего соединяются без помощи союзов. Собственно соединительные союзы, т.е. слова, единственная функция которых заключается в соединении однородных членов, в языке ПДТП отсутствуют. В языке ПДТП, как правило, аффикс падежа повторяется при каждом из однородных членов. В современных тюркских языках аффикс падежа часто опускается при всех однородных членах, кроме последнего, если на каждом из них не сохраняется логический акцент. Данное явление можно объяснить тем, что в языке ПДТП связь определения, выраженного именем существительным с именным определяемым (изафет), в ряде случаев не выражается внешне, посредством каких-либо морфологических показателей. Два имени существительных или два субстантивных словосочетания, непосредственно примыкающие друг к другу, могут находиться как в сочинительной, так и в подчинительной связи, если первый компонент не имеет аффикса родительного падежа. Тенденция к выражению различных значений различными формальными средствами и делает необходимым повторение одинаковых падежных аффиксов при каждом из однородных членов. Повторение одинаковых падежных аффиксов является средством выражения сочинительной связи формальными средствами. В дальнейшем в тюркских языках связь в изафете стала выражаться более широко внешними средствами - аффиксом родительного падежа при определении. Необходимость в повторении одинаковых падежных аффиксов при каждом однородном члене поэтому отпала, а тенденция к экономии языковых средств привела к тому, что одинаковые падежные аффиксы при однородных членах, кроме последнего, стали опускаться.

В языке ПДТП однородные члены, выражаемые существительными и (реже) прилагательными, часто оформляются посредством аффикса -лы. Аффикс -лы используется, если необходимо подчеркнуть тесную связь между однородными членами. Большей частью аффиксом -лы оформляются однородные члены, выражаемые словами-антонимами, часто сопоставляемыми в речи: Тэнрили йэрли Небо

и земля', тэнрили йэкли 'Боги и демоны', йаруклы каралы 'Свет и тьма', күнли айлы 'Солнце и луна', эдгүли айыглы 'Хорошие и дурные', отлы сувлы тэг 'Подобно огню и воде', инили эчили 'Младшие братья и старшие братья'. Широкое употребление аффикса -лы можно объяснить тем, что он являлся средством формального различения между сочетанием однородных членов и атрибутивным словосочетанием, т.е. был формальным средством выражения сочинительной связи.

В языке ПДТП можно отметить следующие виды однородных членов предложения.

Однородные подлежащие: Оглы йутузы коп өгирэр 'Сын его и жена премного радуются' (ТС II, 44). Йаруклы каралы калты катылмыш 'Как смешались свет и тьма' (Хуаст. I35). Бу йэрли тэнрили кэң алкыг 'Эта земля и это небо обширны' (ТТ УI, 24I). Адыглы тоңузлы арт үзэ сокушмыш 'Медведь и кабан встретились на перевале' (ТС II, I0).

Однородные сказуемые: Өпиштн кучуштн иглаштн 'Они поцеловались, обнялись и заплакали' (КП 52, 8). Бу мунча түрлүг йавлак билиг алку алкынур сөңэр амрылур 'Вот такие различные дурные знания все исчезнут, прекратятся, успокоятся' (ТТ УI, 75). Өлүрүр тэрисин сүрэр кан өгүз акытар '[Люди] убивают [животных], сдирают с них шкуры, проливают кровь рекой' (КП 3, 4).

Однородные определения: Йогурунчсуз улуг өң көртүкүг йогуруп 'Пройдя через непреодолимую, огромную, снежную лавину' (ТТ УI, прим. II5). Улуг кичиг камаг бодун той капыгына тэги бардылар 'Большой и малый, весь народ дошел до ворот [города]' (ТТ II, А 65). Учсуз кидыгсыз үлгүсуз буйан эдгү кылынч 'Бесконечное, безмерное, благодатное, доброе деяние' (СЗБ 584, I2). Эдгүли айыглы номларыг чыгарып адыртлап 'Различая хорошие и дурные дармы' (ТТ У, В 77).

Однородные дополнения: Эбин баркын йылкысын йулмадым 'Их жилища и табуны я не захватил' (МЧ I4). Тэнридэки күнкэ йэрдэки элимкэ бөкмэдим 'Находящимся на небе солнцем и жизнью с моим племенным союзом на земле я не насладился' (Е 7, 3). Бурканка номка бурсаң динтарларка йаздым йаңылтым эрсэр 'Если я грешил против будды, учения и благочестивых проповедников' (Уйг. II, 77, I6). Элкэ канка бэгкэ имикэ йэринүр бөкилэүр 'Он выражает недовольство государством, ханом, бека женой бека' (ТТ УI, I8).

Однородные обстоятельства: Үстүнтэн калыктан үн кэлти 'Сверху, с неба, донел один звук' (Ман. III, 23, 4). Отлы сувлы тэг түтүшлүг болурлар 'Все они становятся враждебными, как огонь и вода' (ТТ УІ, 64). Тай билгэ тутук йаблакын үчүн бир эки атлыг йаблакын үчүн кара бодунум өлтүн 'Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых людей, ты, мой простой народ, погиб' (МЧ І7). Күн йэмэ түн йэмэ йалу бардымыз 'Мы мчались и днем и ночью' (Т 27). Йыглайу йалвару өкүнү бошуну кшанти өтүнтилэр 'Плача, умоляя и раскаиваясь, они обратились с покаянием' (ТТ ІУ, А І4). Йырыг тарлайу эсиркэйү йыглайу тэгрэ толы турурлар эрти 'Восхищаясь песней, сочувствуя и плача, они толпились вокруг' (КП 7І, 4).

Из современных тюркских языков аналогичный способ оформления однородных членов предложения используется в якутском языке, где одинаковые падежные аффиксы повторяются при каждом из однородных членов, а однородные члены предложения, тесно связанные по смыслу, могут соединяться с помощью аффикса -лаах, соответствующего аффиксу -лы в языке ПДТП.[9] Аффикс -лаах употребляется для оформления однородных членов предложения, обозначающих понятия, часто сопоставляемые или противопоставляемые в речи: обонньордоох эмээхсин 'Старик и старуха', кыһыннаах сайын 'Зима и лето' (-доох и -наах - фонетические варианты аффикса -лаах). ПДТП - тэҥнэли йэрли 'Небо и земля', инили эчили 'Младшие братья и старшие братья'.

Порядок слов в предложении

Обычный порядок слов в предложении

Обычный порядок слов в предложении в языке ПДТП такой же, как и в современных тюркских языках:[10] сказуемое находится в абсолютном конце предложения, определение предшествует опреде-

---

[9] Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.;Л., 1950, с.230-232.

[10] Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.;Л., 1960, с.394-396.

ляемому. Указанный порядок слов может измениться, если требуется выделить в смысловом отношении какой-либо член предложения (обособление, инверсия). Если нет необходимости в выделении какого-либо члена предложения, порядок членов предложения следующий.

При наличии в предложении прямого и косвенного дополнений прямое дополнение следует за косвенным: Бимбазари элигкэ аркыш өнтүрүп инчэ тэп өтүг ытдылар 'Они послали вестника к правителю Бимбасара и передали ему следующую просьбу' (ТТ X, 44-45).

Обстоятельства образа действия (обобщающее), цели и причины непосредственно характеризуют сказуемое и располагаются перед ним: Тэңри айтын түкэти ишлэйүр биз 'Волю бога мы исполняем неукоснительно' (ТТ II, А 3). Эр абка бармыш 'Мужчина отправился на охоту' (ТС II, 17). Тэңрили йэкли нэдэ өтрү сүңүшмиш 'Отчего стали потом враждовать боги и демоны?' (Хуаст. 134).

Обстоятельства места и времени располагаются перед сказуемым, если характеризуют непосредственно действие: Йай анта йайладым 'Я там провел лето' (МЧ 20). Мэн амты өлүр мэн 'Теперь я умираю' (КП 40, 3).

Если обстоятельства места и времени характеризуют все предложение, они находятся в абсолютном начале предложения: Эвимдэ йэмэ үкүш такыгу кушлар бар эрүр 'В моем доме также имеется много кур' (Ман. I, 37, 15). Тоңуз күндэ йылкысы карасы өлүр 'В день свиньи будет падеж его скота' (ТТ VII, 33, 19).

При наличии нескольких обстоятельств порядок следования их определяется следующим правилом: общее предшествует единичному, так что каждое последующее должно быть включено в целое, которое поясняется предыдущим. Поэтому первое место занимает обстоятельство времени, за ним следует обстоятельство места: [11] Өңрэ эртмиш өдтэ бу чамбудивип улушта махаради атлыг элиг кан бар эрти 'В прошлые времена в этой стране Индии был царь - правитель по имени Махаради' (СЗБ 607, 8).

Описанный выше порядок слов характерен для повествовательной речи, в которой порядок членов предложения обусловлен в значительной мере синтаксической функцией слов в предложении. В этом случае прямое дополнение располагается непосредственно пе-

---

[11] Там же, с.395.

ред сказуемым. Если возникает необходимость выделить какой-либо член предложения логически, то он перемещается на место прямого дополнения и занимает позицию непосредственно перед сказуемым. Например, логически могут быть выделены подлежащее или косвенное дополнение.

Логическое ударение падает на подлежащее: Номуг төрӱг киши этэр 'Человек создает правила и законы' (ТТ УІ, 35).

Логическое ударение падает на косвенное дополнение: Түргэш каганың кызын эртиңӱ улуг төрӱн огӟума алы бэртим 'Я взял, соблюдая самый торжественный порядок, дочь кагана тюргешей в жены моему сыну' (БХ Хь,9).

Инверсия

При инверсии нарушается правило, по которому поясняющий, уточняющий элемент предшествует поясняемому, уточняемому, а сказуемое занимает конечную позицию в предложении. Можно отметить следующие случаи инверсии:

1. Логическое ударение падает на действие, выражаемое сказуемым. После сказуемого следуют другие члены предложения: подлежащее (а), прямое дополнение, выражаемое формой винительного падежа (б), косвенное дополнение (в), обстоятельство, выражаемое различными падежами, кроме основного, сочетанием имени с послелогом, деепричастием (г).

а) Йэмэ йэгэтти йарук күн 'И светлый день одолел' (Ман. Ш, 19, 10). Башланды йэти пагарлының йэмэ бэш түрлӱг мончукуң ташларын эрдэми бэлгӱлӱг саблар 'Начались слова, описывающие достоинства семи планет, а также пяти видов драгоценностей и драгоценных камней' (ТБ 2).

б) Кэлӱртӱм өк түрк бодунуг өтӱкэн йэркэ 'Я привел тюркский народ в землю Отюкен' (Т 17). Укуп бӱтӱрдӱм кэртӱ орунуг туймакыг 'Я постиг познание истины' (СзБ 308, 3).

в) Йӱкӱнӱр мэн ратнадиви атлыг буркан кутына 'Я поклоняюсь его величеству, будде по имени Ратнадхавайа' (Уйг. І, 32, 3). Суй йазук кылур биз йарук тэнриләркэ ном кутына арыг динтарларка 'Мы совершаем грехи и прегрешения по отношению к светлым богам, к величию писания и святым священнослужителям' (Хуаст. 218).

г) Бизни үчүн бошунмак билиг бәрти ном кутына 'Для нас он дал знание об освобождении ради величия учения' (Ман. Ш, 7, 6). Иэмэ агаэланмыш болты улуг өгрүнчин 'Также было высказано с великой радостью' (Ман. I, 25. 3). Бэн өлтүм тургиш эл ичинтэ 'Я умер в тюргешском племенном союзе' (Е 37, 3). Аллыг чэвишлиг кишилэр алдайу турур үскүндэ 'Лживые люди обманывают тебя при тебе же' (ТТ I, 26). Тарыгчыларыг көрүр эрти куруг йэриг сувайу өл йэриг тарыйу 'Он видел земледельцев, орошающих сухую землю и обрабатывающих влажную землю' (букв. 'когда они орошали и обрабатывали') (КП I, 3).

2. Логическое ударение падает на определяемое в составе субстантивного словосочетания (определение выражено формой родительного падежа): Нэ огурка тэнри тэп аты болур оларнын 'Почему имя у них "бог"?' (Уйг. I, 23, 17).

Широкое использование инверсии в языке ЦДТП говорит о том, что это очень древнее явление. Основные виды инверсии в языке древних памятников такие же, как и в современных тюркских языках, например в турецком языке.

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Односоставное предложение содержит только подлежащее или только сказуемое. Другой главный член не восстанавливается по контексту и не требуется для смысла высказывания. В языке ЦДТП выделяются следующие типы односоставного предложения: модально-безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, вокативные предложения.

Модально-безличные предложения выражают объективное долженствование и возможность. Подлежащее отсутствует.

Долженствование выражается сочетанием форм -мыш, -мак и деепричастия -у со словом кэргэк 'необходимый', 'нужный', а также формой -гу: Аны үчүн нынча билмиш кэргэк 'Поэтому нужно знать следующее' (ТТ УI, 35). Туркару аш ичкү нынча колусынча ашанмак кэргэк 'Пишу следует принимать всегда в одно и то же время' (Ман. Ш, I2, 2). Анта кин топрак каза там токыйу кэргэк 'Затем нужно копать землю и воздвигать стены' (ТТ УI, 82). Үч ката бурунка тамызгу ол 'Следует закапать в нос три раза' (Рах. I, I27).

Возможность выражается сочетанием глагольной формы -гали с глаголом бол- 'становиться': Катыг кэртгүнчлүг болмагынча оңаргалы болмаз 'Пока не будет твердо верующим, нельзя будет исправить [его]' (Хюэн, прим. 1870). Улуг талуй өгүз толу сувнуң бир бир тамызым санын санагалы болгай 'Всю воду (букв.'количество воды') огромного моря можно сосчитать по одной капле' (УСп 89, 11).

В неопределенно-личных предложениях субъект действия является неопределенным, неизвестным. Подлежащее в них отсутствует, сказуемое выражено 3-м л.ед. или мн.ч.: Йэмэ ким өлсэр бу битигиг үч ката окызун 'И если кто-нибудь умрет, пусть эту книгу прочтут три раза' (ТТ УІ, 280). Йэмэ эринч киши оглы кэнтү көрмиш өтэгин эмгэкин *атайурлар* 'И также *называют их бедными* детьми человеческими из-за горестей и страданий, перенесенных ими' (Ман. І, 9, 8).

В обобщенно-личных предложениях субъектом действия является любое лицо. Подлежащее в них отсутствует, сказуемое выражено 2-м л.ед.ч.: Түтүш кэриш кылмасар сэн өзүңэ камаг адатын озгай сэн *'Если ты не затеешь ссор и споров, то избавишь себя* от всех опасностей' (ТТ І, 180).

К обобщенно-личным односоставным предложениям очень близки двусоставные *предложения, в которых подлежащее, хотя и* выражено, но мыслится обобщенно. В качестве подлежащего используется существительное киши 'человек' или вопросительное местоимение ким 'кто'. *Этот тип предложений широко используется в* памятниках: Кайу кишиниң йылкысы үкүш өлсэр бу ву капыгта йапшурсун 'Если у какого-либо человека будет подыхать в большом *количестве скот, то пусть прикрепит на двери* этот амулет' (ТТ УІІ, 27, 17). Канйу киши кэнтү этүзин үзэ эрклиг болуп эл хан төрүүсин тутмыш 'Тот человек, кто над своим телом имеет власть, *следует закону правителя*' (Ман. Ш, 20, 4). Ким тэрс көрүм өритсэр аның эми йүрүнтэги алы алдагы йок 'Нет тому целительных средств и способов к спасению, кто поддерживает еретические *взгляды*' (ТТ ІУ, 444, *прим.* 11). Бу дийан сакынчлыг кишиг ким көрсэр бурканыг көрмиш тэг сэвэр таплайур 'Тот, кто увидит этого человека, погруженного в созерцание, будет любить и почитать его, *словно он видел будду*' (ТТ У, А ІІІ).

Вокативные предложения выражают обращение, побуждение, сожаление. Они состоят из одного слова и включают в свой состав усилительно-вокативные частицы и междометия: Ай йэклэр 'Эй, демоны!' (Уйг. I, 40, I0). Ай могочлар '0 маги!' (Уйг. I, 7, I0). Муң ай муң ай '0 горе! 0 горе!' (СЗБ 623, 9).

НЕПОЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Неполное предложение - это такое предложение, в котором на отсутствующий член предложения указывает только контекст. Неполные предложения употребляются преимущественно в диалогической речи. Тексты древнетюркских памятников представляют собой в основном образцы повествовательной речи, но в них довольно часто используются неполные предложения без прямого дополнения: Ичикдиң ичикдүк үчүн тәңри өлүтмиш эринч 'Ты подчинился. Так как ты подчинился, небо, надо думать, [тебя] поразило' (Т 3). Эр кугу кушка сокушмыш кугу куш канатыңа уруп анын калыйу барыпан өгиңэ каныңа тэгүрмиш 'Муж повстречался с лебедем. Лебедь посадил [мужа] на свои крылья и, взлетев с ним, отправился и доставил [его] к матери и отцу' (ТС II, 53). Бу ырк битиг эдгү ол ынчып алку кэнтү үлүги эрклиг ол барс йыл экинти ай бэш йэгирмикэ тайгунтан маныстантакы кичиг динтар буруагуру эшидшчимиз исиг сангун итэ чук үчүн битидим 'Эта гадательная книга хорошна. Так все властны распоряжаться своей долей. В год тигра, второго месяца, пятнадцатого числа, я написал [гадательную книгу] для находящихся в обители Тайгунтан слушателей, младших священнослужителей и буруа-гуру Исиг-сангуна и Итечука' (ТС II, I0I-I03). Он ай элтди өгүм оглан тогдум 'Моя мать носила [меня] десять месяцев. Я родился мальчиком' (Е 29, 5).

Частое использование в языке ПДТП неполных предложений с опущенным прямым дополнением обусловлено тенденцией к экономии языковых средств: опускается все, что не является абсолютно необходимым для понимания смысла сказанного.

Сложносочиненное предложение

В языке ПДТП используются бессоюзные сложносочиненные предложения. Между простыми предложениями, входящими в состав сложносочиненного предложения, могут быть соединительные (1) и противительные (2) отношения. Связь между простыми предложениями обусловлена только контекотом.

1) Кэйиг йэйӱ табышган йэйӱ олурур эртимиз бодун богзы ток эрти 'Мы жили, питаясь оленями и питаясь зайцами, народ был сыт' (Т 8). Агылым он йылкым сансыз эрти 'Моих загонов для скота было десять, скота у меня было без числа' (Е 47, 5). Иним йэти урым ӱч кызым ӱч эрти 'Моих младших братьев было семь, моих сыновей - трое, моих дочерей - три' (Су 6). Каганка кыркыз бодуны ичикди йӱкӱнти йантымыз көгмэн йышыг эбирӱ кэлтимиз 'Киргизский народ подчинился кагану, повиновался ему, и мы вернулись, обойдя Кёгменскую чернь' (Т 28). Озмыш тэгин кан болмыш конь йылка йорыдым 'Озмыш-Тегин стал ханом, и в год овцы я пошел в поход' (МЧ 9).

2. Эки ай кӱтдӱм келмэди 'Два месяца я ждал, но они не пришли' (МЧ 17).

В функции сказуемого непоследнего предложения в составе *сложносочиненного предложения может использоваться деепричастие* -Ц: Тэнри буркан бу ном йарлыг йарлыкап камаг калын кувраг эртиӈӱ өгрӱнчӱлӱг сэвинчлиг болу тэгинип көӈӱллэри көгӱзлэри билгэ билиглэри йарулы йашуды 'Божественный будда проповедовал это учение, и все члены общины пришли в восторженное состояние, засияли, заблистали их умы и знания истины' (ТТ УІ, 456). Агызы куруп тили тамгаку катып сав сӧзлэйӱ умадын кэгинч бэрмэдин шук турды 'Во рту у него высохло, язык отнялся, горло свело, и, не будучи в состоянии произнести хоть одно слово, он стоял безмолвный' (СЗБ 624, 11).

Сложноподчиненное предложение

В состав сложноподчиненного предложения входит главное и одно или несколько придаточных предложений. Сказуемое в придаточном предложении выражается теми же способами, что и конеч-

ное сказуемое в самостоятельном предложении. Подчинение придаточного предложения главному осуществляется с помощью союзных слов тэйин, тэп, тэпэн (1), аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа при одном из членов придаточного предложения (2), позиционно (3), с помощью послелога (4), посредством выражения сказуемого придаточного предложения формой -сар (5), с помощью вопросительных слов (6).

1. Подчинение осуществляется с помощью союзных слов тэйин, тэп, тэпэн, представляющих собой деепричастия глагола тэ- 'сказать'. Первоначально слова тэйин, тэп, тэпэн были средством связи прямой речи с речью автора. В этой функции они используются и в языке ЦДТП: Бу нэ сав эрки тэп тэди 'Что это за слова?' - Сказала она' (СЗБ 622, 3). Однако в дальнейшем они утратили свое знаменательное значение и уже в древнейших памятниках используются в качестве союзных слов. Если сказуемое придаточного предложения именное или если глагольное сказуемое придаточного предложения выражается формами изъявительного наклонения, то союзные слова передают изъяснительную связь при подчинении придаточного предложения глаголу восприятия, например, бил- 'знать' (а) и причинную связь при подчинении придаточного предложения глаголу с другим значением (б). Если придаточное предложение подчиняется глаголу восприятия, то союзное слово может опускаться. После сказуемого придаточного предложения, выраженного формами повелительного и желательного наклонений, союзные слова передают целевые отношения (в).

а) Öнрэ нэ бар эрмиш тэпэн билтимиз 'Мы знали, что было раньше' (Хуаст. 134). Ай тэнри кайу рашыда кайу йултузда ол билэйин 'Узнаю-ка я, в каком знаке Зодиака, у какой звезды находится божество -луна' (ТТ УШ, L 9).

б) Аркыш ылмаз тэйин сӱлэдим 'Я пошел в поход, так как они не присылали каравана с данью' (БК 25).

в) Кöгмэн йэр суб ылдисиз калмазун тэйин аз кыркыз бодунуг йаратып кэлтимиз 'Мы пришли и устроили немногочисленный народ кыргызов, чтобы не осталась без хозяина земля (страна) Кегменская'(Кб 20). Аны аныгайын тэп сӱлэдим 'Я пошел в поход, чтобы наказать его' (БК 41).

Придаточное изъяснительное предложение может подчиняться существительному со значением, близким к значению глаголов вос-

приятия: Ташра йорыйур кӱ эшидип 'Услышав весть о том, что он бродит за пределами [своей земли]' (Кб I2).

2. Подчинение осуществляется с помощью аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа при одном из членов придаточного предложения. Аффикс принадлежности указывает на связь придаточного предложения с тем членом главного предложения, которое оно определяет: Куты буйаны азумиш эринч йарлыг тынлыг 'Несчастные и бедные существа, счастье и благодать которых уменьшились' (СЗБ 480, I9).

3. Подчинение осуществляется только позиционно. Придаточное предложение располагается перед тем членом главного предложения, который оно определяет. Сказуемое придаточного предложения выражается словом йок 'нет'. Ол амты аныг йок тӱрк каган ӧтӱкэн йыш олурсар 'Если в Отюкенской черни сидит на престоле тот тюркский каган, у которого нет теперешних недостатков' (Км 3).

4. Подчинение осуществляется с помощью послелога ӱчӱн, сказуемое придаточного предложения выражено словом бар 'есть', 'имеется'. Тэнри йарлыкадукын ӱчӱн ӧзӱм кутум бар ӱчӱн каган олуртум 'По милости неба и потому, что я сам был царственного происхождения, я сел каганом' (Км 9). Кутум бар ӱчӱн ӱлӱгӱм бар ӱчӱн ӧлтэчи бодунуг тиригрӱ игитим 'Так как я был царственного происхождения, так как у меня была удача, я поднял к жизни готовый погибнуть народ' (Кб 29).

5. Подчинение осуществляется посредством выражения сказуемого придаточного предложения формой -сар, а также формой условной модальности. В зависимости от контекста форма -сар и форма условной модальности могут передавать условные (а) и условно-временные (б) значения. Четкую границу между собственно условными и условно-временными придаточными предложениями провести нельзя, в обоих случаях сказуемое придаточного предложения выражается одними и теми же формами. Если в состав придаточного предложения со сказуемым, выраженным формой -сар, входят вопросительные слова, например ким 'кто', нэ 'что', нэчэ 'сколько', нагу 'что', то такого типа придаточные предложения передают обобщенные определительно-объяснительные значения (в).

а) Кимэ ким ӧлсар бу ӧитигиг ӱч катэ окыгун 'Если кто-нибудь умрет, пусть эту книгу прочтут три раза' (ТТ VI, 280).

Сиз төрӱсӱзӱн ӧдсӱзкэ кэнтӱ ӧзӱӈӱэ йазынсар сиз ӧтру камаг [illegible] ӈиз булганлай 'Если Ты сам беззаконно сотрешишь против всего него (букв.'вечного'), тогда начнутся смуты по всей твоей стра не' (ТТ II, А 8). Йт тишин кэнч оглан асынсар йӱрэклиг бодур 'Если ребенок (мальчик) повесит на себя зуб собаки, он будет бесстрашным' (ТТ УП, 23, 2). Улуг кӱчлӱг кутлуг бодисавтлэр эрмэсэр бу йэркэ нэӈ тэгмэгэй эрти 'Если бы это не был великий, могучий, благословенный бодисатва, он бы никогда не достиг этой земли' (КП 45, 2). Алкышымыз ӧтӱгӱмӱз тэӈрикэ ярлыгы тэгмэди эрсэр нэ йэрдэ тыдынты тутунты эрсэр амты тэӈрим йазукда бошуну ӧтӱнӱр биз 'Если наши благословения и мольбы совершенно не доходили до бога, если они оставались (букв.'задерживались') на земле, то теперь, о боже, мы умоляем о прощении грехов' (Хуаст. I60).

б) Калты этӱз кодсар биз тэӈри йэриӈэрӱ баргай биз 'Когда мы покинем тело, мы отправимся в божественную страну' (ТТ II, А 3). Этӱз кодсар алкугун бурканлар йэринтэ тогар 'Когда они покинут тело, они все родятся в стране будд' (ТТ УI, 288). Качан ол моточлар билдихимкэ тэгдилэр эрсэр ол йултув тэбрэмадин шук турды 'Когда те маги достигли Вифлеема, та звезда остановилась неподвижно' (Уйг. I, 6, 7).

в) Ап айаглыг ап айагсыз улуг кичиг ким эрсэрлэр олар барча йэтикэӈэ санлыг тогарлар 'Будет ли кто из них почитаем или презираем, большим ли малым, все они родятся под созвездием Большой Медведицы' (ТТ УП, 40, 77). Нэ ӱрлӱг этиг йаратыг бар эрсэр көрӱмчи йулдузчыга айытмаз этэр эртилэр 'Какие только ни были дела, они делали их, не спрашивая предсказателей и астрологов' (ТТ УI, I33). Таки ол улушта нэчэ эринч йэрлиг колтгучылар бар эрсэр алку анта куврады 'Несчастные нищие, сколько их ни было в той стране, все там собрались' (КП 7I, 9). Нэгӱ сакынч сакынсар сэн бӱтмэз 'Что бы ты ни задумал,не исполнится' (ТТ УП, 28, 4).

6. В древнеуйгурских и манихейских текстах используются придаточные предложения, вводимые вопросительными словами ким 'кто' и калты 'как'. Особенностью данного типа придаточных предложений является то, что они могут как предшествовать главному предложению, так и следовать за ним. Придаточные предложения,

вводимые словом ким, всегда следуют после главного предложения. Вопросительные слова вводят придаточные предложения определительные (а), дополнительные (б), времени (в), обстоятельства образа действия (г), причины (д), цели (е):

а) Ол ким әртмиш бурканлар номлады 'То, чему учили прежние будды' (ТТ УІ, 26). Андаг баг чуг йок ким йөрүлмәтүлүг шәшилмәтүлүг 'Нет таких оков и пут, которые бы не поддавались распутыванию' (СЗБ 165, 21). Йәмә бар ватаг өд калты карарыг туймак сынытан йәклөр өнүп йаңы киши бирла сүңүшүрлөр 'А также существует такое время, когда из составной части "мрачного восприятия" возникают демоны и борются с новым человеком' (Ман. Ш, 18, 6).

б) Өз билигсиз тәрс кылынчын билмәз укмаз ким мәниң ашнукы ажунта кылмыш өз кылынчым мәни инчә эмгәтүр 'Из-за собственных неразумных, неправильных поступков они не понимают, что их так мучают поступки, которые они совершили в прежних существованиях' (ТТ УІ, 15).

в) Калты алты күн әртип барды бги каңы атлыг йүзлүги ыглайу бушану тургурып нәң унамады 'Когда прошло шесть дней, его мать и отец, именитые люди и сановники, плача и сокрушаясь, хотели его поднять, но он не соглашался' (КП 20, 4).

г) Калты балык сувынтын адырылып исиг кумта агынамыш тәг йәртә агынайу инча тәп ыглады 'Женщина' билась на земле, как бьется на горячем песке рыба, выброшенная из воды, и так причитала' (СЗБ 626, 11).

д) Көңүли аз когшады ол тылтагын ким инчә эшидти 'Разум его несколько ослабел, потому что он услышал такое' (ТТ Ш, А 30).

е) Катыгланаң ким үркә одугун эрәнлөр 'Старайтесь постоянно быть бдительными' (букв. 'старайтесь, чтобы вы постоянно были бдительными') (Ман. Ш, 9, 6).

Придаточные предложения, вводимые словом ким, употребляются в ряде современных тюркских языков, например азербайджанском, гагаузском, киргизском, кумыкском, татарском, тувинском, хакасском.[12]

---

[12] Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с.354-360.

Сложноподчиненное предложение в тюркских языках исследовано А.Н.Кононовым на материале турецкого и узбекского языков.[13] В языке ПДТП можно отметить те же типы придаточных предложений, что и в указанных языках. Это свидетельствует об очень древнем происхождении придаточных предложений. Несомненно, что придаточные предложения сложились задолго до создания древнейших памятников, так как уже в языке ПДТП система придаточных предложений развита в той же степени, что и в современных тюркских языках.

---

[13] К о н о н о в А.Н. 1) Грамматика современного турецкого литературного языка. М.;Л., 1956, с.515-546; 2) О бессоюзных сложноподчиненных предложениях в турецком языке. - СТ, 1971, №4, с.3-12; 3) Грамматика современного узбекского литературного языка, с.408—422.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

I. Грамматические категории и отдельные грамматические формы в языке ПДТП обладают двойственным, противоречивым характером.

Двойственный характер категории числа проявляется в том, что форма единственного числа совмещает в себе значения единичности и неопределенной собирательности, а форма множественного числа – значения обычной множественности и расчлененной множественности.

Двойственный характер категории склонения обусловлен следующим: каждый падеж противопоставляется своим ближайшим коррелятам по семантическому признаку и противопоставляется всем остальным падежам в целом по своим синтаксическим функциям. Так, двойственность, противоречивость значений дательного падежа обусловлена тем, что своими обстоятельственными значениями (объект направленности действия в пространстве) он противостоит своим ближайшим коррелятам – местному и исходному падежам, а своими значениями, не связанными непосредственно с понятием направленности действия (объект, вызывающий ответную реакцию, эмоцию, объект со значением причины), дательный падеж противостоит всем остальным падежам как форма косвенного дополнения.

Двойственность категории принадлежности проявляется в способности аффиксов принадлежности выражать как конкретные значения принадлежности, так и отвлеченные значения, указывая на связь определения и определяемого (аффикс принадлежности 3-го л.).

Двойственный характер категории залога проявляется в том, что формы залогов сочетают лексические (словообразовательные) и грамматические (словоизменительные) значения. Аффиксы залогов могут выражать расширение объектных связей глагола (лексические значения) и характеристику субъекта действия, обозначаемого исходной основой (грамматические значения). Например, аффикс взаимно-совместного залога -ш может выражать взаимно-совместные и

совместные значения. В первом случае форма залога имеет лексические и грамматические значения, во втором – только грамматические значения.

Двойственный характер категории наклонения обусловлен следующим: желательное и условное наклонения противостоят изъявительному наклонению как "идеальные" наклонения и в то же время они могут передавать значения, приближающиеся к значениям изъявительного наклонения. Желательное наклонение в придаточном предложении цели передает будущее время, форма условного наклонения -sәp может выражать не только условие, но и временные отношения.

Двойственный характер причастий сказывается в образовании причастиями двух рядов форм (малые ряды). В пределах каждого малого ряда причастие противопоставляется остальным причастиям по своим временным и модальным значениям (семантические признаки). В то же время каждое причастие противопоставляется всем остальным причастиям в целом по своим синтаксическим функциям.

2. Сопоставление языка ЦДТП с современными тюркскими языками показывает, что в тюркских языках действует тенденция к расширению абстрактных значений грамматических форм, к усилению их синтаксических значений. Так, в современных тюркских языках формы родительного и винительного падежей сочетают семантические значения (значение конкретной предметности) и синтаксические значения (родительный падеж обозначает приименное определение, винительный падеж – прямое дополнение). Однако в известных случаях (в позиции "отстоящего" приименного определения и "отстоящего" прямого дополнения) эти падежи указывают только на синтаксическую функцию слова. В языке ЦДТП родительный и винительный падежи, как правило, всегда сохраняют свои семантические значения. Винительный падеж может не использоваться, если слово в позиции отстоящего прямого дополнения не имеет значения определенности. Местный падеж в современных тюркских языках имеет не только обстоятельственные значения, но используется также в качестве формы управляемого дополнения. В языке ЦДТП местный падеж передает только обстоятельственные значения. Причастия в современных тюркских языках могут выражать не только временные значения по отношению к главной глагольной форме, но и указывать на характер связи между причас-

тием и определяемым им существительным. Например, в языке ПДТП причастие -мыш не содержит указания на характер отношения между формой -мыш и ее определяемым. Определяемое при форме -мыш может быть и субъектом действия, выраженного этой формой, и обозначать прямой или косвенный объект действия, а также место и время совершения действия. В современном турецком языке форма -мыш приобрела агентивное значение и указывает на то, что определяемое является субъектом действия, выражаемого формой -мыш. В языке ПДТП форма -дук не указывает на характер отношения между определением и определяемым. В современном турецком языке форма -дык (-дук в языке ПДТП) указывает на то, что определяемое при ней не является субъектом действия.

3. Сопоставление языка ПДТП с современными тюркскими языками позволяет сделать вывод о том, что в тюркских языках происходит развитие противоречивости значений грамматических форм доходящее до противоположности. В языке ПДТП все значения исходного падежа связаны с семантикой отложительности, в современных тюркских языках в процессе развития противоречивости значений исходного падежа он приобрел способность передавать и противоположные значения - значения приложительности.

4. В ходе развития и совершенствования грамматического строя тюркских языков ряд грамматических форм расширяет круг своих значений и передает более тонкие и сложные оттенки значений. Так, в языке ПДТП сложные временные формы представляют собой релятивное употребление простых времен по отношению к фону прошлого. Тенденция к использованию сложных временных форм плана прошлого также и по отношению к моменту речи (индикативно) в языке ПДТП только намечается. В современных тюркских языках все сложные временные формы могут употребляться и релятивно и индикативно, что позволяет передавать очень тонкие оттенки значений.

5. Сопоставление синтаксиса языка ПДТП с синтаксисом современных тюркских языков свидетельствует об очень большой устойчивости синтаксического строя тюркских языков. Так, порядок слов, виды инверсии, система развернутых членов предложения, основные типы придаточных предложений в языке ПДТП те же, что и в современных тюркских языках.

6. Универсальная тенденция к выражению различных значений и к передаче различных функций различными формами проявляется в тюркских языках прежде всего в тенденции к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений. В сфере неглагольных имен эта тенденция ведет к формальной дифференциации имен существительных и имен прилагательных. В языке ПДТП имя могло часто обозначать качество предмета как признак (адъективное значение) и качество предмета как понятие с субстантивным значением. В современных тюркских языках субстантивные и адъективные значения, как правило, различаются формально. В сфере имен действия тенденция к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений ведет к тому, что значение процесса с субстантивным значением и значение признака действия выражаются различными формами. Так, в языке ПДТП формы -мыш и -р имели и субстантивное и адъективное значения. В современном турецком языке эти формы имеют только адъективное значение.

Тенденция к формальной дифференциации различных значений выражается также и в ряде других тенденций. Например, в языке ПДТП приименное неглагольное определение с конкретно-предметным значением и приименное неглагольное определение с отвлеченно-предметным значением могли передаваться одной формой - основным падежом. В современных тюркских языках определение с конкретно-предметным значением обычно выражается родительным падежом, а определение с отвлеченно-предметным значением - основным падежом. В языке ПДТП дательный падеж мог иметь не только адресатные значения, но и локативные, местный падеж с аффиксом -да мог иметь не только локативные, но также директивные и аблативные значения. В современных тюркских языках указанные значения обычно четко дифференцированы формально.

Тенденция к выражению одинаковых или близких значений одинаковыми формами проявляется в утрате продуктивности рядом форм. В языке ПДТП дательно-направительный падеж был продуктивной формой. Близкие значения имел дательный падеж. Инструментальные значения в языке ПДТП выражались инструментальным падежом, а также сочетанием имени с последогом бирлэ. Деепричастия -п и -пан могли передавать одинаковые значения. В современных тюркских языках формы -гару, -ч (инструментальный падеж) и -пан утратили продуктивность.

7. В языке ПДТП синтетических глагольных форм нет (под синтетическими глагольными формами мы понимаем глагольные формы, в состав которых входят аффиксы, происходящие от самостоятельных глаголов). В тюркских языках на протяжении всей их известной нам истории действует тенденция к переходу аналитических форм в синтетические. В современных тюркских языках эти формы широко распространены. Вместе с тем в тюркских языках можно отметить и тенденцию к сохранению аналитического характера ряда глагольных форм. Так, в узбекском и якутском языках формы сказуемости прошедшего времени и сложные временные формы изъявительного наклонения остаются аналитическими, как и в языке ПДТП. Тенденция к сохранению аналитических форм обусловлена, по нашему мнению, действием универсальной тенденции к сохранению языком существующего состояния. В целом в тюркских языках в исторически обозримый период (начиная с эпохи создания древнейших памятников) преобладает тенденция к переходу аналитических форм в синтетические.

8. Сопоставление особенностей грамматического строя языка ПДТП с особенностями грамматического строя современных тюркских языков показывает, что язык ПДТП имеет ряд черт, сближающих его с современными огузскими (турецким, азербайджанским) и якутским языками и одновременно отличающих его от остальных современных тюркских языков. В языке ПДТП, огузских и якутском языках существуют продуктивные глагольные формы -мыш и -дух (в различных фонетических вариантах). Якутский язык имеет также ряд признаков, объединяющих его только с языком ПДТП: аффикс -гар (-геру в языке ПДТП) в форме дательного падежа имен с аффиксами принадлежности и в составе аффикса сравнительного падежа -даагар, использование формы основного падежа в позиции приименного определения с конкретно-предметным значением, выражение дательным падежом как директивных, так и локативных значений, аффикс частного падежа -да, имеющего партитивное значение (партитивное значение связано с аблативным значением, которое в языке ПДТП может передаваться аффиксом -да), форма отрицательного аспекта времени -быт (-мыш в языке ПДТП), образованная посредством аффикса -батах (-мадук в языке ПДТП), способность некоторых послелогов управлять винительным падежом,

повторение одинаковых падежных аффиксов при каждом из однородных членов.

Следует отметить, что якутский язык имеет особенности, общие только для него и языка древнеуйгурских памятников: широкое использование формы -быт (-мыш в языке ПДТП) в функции приименного определения, субъект действия которого не совпадает с определяемым, а также в функции развернутого дополнения и обстоятельства, сочетание формы -тар (-сар в языке ПДТП), выражающей условие, с личными показателями, восходящими непосредственно к личным местоимениям, использование формы -ыай - так называемого наклонения "опасения" (< -гай в языке ПДТП). Следовательно, можно предположить, что якутский язык ближе не к языку орхонских памятников, а к языку древнеуйгурских памятников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
О транскрипции и сокращениях II

Глава I. ФОНОЛОГИЯ

Гласные I7
Состав гласных фонем . . . . . "
Гармония гласных фонем I8
Согласные 20
Состав согласных фонем . . . . . "
О глухости и звонкости согласных фонем 2I

Глава II. МОРФОЛОГИЯ

Части речи 24
Словообразование имен 25
Имя существительное . . . . . "
Имя прилагательное 26
Местоимения 28
Личные местоимения . . . . . "
Аффиксы принадлежности 29
Указательные местоимения 30
Вопросительные местоимения 3I
Выделительные местоимения . . . . . "
Неопределенные местоимения 32
Определительные местоимения . . . . . "
Имя числительное 33
Количественные числительные . . . . . "
Порядковые числительные . . . . . "

Разделительные числительные 39
Собирательные числительные . . . . . "
Словоизменение имен . . . . . "
Категория числа . . . . . "
Категория склонения 40
Формы падежей . . . . . "
Значения падежей 41
Система падежей в языке ЦДТП 53
Категория принадлежности 65
Глагол 67
Формы словообразования глагола . . . . . "
Глагольно-именные основы . . . . . "
Формы образования глагольных основ от имен 68
Формы образования глагольных основ от глагольных основ 70
Категория залога . . . . . "
Общая характеристика . . . . . "
Страдательно-возвратный залог 71
Взаимно-совместный залог 74
Понудительный залог 75
Система залогов в языке ЦДТП 78
Формы словоизменения глагола 80
Наклонения . . . . . "
Общая характеристика . . . . . "
Изъявительное наклонение . . . . . "
Повелительное наклонение 88
Желательное наклонение 89
Условное наклонение 90
Причастия 93
Субстантивно-атрибутивные глагольные формы . . . "
Атрибутивные глагольные формы 97
Использование причастий в предикативной функции 99
Система причастий в языке ЦДТП 100
Причастия в языке ЦДТП и в современных тюркских языках 103
Перифрастические глагольные формы 105
Субстантивная форма -мак 108

Имена действия, перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных 109
Деепричастия 110
Сложные глагольные формы, выражающие характер протекания действия. 116
Сложные глагольные формы с модальным значением 119
Наречие 122
Послелоги. 124
Послелоги-частицы 124
Послелоги-частицы, управляющие основным и винительным падежами. 125
Послелоги-частицы, управляющие дательным падежом 127
Послелоги-частицы, управляющие местно-исходным (в аблативном значении) и исходным падежами. . . . . "
Послелоги-имена 128
Некоторые особенности системы послелогов в языке ПДТП 130
Союзы 131
Сочинительные союзы . . . . . "
Подчинительные союзы. . . . . "
Частицы 132
Модальные слова 134

Глава Ш. СИНТАКСИС

Словосочетание 135
Субстантивные словосочетания. . . . . "
Адъективные словосочетания. 137
Глагольные словосочетания . . . . . "
Предложение 139
Повествовательное предложение . . . . . "
Вопросительное предложение. . . . . "
Модальное предложение 140
Восклицательное предложение 141
Простое предложение 142
Главные члены простого предложения. . . . . "
Второстепенные члены простого предложения 146

Развернутые члены предложения 161
Однородные члены предложения. 167
Порядок слов в предложении. 170
Обычный порядок слов в предложении. . . . . "
Инверсия 172
Односоставное предложение 173
Неполное предложение. 175
Сложное предложение 176
Сложносочиненное предложение 176
Сложноподчиненное предложение. . . . . "
Заключение 182

ИБ № II94

Кондратьев Владимир Георгиевич

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ УШ–XI вв.

Редактор С.Е.Хазанова
Обложка художника О.Н.Советниковой
Художественный редактор А.Г.Голубев
Технический редактор Г.М.Иванова
Корректоры М.В.Унковская, И.М.Зингичева

Подписано в печать I8.02.8I М-I2837
Формат 60x84 I/I6. Бумага тип. № 2. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. I0,47. Усл.печ.л. II,I6. Печ.л. I2,0.
Заказ № 66 Тираж 984 экз. Цена I р. I0 к.
Издательство ЛГУ им.А.А.Жданова
I99I64. Ленинград, В-I64, Университетская наб., 7/9

Фотоофсетная лаборатория ЛГУ
наб.Макарова,6